

МИХАИЛ ДЕВЯТАЕВ

Николай
Черкашин

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

ЖИЗНЬ®
ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ
ЛЮДЕЙ

Серия биографий

Основана в 1890 году
Ф. Павленковым
и продолжена в 1933 году
М. Горьким

ВЫПУСК

2145

(1945)

Николай Черкашин

МИХАИЛ ДЕВЯТАЕВ

МОСКВА
МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ
2023

УДК 358.422(092)(047)
ББК 68.520.11(2Рос)
Ч-48

знак информационной
продукции **16+**

ISBN 978-5-235-05013-6

© Черкашин Н. А., 2023
© Издательство АО «Молодая гвардия»,
художественное оформление, 2023

ВСТУПЛЕНИЕ

За всю историю войн XX века никому еще не удавалось сделать то, что сделал старший лейтенант Михаил Девятаев: поднять в воздух немецкий самолет и улететь на нем из-под носа противника. Всех, кто вникал в эту невероятную историю, завораживал узор счастливых случайностей, детективный ход подготовки к захвату самолета и самого полета. Но при этом за кадром оставалась важнейшая деталь: самолет Хе-111, на котором перелетела линию фронта группа Девятаева, был носителем многих военных секретов немецких ракетчиков. Ведь он был наспигован аппаратурой для отслеживания полета ракет и управления ими с воздушного КП! Более того, старший лейтенант Девятаев сообщил командованию точные места расположения стартовых столов на полигоне, и по ним был нанесен уничтожающий удар с воздуха. Когда об этом доложили Герингу, он пришел в ярость и приказал отдать под трибунал начальство лагеря Пенемюнде с комендантом аэродрома во главе.

О военном летчике Михаиле Девятаеве, бежавшем с острова Узедом на немецком самолете с группой военнопленных, я узнал из публикаций моего коллеги по «Комсомольской правде» Василия Пескова. Его огромный очерк — во всю полосу — потряс не только меня, но и всех, кто его читал. Тем более что рассказ шел от первого лица: Девятаев сам рассказывал журналисту о всех подробностях перелета с острова Узедом.

Я никогда не думал, что судьба подарит мне встречу с этим легендарным человеком. В 1985 году в Манеже про-

ходила большая выставка, посвященная 40-летию Победы. В одном из залов я увидел немолодого крепкого человека в темно-синей тужурке капитана речного флота, на груди его ярко горела «Золотая Звезда». Это был он, Михаил Девятаев. Не узнать его было нельзя. Я подошел, представился, мы обменялись рукопожатиями. Расспрашивать Девятаева, который уже устал рассказывать свою историю, я не стал. Из многочисленных публикаций знал ее во многих деталях. Договорились встретиться в Казани, где он жил, и там, не спеша, побеседовать. А вот сегодня жалею о несостоявшемся разговоре. В беседе с Михаилом Петровичем о его невероятном бегстве с секретного немецкого аэродрома Пенемюнде, быть может, открылась бы какая-нибудь новая подробность...

Дважды собирался я в Казань — по свежему знакомству, но общение ограничилось двумя короткими разговорами по телефону. Зато удалось побывать на Узедоме, в том самом Пенемюнде, с которого и началась эта история.

8 ноября 2016 года я стоял на той самой взлетной полосе, с которой мой герой начал свой полет в бессмертие. Конечно, это звучит пафосно. Но без пафоса, без изумления, без преклонения здесь не обойтись. По отношению к Девятаеву уместны все восторженные и высокие чувства. О нем, о Михаиле Петровиче Девятаеве, о его личности и подвиге, собственно, вся эта книга. А если без пафоса: я стоял на взлетной полосе бывшего военного аэродрома на острове Узедом в Пенемюнде, откуда взлетел на Хе-111 летчик-смертник, советский военнопленный старший лейтенант Михаил Девятаев. Идет мелкий осенний дождь. И далеко-далеко на старте взлетной полосы готовится к разбегу самолет с черно-желто-красными опознавательными знаками ФРГ. Я же стою там, где полоса обрывается перед урезом моря. Стоять здесь нельзя, потому что аэродром все еще действующий, с него по-прежнему взлетают самолеты. Но мне очень важно прикоснуться к этой земле, к этому асфальтобетону, который, похоже, остался с тех давних военных времен... Меня засекла местная охрана, и ко мне уже направился какой-то чин, чтобы выдворить

нарушителя с территории аэродрома. И, не дожидаясь его, я «выдворяюсь» сам, то есть тихо скрываюсь в мокрых кустах, делая вид, что собираю грибы и созревший шиповник...

Зачем я сюда пробрался? Чтобы почувствовать то время, в котором мой герой совершил свой подвиг. Спустя восемь десятков лет это очень трудно, но возможно. Я уже приобрел некоторое умение проникать сквозь плотный туман ушедшего времени. Иногда для этого нужно совсем немного: заглянуть в старый дворик и услышать нечаянную фортепьянную мелодию из полуоткрытого окна. Или сесть в допотопное купе старинного вагона и проехать под дыхание паровоза несколько километров... Нужна некая вибрация души. И здесь, глядя, как по мокрому летному полю ко мне направляется немецкий охранник, я эту вибрацию ощутил. Ведь я видел то, чего так не хотелось видеть моему герою, — приближение охраны в тот час, когда он готовился осуществить свой фантастический план...

Я потом подсчитал: чтобы у Девятаева получилось все, что он задумал — захват самолета, взлет, полет, посадка, — должны были соединиться в одну цепь девять счастливых случайностей (а может быть, и больше). И каждая из них могла стать роковой, последней в жизни. И чтобы этого не произошло, нужна была нечеловеческая воля. Впрочем, как раз человеческая, ибо Михаил Девятаев был именно человеком, настоящим человеком маресьевского склада.

И даже если бы он не совершил свой немыслимый полет с Панемюнде, его жизнь была бы не менее интересна как жизнь фронтового летчика-истребителя, сбившего в небе не одну вражескую машину... Наконец, как гражданина, совершившего еще один подвиг — чисто человеческий подвиг многолетнего «хождения по мукам».

Впрочем, все по порядку.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ СУДЬБА С ГОЛУБЫМИ ПЕТЛИЦАМИ

Глава первая **В НЕБЕ СКРЫЛАСЬ ТОЧЕЧКА...**

Если бы я снимал кинофильм о Михаиле Девятаеве, я начал бы вовсе не с неба и не с него, удалого летчика, начал бы с его матери, начал бы с такого вот вполне реального эпизода...

...Российская глухомань. Мордовские леса. Райцентр Торбеево. Кривые улочки. 1942 год... В рубленой избе — райвоенкомат. Два офицера-инвалида правят всеми делами. Майор с отхваченной по локоть левой рукой раскладывает на столе бумаги, придерживая их кулечей.

— Опять Девятайкиной похоронка. Рука не поднимается подписать — это уже восьмая... Опять сын погиб... На этот раз — Михаил, старший лейтенант. Летчик...

— А ты его жене пошли. Она сама ей потом скажет. По-семейному.

— Давай адрес жены.

— Пиши: Казань, улица... дом... Фаине...

А рядом, почти на той же улице, стоит изба Девятайкиных. Такая же, как и все, побуревшая от времени бревенчатая, рубленая «в лапу» хоромина. Окна в узорчатых белых занавесках. На подоконниках — герань. На стене ходики с гириями на цепях, черная тарелка репродуктора. В красном углу — иконы. Пожилая женщина Акулина Дмитриевна молится:

— Упокой, Господи, души убиенных на поле брани воинов: Ивана, Петра, Николая, Семена, Василия, Александра, Сергия... Спаси и сохрани последнего мое-

го — Мишатку, раба Божьего Михаила. И ты, всеблагий архангел Михаил, укрой его от стрел демона...

Молится. Она еще ничего не знает...

Ничего еще не знают и летчики — боевые друзья-товарищи Девятаева¹. Они не молятся. Они укрылись в землянке от дождя — слава богу, погода нелетная — и поминают погибшего собрата. Перед их глазами мелькают настырные кадры недавнего воздушного боя... Вспухают, а потом озаряются красным пламенем клубки зенитных разрывов. Они хорошо видны сквозь лобовое стекло кабины истребителя. Их много. Взрыв за взрывом. В радиоэфире: треск пулеметных очередей, выкрики на немецком и русском, и громче всех — командирский вопль:

— «Мордвин», атакую! Прикрой!

Летчик с позывным «Мордвин» — старший лейтенант Девятаев — прикрывает хвост ведущего. Огненная трасса прошивает его фюзеляж, истребитель вспыхивает, круто уходит к земле с черным шлейфом дыма. Считанные секунды жизни... Девятаев это прекрасно осознает: все, конец... Его тоскливо-злое лицо уже отрешено от всего земного. Широкие скулы туго обтянуты загорелой кожей. Но руки, но обожженные ладони действуют сами по себе: открывают фонарь кабины, и тот, сорванный воздушным потоком, улетает далеко назад. До удара о землю остается секунд девять. Девятаев вываливается из кабины вместе с пристегнутым парашютом. Успеет ли раскрыть? Не успел... Летчик попадает под хвостовое оперение своего самолета... Сильный удар... Это смерть... Отвоевался.

А во фронтовой землянке на краю летного поля летчики поминают погибших товарищей. Капитан с тремя орденами Красного Знамени поднимает стакан:

— Помянем «Мордвина»! Лихой был пилот...

— Может, уцелел? — надеется желторотый лейтенант

---

¹ Настоящая фамилия Михаила — Девятайкин. При оформлении в речной техникум ему в документы по ошибке вписали «Девятаев». Он не стал исправлять. (*Здесь и далее примечания автора*)

с одной лишь медалью «За отвагу» на груди. — Он же парашют раскрыл...

— Куда там! Его о стабилизатор шарахнуло. Сам видел. Мешок с костями приземлился на том парашюте... Царство ему небесное!

— Воздушное, — тихо поправляет капитан.

— А почему он себе такой позывной выбрал? — спрашивает лейтенант, запустив ложку в банку с тушенкой.

— «Мордвин»? Он мордвином был, есть такая древняя нация. Они вроде бы как по-фински говорят.

— Никогда от Мишки ни одного финского слова не слышал. Песни он пел только русские. И выражался крепко тоже по-русски.

— А откуда он родом-то?

— То ли из поселка, то ли из села. Из какого-то Торбеева...

Торбеево... Деревня Тарбеевка (от тюркского имени Тарбей) упоминается в исторических документах 1667 года. Со второй половины XVII века ею овладели служилые люди Тарбеевы. Почти два с половиной века исторические события обходили стороной это тихое селение, но после 1917 года в Торбеево, как и повсюду, жизнь пошла по новому руслу. В 1929 году в Торбеево были созданы колхоз «Комсомолец» и своя МТС — машинно-тракторная станция, а в 1980-е годы в районе уже работали восемь промышленных предприятий.

В городе чтут своего славного земляка Михаила Девятаева. В деревянном здании с кирпичной пристройкой, возведенном на месте дома, в котором он родился и жил, создан музей: в самом здании — мемориальная комната с обстановкой крестьянского быта 1920—1930-х годов, в пристройке — экспозиция, посвященная подвигу Девятаева. Среди экспонатов — подлинная одежда и обувь узника концлагеря Заксенхаузен, письма, награды, фотографии, документы...

Но вернемся в Торбеево 1944 года...

Мать Михаила Девятаева, Акулина Дмитриевна, пока ничего не знает о похоронке, которая лежит в военкома-

те... Ее еще не принесли. Акулина Дмитриевна молилась за своего единственного теперь, после погибших старших сыновей, пока что живого, как казалось ей, сына Михаила. Она даже не знала, где он сейчас, — Михаил писал редко и никогда не упоминал, в каких краях воюет. А может, и упоминал, да военная цензура вычеркивала...

Она все еще шепчет перед иконой:

— Спаси, Господи, раба твоего воина Михаила. Огради его силою животворящего креста твоего...

А где-то далеко-далеко, под городом Львовом (где Торбеево и где тот Львов?), лежал бездыханный ее Мишутка, Мишаня, Михаил, старший лейтенант Девятаев.

С каждым словом материнской молитвы мертвенное, в кровоподтеках лицо распростертого летчика оживает: вот дрогнули веки, приоткрылись глаза, шевельнулись запекшиеся губы.

Жив... Живой...

И никакого кино. Все так и было на самом деле.

А теперь на допрос!

Плен... Немецкий... Беспощадный...

Сотрудники абвера питали особый интерес к пленным летчикам. Каждый из них — носитель важной информации. Почти все они — офицеры, значит, знают куда больше, чем рядовые. И знают немало: сколько самолетов в том или ином полку, где они базируются, кто вышестоящие командиры, где запасные аэродромы и аэродромы подскока... Интересен львовскому отделению абвера был и пленный старший лейтенант, подобранный в поле без сознания.

Его допрашивали в полевом отделении пункта Абвер-2. Допрос вел немецкий офицер с погонами майора. Он вглядывался то в лицо стоявшего перед ним пилота, то в бумаги, лежавшие перед ним на столе. Коренастый темноволосый летчик с трудом держался на ногах: опирался на спинку стула, стоявшего перед ним. На его гимнастерке погоны старшего лейтенанта и четыре боевых ордена. Обычно на боевые задания советские пилоты вылетали без орденов и документов. Но некоторые надевали все свои награды. Считалось, что они обладают

охранным свойством от вражеских пуль. Может быть, так оно и было...

Майор абвера заглядывает в бумаги:

— Вы есть старший лейтенант Девятаев Михаил Петрович?

— Я.

— Вы храбрый летчик. И мы оставим вам ордена и жизнь, если вы будете не только храбрым летчиком, но и, как это у вас говорится, бла... благо... благоразумным человеком. Вы служили в дивизии, которой командует полковник Покрышкин. Расскажите, что вы о нем знаете?

— Отличный летчик. Дважды Герой Советского Союза. Справедливый командир. Веселый человек.

— У него есть личные слабости?

— Слабости? Да нет. Сильный мужик.

— Я имею в виду: пьет неумеренно, женщинами увлекается...

— Ну какая же это слабость?! Женщины слабаков не любят. Нет у него слабостей. Кремень!

— Кре-мень? Кремль? Что есть кремень?

— Камень такой. Об него искры высекают.

— Вы сами камень. Штайнкопф! Каменная башка.

Девятаева уводят. Майор говорит помощнику:

— Он производит впечатление не очень умного человека. В лагерь его!

— В лагерь летчиков?

— Нет. В общий.

Глава вторая

В РУБАШКЕ ИЗ КРАСНОГО ФЛАГА

Михаил родился в 1917 году в бедной крестьянской семье села Торбеева (Мордовия) тринадцатым по счету ребенком. Его явление на белый свет было встречено без особой радости — еще один лишний рот...

Крестили его в сельской церкви, нарекли Михаилом в честь воина архистратига Михаила. Через два года Петр Девятаев, глава большого семейства, сложил голову на

Гражданской войне. Большая семья и без того влачила жалкое существование, а тут еще и потеря кормильца...

Самым большим лакомством в семье Девятаевых (правильно Девятайкиных) был овсяный кисель с печеным луком. Жили, как могли, перебиваясь с хлеба на квас. Но жили, учились, мужали, мечтали...

М. П. Девятаев:

«Рос я оторвой, драчуном, заводилой среди ребят. В 1923 году пошел в школу, а в январе 1924-го был исключен за шалости на уроках и постоянные драки с одноклассниками.

«Подумаешь, важность какая!.. И без школы обойдусь», — говорил я товарищам, а у самого сердце сжималось от обиды на самого себя: «Что я, хуже всех? Товарищи учатся, а я один теперь с тоски пропадаю, и поиграть не с кем... Зачем мне нужны были эти драки?»

Несколько дней я никуда не выходил из дому от стыда. От скуки места себе не находил. А тут еще мать журит без конца и плачет, что я у нее такой неудачный вышел — настоящий шалопай, которого даже из школы выгнали. Обидно было слушать такие слова, потому что я был о себе другого мнения: никакой я не шалопай, стоит только мне захотеть — и стану примерным учеником, даже лучше других. Пусть примут обратно, тогда увидят... Но учительница сказала, что не допустит меня на уроки, пока не попрошу прощения перед всем классом и не пообещаю всему классу исправиться. На это у меня не хватало духу. Перед одной учительницей, так уж и быть, готов покраснеть и попросить прощения, но перед классом... Нет, не могу...»

И все же попросил. Мать стало жалко. Она из сил выбивалась, чтобы поднять на ноги такую ораву. Преодоле л гордыню — повинился перед классом. И вернулся за парту.

Обещание свое сдержал: стал вести себя хорошо и старательно учиться. Успешно переходил из класса в класс.

В детстве любил слушать рассказы старших, читать книги о войне. В душе завидовал взрослым и сожалел,

что «опоздал родиться». Старшие всё сами сделали, а на его долю ничего не осталось. Знал бы он, что выпадет на его долю...

В 1929 году многодетная семья Девятаевых вступила в колхоз. Зимой, как и все, Миша учился в школе, а летом вместе с матерью работал на колхозном поле. После седьмого класса, когда получил на руки свой первый документ — свидетельство о семилетнем образовании, крепко задумался: «Кем же быть?» Документ позволял поступать в техникумы, профтехучилища, ремесленные школы...

Однажды за околицей Торбеева приземлился самолет. Это слетевшее с неба чудо потрясло все окрестные деревни. Ватага восхищенных деревенских ребятишек плотной стеной окружила диковинную железную птицу с острым винтом вместо клюва. Щупали крылья, трогали растяжки, пока летчик не скомандовал всем зычным голосом:

— От винта!

И все разом отхлынули.

М. П. Девятаев:

«Из самолета вышел пилот в кожаном пальто, в таком же шлеме, с огромными очками на лбу. Мы стояли как замороженные, не дыша, разглядывали летательную машину. Многие из нас с завистью посматривали на летчика. Он казался мне волшебником и чародеем. Человек, который летает!.. Что может быть интереснее такой профессии? Вот бы подняться с ним под облака, а еще лучше — самому научиться летать! Загорелось мое сердце. Теперь я знал, кем хочу быть. Во что бы то ни стало буду летчиком.

С этого дня, кроме самолета, я больше ни о чем не думал. Мое воображение рисовало захватывающие картины летной жизни. Даже во сне то парил в облаках, то с головокружительной быстротой проносился над родным селом, то прыгал с самолета с парашютом. И не один раз во время таких снов «пикировал» с кровати на пол. И то полет!»

Кстати говоря, именно с таких случайных прилетов воздушных «инопланетян» — летчиков — начинали свой

путь многие асы. В том числе и знаменитый Алексей Маресьев...

Желание стать летчиком крепло с каждым днем. Однажды Миша поделился своими планами с товарищами. Многие из них тоже хотели обрести крылья, «пойти в летчики». Вчетвером отправились в Казань поступать в авиационный техникум. Матери и друзьям Михаил сказал:

— Вернусь только летчиком, а пока им не стану, не ждите!..

Это был первый вызов судьбе. И тут же получил ответный удар: в спешке забыл захватить свидетельство об окончании семилетки, а без него к экзаменам не допустили. Пока по почте шло свидетельство из дома, прием закончился. Возвращаться домой было стыдно: засмеют товарищи, девчонки.

Что делать? Первое серьезное перепутье в жизни. И Девятаев с честью вышел из тупикового положения.

Вот как это описывает биограф отважного летчика Валерий Жмак:

— Айда в речной! — заявил товарищу Девятаев.

И они отправились поступать в Казанский речной техникум...

— А вы, собственно, кто такие? — директор техникума смерил мальчишек строгим взглядом.

Он намеревался спуститься в столовую, а тут вдруг под дверью незваные гости. Впрочем, помимо строгости, во взгляде пожилого директора присутствовали и удивление, и добрая усмешка. Ведь оба пацана стояли перед ним босые, да и одежда на них была простенькая и весьма потрепанная. В частности, Девятаев был одет в полинялую рубаху, сшитую из украденного красного флага.

— Мы... из рабочего поселка Торбеево, — пролепетали юнцы.

— Это который в Мордовии?

— Точно, в Мордовии.

— Почему же в Казань приехали? Неужто в Пензе или Тамбове подходящего заведения не нашлось?

— Мы в авиационный хотели, а там уже приема нет.

Опоздали, — развел руками Девятаев. И хмуро добавил: — А я еще и аттестат дома позабыл.

— Экий ты растеряша... Как же я тебя допущу до экзаменов без аттестата?

Сашка Учватов молчал и только изредка шмыгал носом. А Мишка вдруг подбоченился и мальчишеским фальцетом нахально заявил:

— Так вы же все равно кого-нибудь отчислите из тех, кто с аттестатом! А я буду хорошо учиться — обещаю! И аттестат по почте затребую из дома — мамка его обязательно вышлет!

Директор не сдержал улыбки:

— Как тебя зовут?

— Михаил Девятаев. А он — Сашка Учватов.

— Хорошо. Поверю, — сказал директор, потрепав Мишку по упрямым темным вихрам. — Бегите в учебный отдел к секретарю Анне Николаевне и запишитесь в группу на завтрашний экзамен. Скажите: я допустил.

Экзамены Девятаев сдал, а вскоре пришло и забытое дома свидетельство. Так Михаил поступил на судоводительское отделение Казанского речного техникума. Разумеется, это тоже был решительный поступок, и судьба смилостивилась... Оказывается, можно было учиться в техникуме и при этом ходить на занятия в аэроклуб!

С огромным душевным трепетом он подошел к «летающей парте» — биплану У-2, погладил крылья, заглянул в кабину.

Одновременно учиться на капитана и пилота было чрезвычайно трудно. Но Девятаев учился, что называется, стиснув зубы. Никаких поблажек, вечеринок, прогулок... Никаких девиц. «Первым делом, первым делом — самолеты». Вторым делом шли — пароходы. Ну а девушки... На них просто не оставалось ни часа...

М. П. Девятаев:

«...В то время советская авиация завоевала мировую славу, наши отважные летчики удивляли мир невиданными в истории перелетами. Слово “летчик” произносилось в народе с особым уважением. Читая в газетах о

героических подвигах и новых мировых рекордах советских авиаторов, я мысленно представлял себе, как буду летать сам и побивать рекорды...

В 1936 году партия бросила клич: «Комсомол, на самолеты!» Вместе с другими студентами второго курса речного техникума я начал посещать занятия по летной подготовке при аэроклубе. Все свободное время отдавал любимому делу, стараясь до тонкости изучить самолет и его вождение. Трудно было. Отрывал время от сна. Часто всю ночь напролет просиживал за книгами в моторном или самолетном классе, а утром шел на занятия в речной техникум.

Наконец настал долгожданный день: вместе с инструктором Сашей Мухамеджановым я впервые поднялся в воздух. Почувствовал себя на вершине счастья. Будто крылья выросли у меня».

Первый полет, как и первый поцелуй, как и все самое первое в жизни, никогда не забывается. Пусть даже он не совсем твой полет, то есть не ты за штурвалом, а ты в задней кабине, и полет «вывозной», но и он рождал ощущение головокружительного счастья.

Есть нечто ликующе дерзкое в крыле, уходящим от земли, в крыле, набирающем высоту. Оторвались от бетонки, и тут же из-за вершин приаэродромной роши открылся весь вид на дальний лес, а чуть выше — и невидимые с поля холмы, и далекий город, и синяя пелена размытого горизонта.

Горизонт медленно опускался — самолет набирал высоту.

А над головой — голубое сияние надпланетного воздуха. А под крыльями — открытые жилы рек. Квадраты огородов и садов — ровненькие — никому не обидно. Зеленые лоскутья лесов, как побитые молю мехом. Избы, серые, как куры. Самолеты взлетали с ревом над самой деревенькой, пугая кур во дворах и летучих мышей на колокольне заброшенной церкви. А вот она и сама Казань-матушка, со всеми своими башнями, колокольнями, куполами мечетей, улочками и проспектами. Припала к Волге, будто охватывала ее в сестринских объятиях.

Пилот Мухамеджанов поднял У-2 выше облаков. И вот они — округло крученые, пышные — плыли под крыльями — величественно и неприступно, словно айс-берги. При этом они на глазах меняли свои очертания: то размывались в легкую дымку, то, напротив, сгущивались, сбивались в непроглядную белую массу. Отсюда земля открывалась уже не с высоты птичьего полета (птицы сюда не залетают), а с высоты всевидящего божьего ока.

Какое бездонное слово — «небо»...

М. П. Девятаев:

«Весной 1937 года меня допустили к самостоятельному полету. Получил последние указания и напутствия инструктора. С трепетом в сердце подошел к учебному самолету У-2, сел в кабину. Приятная дрожь пробежала по телу. Быстро взял себя в руки»...

И снова тревожный восторг отрыва от земли. Но теперь он уже сам творил это чудо — взлет! Тот самый радостный миг, когда сразу видишь две бесконечности: бескрайность зеленой земли и бездонный простор голубого неба.

И вдруг жутковатая воздушная яма у самой земли — оборвалось сердце! Запросто могло бы приложить о бетонку, но повезло: воздушные потоки мягко и сильно подхватили самолет под крылья. Набрал пятьсот метров, теперь, как учили, вираж вправо и по кругу... По кругу гоняют молодых коней на корде, по кругу учат летать молодых пилотов. По кругу, или «по коробочке».

Теперь Михаил — в передней кабине — уже не любовался занебесными красотами, надо было следить за стрелками приборов, авиагоризонтом, за наземными ориентирами... И он следил, и все делал как надо. Ну почти как надо... В одном месте он не рассчитал радиус виража и вместо круга получилось нечто бесформенное, антигеометрическое. Он сам это понял и тут же ужаснулся мысли: «Отстранят! Не успел вписаться... Конечно же отстранят от дальнейших полетов. Скажут: посиди в классе, поизучай аэродинамику!»

Но никто так не сказал. Для первого раза все было вполне нормально, о чем и сообщил ему инструктор и велел готовиться к очередному полету.

Следующий полет прошел безукоризненно, как говорили волжские бурлаки: «на ять с присыпкой!»

Клуб клубом, полеты полетами, а речной техникум требовал свое: надвигалась экзаменационная сессия. А еще была судовая практика, учебные плавания по Волге. Широкие просторы могучей русской реки — матушки Волги, живописные пейзажи по обе стороны русла; и слева, и справа — крутые лесистые берега и высокие каменные утесы сменялись бескрайними зелеными лугами, ласкали глаз нежно-малиновым маревом кипрея (иван-чая). Но ничто уже не могло изменить стремления в небесные дали. Девятаев твердо знал: кто-кто, а он будет летчиком!

Но наступал год, который мог обрушить все его заоблачные планы.

Глава третья

ГОД ТЫСЯЧА ДЕВЯТЬСОТ ТРИДЦАТЬ СЕДЬМОЙ

В начале 1937 года в Казани торжественно открывали Клуб речников.

Учебный корпус находился на окраине города — в Адмиралтейской слободе, рядом с Бишбалтой, у старого устья Казанки. Как раз там в XVIII веке находилось одно из крупных адмиралтейств России и велось строительство военных кораблей для Азовской и Каспийской флотилий. Начинался Речной техникум как профессиональное училище для мальчиков, в том числе сирот и оставшихся без попечения родителей. Открыли учебное заведение в начале 1904 года в торжественной обстановке — в присутствии губернатора, ста первых учеников и многочисленной публики.

Казанское речное училище стало одним из первых в России, в нем готовили средний и младший состав экипажей для пассажирских и грузовых судов; готови-

ли судоводителей, эксплуатационников, диспетчеров... Первый выпуск состоялся в 1906 году. Техникумом же учебное заведение стало с 1932-го. Своим возрождением оно обязано бурному развитию народного хозяйства в годы первых пятилеток, когда остро встал вопрос о кадрах на речном транспорте.

Но все это присказка к очень важному событию нашей повести: на торжественном открытии Дома культуры Речного техникума Михаил Девятаев увидел черноглазую ладную девушку с черной как смоль косой. Не долго думая он подошел к ней и представился:

— Михаил Девятаев, второй курс.

Девушка улыбнулась и тоже назвала свое имя:

— Фаузия. Можно проще — Фая.

— А что означает ваше имя? — Михаил всегда был любознательным.

— Фаузия по-татарски — «победительница».

— Прекрасное имя! Можете считать, что меня вы уже победили.

Слово за словом, шутка за шуткой, а они отделились от общей толпы и под звуки духового оркестра отправились гулять по старым улочкам Адмиралтейской слободы. Михаил в своей синей, почти морской, форме смотрелся очень выигрышно, да и Фая, тоже в синем, под стать девятаевской фланелевке, платье выглядело замечательно. Красивая пара составила неожиданно и прочно. Как будто их притянуло невидимым магнитом.

Фая, Фаина, готовилась стать медиком, микробиологом, хотя всегда мечтала стать историком.

— Археологом-стахановцем! — улыбалась она. — Но пока работаю лаборанткой в Институте эпидемиологии.

— А я вот тоже: учусь на речника, а мечтаю быть летчиком!

Торжественные мелодии возле Дома культуры сменились плавным вальсом, и молодые люди отправились на только что открывшуюся танцплощадку.

Так началось это замечательное знакомство, а потом продолжилось в другие воскресные дни — в городском кинотеатре, парках, на танцплощадках. Фаина обладала прекрасным музыкальным слухом, великолепным голо-

сом, чувством ритма и замечательно танцевала. Жаль, времени на общение выпадало не очень много: аэроклуб забирал почти все свободные часы студента Девятаева. А тут и вовсе выпала нешуточная разлука...

Казалось бы, что может быть проще и безопаснее, чем перепись населения? Бери опросные бланки, иди к людям, опрашивай да записывай... Но в трагическом 1937 году и это простое мероприятие таило немало опасностей для переписчиков всех уровней. Дело в том, что в канун переписи в стране прошли два громких процесса против «антисоветского объединенного троцкистско-зиновьевского центра», а в конце января 1937 года — против «параллельного антисоветского троцкистского центра». Среди врагов народа оказались и руководители статистической службы — начальник бюро переписи населения Олимпий Аристархович Квиткин, его заместитель Лазарь Соломонович Брандгендлер, а также заместитель начальника отдела учета транспорта и связи Иван Максимович Обломов.

Спустя восемь месяцев после переписи специальным постановлением Совнаркома она была объявлена проведенной «с грубейшим нарушением элементарных основ статистической науки, а также с нарушением утвержденных правительством инструкций», ее организация была признана неудовлетворительной, материалы — дефектными. Полученная в результате переписи численность населения страны оказалась гораздо меньше ожидавшейся и даже меньше публиковавшихся оценок для прошлых лет. Данные переписи в то время обнародованы не были, но теперь мы знаем, что она учла 162 миллиона человек. Между тем, согласно последней оглашенной с высоких трибун и опубликованной тогда оценке, население страны на начало 1934 года составляло 168 миллионов человек, а на начало 1937 года ожидалось не менее 170—172 миллионов человек. Если исходить из этих чисел, то при переписи «недосчитались» по крайней мере восьми миллионов человек.

Ну ладно высокое начальство, организаторы важного государственного дела, но пострадали также и рядовые

переписчики, в том числе и Михаил Девятаев, который в числе студентов других учебных заведений был «мобилизован и брошен» на Всесоюзную перепись. Вчерашним школьникам, многим из которых не исполнилось и 18 лет, дело, к которому их привлекли, показалось простым, интересным и даже веселым. Они пробирались в глухоманные уголки Татарстана, расспрашивали тамошних жителей, заполняли графы в листах, а по вечерам сживали у костров, пели под гитару, рассказывали разные истории, анекдоты и веселились от души. Естественно, подначивали друг друга. И дернуло Михаила подшутить над подружкой своего приятеля. Шутка вышла не очень складной и тут же забылась в общем шуме и гаме. Забылась всеми, кроме той, над которой посмеялись. И обидчивая девушка отомстила: тайком взяла у Девятаева его опросные листы и сожгла на костре. Михаил спохватился не сразу. Долго искал, расспрашивая всех, куда подевались его бумаги. Никто не знал. Расстроился: пропал кропотливый труд. Но это была половина, точнее — треть беды. Полная беда пришла, когда студенты-речники вернулись в родную Казань. Никто не знал, что тайная мстительница была осведомительницей НКВД. Вот она-то и «осведомила» грозную организацию о том, что студент Девятаев продал свои опросные листы немецкой разведке¹. Каким бы абсурдным в те времена ни было обвинение, его принимали в расчет, и раскручивалось дело. Напомним, что все это случилось в весьма опасный год — 1937-й... А перепись населения считалась важным политическим мероприятием. Ее лозунгом было: «Любой из заполненных переписных листов будет краткой и яркой повестью о жизни замечательных советских людей», «Долг каждого гражданина пройти перепись и дать правильные ответы на все вопросы переписного листа». И вдруг находится отщепенец, который за деньги продавал «краткую и яркую

---

¹ В 2001 году истек срок подписки о неразглашении, взятой с Девятаева компетентными органами, и он поведал: «Дело мое номер 5682 так и хранится на “Черном озере”. Я-то знаю, кто меня туда упек! Подруга моего командира авиаклуба. Я неосторожно сказал ему, что она уродина, зачем, мол, с ней водишься... А она оказалась осведомительницей НКВД, написала куда следует...»

повесть о жизни советских людей» фашистской разведке! Это ли не ЧП в мирном учебном заведении? Михаил Девятаев в свои 20 лет даже не подозревал, какие небесные кары накликала на него утрата подписных листов...

Их разлучили на танцплощадке. Не успел Михаил повести Фаину в вальсе, как у него за спиной выросли три молодца одинаковых с лица:

— Пройдемте с нами!

Не чувствуя за собой никакой вины, он попытался протестовать:

— Куда? Зачем?

— Там разберемся.

Хватка у этих парней была железной, и он сразу понял, что это не казанские хулиганы.

— Я скоро вернусь! Подожди! — бросил он через плечо Фаине.

Ждать ей пришлось почти пять лет...

«Воронок» отвез его на «Черное озеро». Так издавна называлась казанская «лубянка», стоявшая на Чернотерской улице (ныне улица Дзержинского). Красивое здание в стиле модерн было построено для купца кондитерского дела Лопатина в 1912 году. Но в советские времена перешло в распоряжение НКВД. В нем была устроена внутренняя тюрьма. Сидеть в этом «кондитерском замке» было совсем не сладко. Но двадцатилетнему Михаилу пришлось провести в камере нескончаемо долгих семь месяцев. Почти каждый день его водили на допрос. Следователей интересовало все: кто родители, деда, прадеды; как он поступил в речной техникум, с кем дружил, общался, кому писал письма...

Он очень боялся, что привяжутся к Фае, поэтому ни разу нигде не упомянул ее имя.

Известный казанский ученый Булат Султанбеков много времени провел, изучая «дела» безвинно репрессированных в 1930-е годы и написал об этом не одну книгу. Приведем отрывок из его рассказа как раз о тех жертвах, которые сидели в одно время с Девятаевым, разумеется в камерах-одиночках:

«Доктора Сулеймана Еналеева, ректора Казанского медицинского института, убивали пять дней...

Опуская натуралистические, не для слабонервных, подробности того, во что превращается человек после почти непрерывного многочасового избиения, скажем только, что брошенное после этого в одиночку внутренней тюрьмы НКВД Татарстана тело (еще недавно он был блестящим врачом-офтальмологом, незадолго до этого вернувшимся после стажировки из Америки) дышало еще сутки.

Около агонизирующего профессора-медика не было даже санитаря. Зарыли его ночью, тайком, где-то на задворках Архангельского кладбища, без принятого для казненных акта об исполнении приговора. Так же, как и забитого насмерть в ночь на 4 декабря 1937 года писателя Шамиля Усманова и некоторых других, не доживших до суда. Суда хотя и несправедливого, но все же там можно было попытаться сказать облаченным в военную форму «жрецам Фемиды» о том, как вырывались показания, и этим как-то облегчить душу перед смертным часом...

Убивали на допросах несговорчивых, не желавших подписать заранее заготовленные следователем «признания»: в шпионаже, диверсиях, попытках свергнуть советскую власть, или начинавших давать «признательные показания» с опозданием. Но таких было очень мало. Большинство арестованных, доведенных до состояния полного отупения и безразличия, стремясь приблизить свой смертный час, казавшийся избавлением от невыносимых мук, «признавали» и подписывали всё.

В Старо-Татарской слободе до сих пор стоят мрачные кирпичные корпуса Плетеневской тюрьмы (теперь здесь исправительная колония). В одном из этих корпусов более полугода провел Михаил Девятаев. Трудно представить, что переживал там молодой человек, которому не исполнилось и двадцати лет. Наверняка полагал, что на всей его дальнейшей жизни, на карьере волжского капитана, на всех его мечтах о полетах в небо поставлен крест. Это был жестокий удар судьбы: после веселой студенче-

ской вольницы — камера зловещей (в Казани она сни-
скала себе дурную славу) Плетневской тюрьмы.

Девятаев держался на допросах стойко, хотя обвине-
ние ему было предъявлено более чем серьезное: «измена
Родине», «шпионаж в пользу Германии».

Помимо всего прочего следователей интересовало и
его увлечение авиацией. В голове лейтенанта госбезо-
пасности рождались фантастические версии о замыслах
курсанта аэроклуба перелететь в Республику Немцев
Поволжья и там сотрудничать с агентами абвера. В кон-
це концов этот бред стал настолько очевидным, что на
«Черном озере» решили не калечить парню судьбу. Если
что-то в нем не так, пусть армия исправит.

— Вот что, гражданин Девятаев, тебе сегодня стукнул
двадцать один годок. А это призывной возраст. Иди-ка
ты в армию. Там тебя научат Родину любить!

И в том же «воронке», на котором привезли на «Чер-
ное озеро», прямоком доставили его в горвоенкомат и
передали, что называется, из рук в руки.

Военкоматский майор долго листал его личное дело.
Девятаев смотрел на него с тоской: вот и еще один вер-
шитель его судьбы. О речном техникуме придется по-
забыть. Сейчас зашлет в какую-нибудь тьмутаракань...
Хмурый майор изучил все бумажки, потом поднял голо-
ву и, глядя в упор, спросил:

— В училище летное пойдешь?

Девятаев опешил: из его одежды еще не выветрился
запах тюрьмы, камеры-одиночки, и вдруг такое пред-
ложение: из камеры в небо?! Он замешкался с ответом.
Дыхание перехватило.

— Ну так что, пойдешь в летное? — еще раз повто-
рил майор и обосновал свое предложение: — У тебя за
плечами аэроклуб. Характеристики на тебя написали хо-
рошие. Вот: «дисциплинирован, технически грамотен, в
сложной обстановке принимает правильные решения,
летает уверенно...» Не в пехоту же тебя оправлять?

Девятаев наконец справился с волнением:

— Товарищ майор, пойдю! Согласен, товарищ майор!

— Ну, тогда смотри. Вот ближайшее к нам Оренбург-
ское военное училище летчиков. Оно же имени Чкалова.

Через час в Оренбург уходит поезд. Подброшу к вагону, и полный вперед! Или «от винта», как говорят авиаторы.

— Поеду! Согласен, товарищ майор!

— Ну, тогда посиди в коридоре, сейчас оформлю документы, и мой водитель подбросит тебя до вокзала.

Коварная фортуна выкинула невероятный фортель: из тюрьмы — да за облака! Потом она еще не раз будет удивлять и даже поражать Девятаева своими выкрутасами. Но тогда он думал только об одном: побыстрее из Казани с ее «Черным озером», побыстрее в Оренбург!

Он даже не сокрушался, что не успел повидаться-попрощаться с Фаей. Уже сидя в вагоне, он стал писать ей письмо с объяснением того, что с ним приключилось....

Глава четвертая

ОРАКУЛ

Как легко это древнее слово превратилось в аббревиатуру: ОРАКУЛ — Оренбургское авиационное Краснознаменное училище летчиков. Впрочем, так оно называлось в то время, позднее это учебное заведение было переименовано в Оренбургское высшее военное авиационное Краснознаменное училище летчиков имени И. С. Полбина (ОВВАКУЛ)¹.

Интересно, что во времена Российской империи в этом здании кузницы летчиков размещалась духовная семинария. Но ни о какой преємственности — даже духовной, поднебесной — в те времена и речи быть не могло. Все смотрели в будущее, а оно было голубым, как небо в летнюю погоду.

Однако будем верны истории: свое родословие училище ведет от Московской школы воздушного боя и бомбометания, формирование которой было начато 10 августа 1921 года. 9 августа 1922 года школу перевели в Серпухов, а 20 июня 1927 года перебазировали в Оренбург и разместили в здании бывшей духовной се-

---

¹ Ныне это замечательное училище, увы, не существует: его расформировали 12 февраля 1993 года.

минарии. Летчики-инструкторы перегнали в Оренбург самолеты.

Осенью 1928 года из Ленинграда в Оренбург была перебазирована и Высшая военная школа летчиков-наблюдателей, которая вошла в состав 3-й военной школы летчиков и летчиков-наблюдателей (ВАШЛ). В июне 1938 года 3-я ВАШЛ была преобразована в Военное авиационное училище летчиков (ВАУЛ) имени К. Е. Ворошилова.

Есть школа, есть техникум, институт, аэроклуб и есть у-чи-ли-ще. Военное училище. Звучит как чистилище. И в этом есть своя правда. Не в институте, не в клубе из курсанта «вычищают» все ненужное и вредное для дальнейшей службы — в авиации ли, на флоте или в сухопутных войсках; «вычищают» из будущего воина, командира, офицера — лень, необязательность, робость, своеволие, физическую слабость и многое другое, что никак не вяжется с понятием «военный человек». Процесс этот непрост и нескор, временами суров. Но в итоге выходит боец, «слуга царю, отец солдатам». В СССР, конечно, слуга не царю, а, как сказано в Присяге, «трудовому народу».

Вот и Девятаев стал служить трудовому народу с первых же дней КМБ — курса молодого бойца. Подъем! Койки заправить! С голым торсом на зарядку! Шагом марш в столовую! А потом учебные классы, тренажеры, строевой плац, самоподготовка... И конечно же: наряды, караулы, погрузки-разгрузки, уборка территории и все прочие училищные дела. Такой распорядок дня оставлял лишь полтора часа на «личную жизнь», на пару писем домой, на письмо любимой девушке. Любимая девушка у каждого была своя, одна и желанная вдвойне ввиду невозможности видетсья не то что каждый день, но и не каждую неделю, а и иногда и не каждый месяц...

И все-таки, несмотря на расстояние в шестьсот верст, Фаина взяла однажды да приехала в Оренбург посмотреть на будущего летчика. Приехала не одна, приехала с мамой.

Воскресный день всегда радостный, а уж когда он еще по-летнему солнечный, теплый, щедрый — полный восторг!

Оренбургский городской парк культуры и отдыха раскинулся на берегу Яика. А в нем проходили праздничные гуляния, посвященные Дню Воздушного флота. Всюду плакаты, прославляющие советских летчиков, сталинских соколов. Духовой оркестр самозабвенно играл «Марш авиаторов»:

Все выше, и выше, и выше
Стремим мы полет наших птиц...

Курсанты авиаучилища Михаил Девятаев и его сотоварищ еще по казанскому аэроклубу Василий Максимов шагали по дорожкам парка в поисках интересных знакомств. Интересные знакомства волнуют лишь Василия. А у Михаила оно уже давно состоялось и переросло в предстоящую волнующую встречу...

И в каждом пропеллере дышит
Спокойствие наших границ!

Никакого спокойствия — только радостное сердцебиение.

Вон они — Фаина и ее мама — идут к нему, как и договорились в письме. Обе в легких ситцевых платьях с кружевными воротничками, в сандалиях и носочках.

Девятаев берет «под козырек» авиационной пилотки:
— Здравия желаю, дорогие женщины! Авиационный эскорт готов к сопровождению!

Обнялись. Обменялись новостями. Зашагали дальше... Мимо праздных горожан, мимо деда с деревянным силомером, мимо цветочниц, мимо киоска «Уральское мороженное»... Мимо этого киоска не прошли. Мороженщица, дородная жаркая тетя в белом переднике, извлекала мороженое круглыми щипцами из жестяного бидона, обложенного льдом с опилками, и укладывала в вафельные облатки.

— Четыре порции, пожалуйста!

Михаил протянул мороженое Фае.

— Спасибо. Но я не буду.

— Угощаю от чистого сердца! — просит он.

— И все же я не буду! — отказывается Фаина. — Мне нельзя!

— Горло болит?
— Нет. Мне сейчас выступать. Связки нельзя охлаждать.

— Ты поешь?

— Да. В художественной самодеятельности.

— Послушать можно?

— Если есть желание.

— Конечно, есть! Ну, тогда я и твою порцию съем.

— Ешь на здоровье!

Навстречу идет патруль. Капитан с голубыми авиационными петлицами строг:

— Товарищ курсант, подойдите ко мне!

Девятаев оставляет своих спутниц, подходит к патрулю, представляется как положено. В левой руке у него тающее мороженое. Начальник патруля тоже прикладывает руку к козырьку:

— Капитан Бобров. Товарищ курсант, делаю вам замечание. Если вы в форме, то с мороженым появляться в общественных местах не положено. Равно как и с папиросой в зубах. Ешьте и курите в отведенных местах.

— А я и не курю.

— Похвально. Ваши документы?

— Товарищ капитан, разрешите начать устранение замечания.

Это была безошибочная формула общения с грозным начальством. Ее придумали старшекурсники, и она работала и в этот раз.

— Устраняйте.

Девятаев делает шаг к урне и бросает в нее мороженое. Но на сапоге остается потек от тающего мороженого. Фаина в стороне с тревогой наблюдала за общением Михаила с патрулем.

— Товарищ капитан, ваше замечание устранено! — докладывает Девятаев.

Начальник патруля чувствует в этих подчеркнуто уставных докладах скрытую издевку. Курсант явно играет роль бравого солдата Швейка. И похоже, переигрывает. Это психологический поединок, и начальник патруля не намерен отступать. Он внимательно проверяет увольнительную курсанта. Возвращает документы.

— А теперь приведите себя в порядок, — и капитан выразительно смотрит на сапог с потеком мороженого.

— Есть привести себя в порядок!

Девятаев достает из кармана носовой платок, вытирает сапог и отправляет платок вслед за мороженым в урну.

— Товарищ капитан, ваше приказание выполнено! — Глаза Девятаева зло сощурены, он невольно играет желваками.

Капитан отвечает ему таким же жестким взглядом:

— Не забудьте приобрести новый носовой платок.

— Есть приобрести новый носовой платок! — изображает из себя болвана Девятаев.

Капитан хмурится. Ему не нравится бравада курсанта. Он окидывает его цепким взглядом и заявляет:

— Вы нарушаете форму одежды!

— Не понял, товарищ капитан!

— Что за иконостас вы себе навесили? — Начальник патруля обвел придиричивым взглядом значки, украшавшие грудь курсанта. Не считая комсомольского значка на кумачовой подложке — для красоты, тут сияли и «Отличник ГТО» на цепочке, и «Ворошиловский стрелок», и «Парашютист», и еще какой-то непонятный с якорем и вензелем «КРУ».

— Все значки уставные, товарищ капитан.

— Красная розетка тоже уставная?

— Никак нет. — Девятаев сорвал кумачовую подложку.

— А этот — «КРУ»?

— Казанское речное училище. Я окончил его перед летной школой.

— И как это вы всюду успели, — несколько смягчается капитан. — Наш пострел везде поспел... Вопросы есть?

— Есть. А в форме с девушками можно гулять? — иронично спрашивает Девятаев.

— Можно. Но только с одной, а не с целым табуном.

— Вас понял!

— Всего хорошего! Свободны.

Девятаев возвращается к своим дамам. Фаина любопытствует:

— Что он тебе так долго говорил?

— Да так... Старого знакомого встретил. Позавидовал, что с такими красавицами иду.

Объяснение благосклонно принято. А потом они пришли на знакомую уже танцплощадку. Гарнизонный духовой оркестр играл вальс «Амурские волны». Вальс медленный, и потому Девятаев смело приглашает Фаю на тур.

Танцевать он умеет — и фокстрот, и танго... Танцы это не танцульки. Танцы это серьезно. Он не раз слышал от Фаины: «Выйду замуж за того, кто хорошо танцует». Судя по выражению лица девушки, Михаил танцует хорошо. Это его ободряет, и он что-то шепчет Фаине на ухо.

— Вы, летчики, народ ненадежный: сегодня здесь, завтра там! — отвечает, улыбаясь, девушка.

— А я всегда буду там, где ты! — отвечает Михаил. — И ты будешь там, где буду я. Вот увидишь!

Распорядитель танцплощадки объявляет в рупор:

— Начинаем наш конкурс на лучшее исполнение современной песни!

Первой вызывается бойкая Фая. Она тащит за собой маму, тормозит ее:

— Мам, выручай! Я слова плохо знаю. Давай на два голоса.

Мама Фаи, моложавая брюнетка в расписном платке, поднимается вместе с дочерью. Они поют дуэтом. Фая, многозначительно улыбаясь, поглядывает на Михаила:

Скрылась в небе точка —
Самолета.
Буду ждать я летчика
Из полета...

А после аплодисментов, после концерта, удавшегося на славу, Михаил привел своих гостей в кафе-палатку и на все свое курсантское жалованье заказал слоеный торт. Это был первый торт в его жизни, который он пробовал. Это вам не овсяный кисель с печеным луком!

На последнем курсе полеты стали основной формой обучения. Курсанты почти не покидали учебный аэро-

дром. Летали на истребителях — биплане И-15 и на более современном И-16, «ишачке».

В Оренбурге у них сложилось своего рода казанское братство: учлеты аэроклуба Валлиулин, Пигарев, Макушев, Максимов, Панушкин и Девятаев всегда держались вместе. Все вместе каждое утро летом и зимой бегали на речку купаться, усиленно занимались спортом. Прямо с речки бежали в спортивный городок и пробегали двенадцать кругов четырехсотметровки, потом переходили к штанге, турнику и другим снарядам. Вместе слушали и рассказы, похожие на былины, из жизни авиаторов времен Первой мировой войны, которые хранила память бывшего поручика Ипатова, летавшего на легендарных «Муромцах».

Преподаватель тактики майор Валентин Николаевич Ипатов был, пожалуй, самым пожилым из всего преподавательского состава летного училища. Совершенно седой, с рыжеватыми от беспрестанного курения усами, набравший вес к своим сорока семи годам, он воевал еще в Первую мировую, и воевал в авиации на Западном фронте, взлетая с летных полей под Минском, Лидой и Гродно... Он не был пилотом, он, тогда еще подпоручик, летал в качестве пулеметного офицера на легендарном четырехмоторном бомбардировщике «Илья Муромец».

Олетчиках Первой мировой Ипатов рассказывал очень осторожно и только в курилке. «Сталинским соколам» не полагалось знать, что в царской невежественной, отсталой во всех отношениях России была создана первая в мире эскадра тяжелых бомбардировщиков «Илья Муромец». Да и сам самолет такого плана — четырехмоторный биплан — не состоял на вооружении ни в Англии, ни в Германии, ни во Франции. Его конструктор Игорь Сикорский Октябрьский переворот не принял и отбыл в эмиграцию, а потому его имя было вычеркнуто из истории отечественной авиации. Тем не менее Валентин Николаевич не раз его упоминал в своих рассказах, и Девятаев крепко запомнил это имя — Игорь Сикорский. А еще он запомнил фамилию летчика Башко.

Майор Ипатов рассказывал о нем в клубах табачного

дыма неспешно и очень подробно. Чувствовалось, что это был кумир его офицерской молодости.

— Да, ребята, полковник Иосиф Станиславович Башко, то ли латыш, то ли белорус, то ли литовец. Ну, в общем, из «тутэйших», из местных. Тот еще пилотяга. Командовал онавиационным отрядом, по-нынешнему — эскадрильей, стоявшей в полусотне верст от Минска в деревне Станьково. Там было хорошее грунтовое поле. С него «Муромцы» взлетали и шли на бомбежку немецких позиций, а потом возвращались и отмечали боевой вылет в графском замке сестер Чапских. Собственно, в нем мы и квартировали, а летное поле начиналось сразу же от ворот усадьбы. Очень удобно было.

Надо сказать, что летали мы не слишком высоко — до трехсот метров, и нас сильно донимал обычный винтовочный огонь с земли. Немцы били по «Муромцам» залпами, а поскольку никакой броневой защиты у нас не было, то летчики подкладывали под сиденья чугунные сковороды, чтобы не лишиться ненароком детородных органов.

Это сообщение неизменно вызывало смех слушателей и всевозможные шуточки по поводу того, что после полетов на этих сковородах жарили яичницу.

Смех смехом... Ипатов давал время на потеху, а потом приступал к весьма серьезным, драматическим эпизодам...

— Однажды отряд в полном составе вылетел на бомбардировку позиций под Сморгонью. Но один из самолетов, «Муромец-16», которым командовал поручик Дмитрий Макшеев, вышел из строя и лег на обратный курс в Станьково. Раций у нас не было, но Башко догадался, что случилась техническая неисправность и Макшеев возвращается в базу. Ну пусть возвращается, и без него отбомбимся. А у «муромцев» была возможность выходить во время полета прямо на крыло. И механик добрался до неисправного мотора и исправил поломку. Садиться в Станьково с исправными моторами? Подумают, что трусил и вернулся в базу под фальшивым предлогом. И Макшеев ложится на боевой курс. А мы уже отбомбились и возвращаемся обратно. «Муромцу-16» пришлось

бомбить в одиночку, без прикрытия своих машин. На него напали немецкие истребители и сбили его. Огромный самолет упал вблизи деревни Боруны. Виноват ли Макшеев? Как бы поступили вы?

Майор спрашивал курсантов будто на экзаменровке. И большинство, и Девятаев в том числе, ответили:

— Бомбить! Макшеев поступил правильно.

И только один сказал:

— Из-за своих амбиций загубил самолет и весь экипаж. В следующий раз взял бы двойную норму бомб, да и отработал...

Разгорелся спор. Спорили долго и жарко. Потом Ипатов подвел итоги:

— Дело не в личных амбициях. Дело в чести. Вышел из боевой линии, оставил товарищей, сел на свой аэродром с нерастраченным боезапасом — и докажи потом, что не трус? Ведь все моторы в строю... Патовая ситуация. Но дело чести; все пятна на ней смываются только кровью. Что на дуэли, что в бою...

— «Илья Муромец» — это же летающая крепость! Что у него, пулеметов не было, чтобы отбиться?

— Пулеметы были. Но перед групповым полетом их снимали, чтобы увеличить бомбовую нагрузку.

А самолет Макшеева действовал в одиночку. Вот и не отбил без пулеметов. Экипаж стрелял по истребителям из наганов...

Вот такие «внеклассные» уроки тактики и чести преподавал «сталинским соколам» старый авиатор. Его вскоре убрали из училища. Говорили: по возрасту и здоровью. Из всех его рассказов об отряде «муромцев» и его командире полковнике Башко Девятаеву запал в душу побег из плена на самолете. Дело было так.

Шла февральская революция. В феврале 1917 года немцы сильно продвинулись к Минску — солдаты бросали фронт — и создалась угроза захвата нашего аэродрома в Станьково. Тогда Башко поднял в воздух все, что оставалось от отряда — два корабля. За штурвалом головного сидел сам. Он взял курс на Смоленск, где был аэродром. А у второго «Муромца» забарахлил мотор,

и он сел в Борисове и, чтобы самолет не достался немцам, сжег его там. Сам же Башко долетел до Бобруйска в надежде пополнить запас топлива до Смоленска. Но в Бобруйске стояли части Первого польского корпуса. Поляки не хотели, чтобы «муромец» летел в русский Смоленск, и арестовали экипаж во главе с командиром. Держали долго, но, слава богу, под домашним арестом. За это время Башко подговорил трех поляков бежать с ним на самолете. Те согласились. Но баки машины — и топливный, и масляный — были пусты. Для задуманного перелета надо было пудов тридцать бензина и несколько пудов масла. Где их взять, когда ты ежеминутно под надзором? Помогли те же поляки. Приносили в день по пуду и заливали в баки. Тайно, конечно.

Подготовка растянулась до мая 1918 года. В Москве уже возникло советское правительство. А немцы тем временем предъявили ультиматум Первому польскому корпусу о полном разоружении. Медлить уже было нельзя. И тогда рано утром Башко со своими друзьями-поляками поднял самолет в воздух. Но полет проходил в очень сложных метеоусловиях. Башко потом рассказывал:

«Все волнения да и три последние ночи без сна, риск бегства стали сказываться — я засыпал за штурвалом! И чтобы избежать катастрофы, приказал одному из компаньонов сесть рядом со мной и подбадривать меня. Так мы летели часа три, и я уже чувствовал, что больше не могу. А тут еще, как на зло, оба левых мотора чихнули и остановились. Корабль начал разворачиваться влево. С этим я уже не мог бороться и почти заглушил правые моторы. Это сразу же привело в чувство, понял, что посадка необходима, иначе разобью машину. Перевел корабль на планирование и, всматриваясь в землю, искал место для посадки. На мое счастье, недалеко увидел хороший лужок, а рядом пахота. Решил рискнуть, подвел корабль к земле, выключил правые моторы и на предельном режиме коснулся земли. Лужок оказался твердым, и мы, пробежав до самой пахоты, благополучно остановились».

Эта была деревня Желанья Смоленской губернии. Местные жители сразу арестовали экипаж и отобрали

оружие — ведь на крыльях самолета были еще «царские» опознавательные знаки: трехцветные — бело-сине-красные — круги.

Этот рассказ запомнился Девятаеву в подробностях на всю жизнь. И не зря...

Историческая справка

Авиаконструктор Игорь Сикорский приезжал на фронт в район Молодечно, чтобы, учтя трагический опыт «Муромца-16», модернизировать бомбардировщик. После гибели Макшеева корабли отряда продолжали боевые вылеты вдоль всего фронта, отыскивали немецкие аэродромы разведывательной авиации и наносили им большие потери. Воздушные бои происходили почти в каждом полете, но немцы не решались открыто приближаться к аппаратам Сикорского. 5 ноября 1916 года корабль Башко после успешной бомбардировки немецкого аэродрома в районе Сморгони был атакован пятью истребителями. Три неприятельские машины русские летчики повредили, а сами благополучно приземлились на своем аэродроме. До самого 1917 года немецкие истребители не пытались атаковать корабли Сикорского. Недаром полковник германского генерального штаба фон Бек в то время писал: «Немцы имеют полное основание бояться гигантских аэропланов Сикорского, управляемых отчаянно смелыми русскими авиаторами, как достойных противников...»

Захоронение русских летчиков обнаружили на восстановленном уже в наше время немецком кладбище у деревни Боруны энтузиасты, изучающие историю Первой мировой войны на Сморгонском регионе. Перезахоронены авиаторы на этом кладбище были уже, видимо, в 1930-е годы, когда проводилось упорядочение немецких военных погребений. Этим занимались польские власти при участии германской стороны. Оно и сегодня сохранилось в облагороженном виде.

Обо всех этих историях курсанты толковали меж собой. А Ян Менай, белорус, родом из Сморгони, пригла-

шал всех желающих к себе на каникулы и обещал свозить в Боруны на братскую могилу «муромцев»...

Учился Девятаев легко и охотно. Помогали и природная смекалка, и глубокий ум, но больше всего — летный опыт, приобретенный в казанском аэроклубе. В буквальном смысле слова схватывал все на лету!

Однако не все было так просто и лучезарно. На втором курсе Девятаева пригласил на беседу комиссар училища. Не вызвал, как это было принято, а пригласил на приватную беседу за своим рабочим столом. Комиссар был немолод, геройски сражался еще на Гражданской войне. Орденоносец. Был такой почетный титул в довоенные годы. Довольно было одного ордена, чтобы тебя уважительно называли «орденоносец». Комиссар надеялся расположить курсанта на откровенную беседу и поэтому сразу предложил раскрытый серебряный портсигар с дорогими ароматными папиросами. И хотя Михаил не курил, почтительно взял одну и прикурил от спички Михаила Матвеевича.

— А позволь мне, тезка, задать тебе один вопрос... У тебя родственники за границей есть?

— Никак нет! — Михаил поперхнулся дымом от столь неожиданного вопроса. — Торбеевские мы, и всегда в Торбеево жили, и мать, и отец, и дед...

— И отец... — повторил комиссар. — Ну а про город Копенгаген ты что-нибудь слышал?

— Так точно! Столица Дании.

— Королевства Дания, — уточнил Василий Матвеевич и пристально взгляделся в бесхитростное лицо курсанта.

— А что ты еще про Копенгаген слышал?

— Ну, отца моего Копенгагеном звали... За то, что слишком много знал, как говорила мама. Я-то отца не помню. Мне два года было, когда он умер... Чуть что — говорили: спроси у Копенгагена, или: он в этом деле «Копенгаген».

— А почему его так звали? Где Торбеевка, и где столица Дании...

— Так он учился там, в Копенгагене!

— Вот как?! А почему же ты в анкете это не указал?

— Так там и вопроса такого не было: где учился отец. Его наш помещик, который землями Торбеевского уезда владел, на свои деньги отправил в Данию учиться на механика по котлам. Его и еще несколько башковитых мужиков на учебу отправил. Отец год отучился, вернулся и был самым опытным в уезде мастером по котлам. Помещик даже дом ему построил, изба и сейчас стоит. В ней мать живет с братьями моими. Отец много рассказывал про этот самый Копенгаген. Вот в Торбеево его и прозвали Копенгагеном. А семья наша пополнялась почти каждый год. Я тринадцатым ребенком родился в 1917 году. А в 1919 году отец решил переселиться на вольные земли Сибири.

— Стоп, стоп, стоп! С этого места поподробнее. В Сибири в девятнадцатом году Колчак правил. Он что, к Колчаку поехал?

— Никак нет! Он до Сибири-то и не доехал. Поезд встал на станции Кинель, а это вовсе не Сибирь, это Самарская губерния. Там мост через Волгу был взорван, мама рассказывала. Командование Красной армии и направило отца как механика мост восстанавливать. Он и кузнечное дело знал, и токарное, и плотницкое, на все руки мастер был. Он на мосту работал, а с того, с белого берега, батареи били. Отец под обстрел попал, ранение получил. Положили его в госпиталь. А вокруг — тиф. Он там и помер. А мама на сносях была, четырнадцатого ребенка вынашивала. И нас мал мала меньше, целая куча. В теплушке не проживешь. В Самаре нас голодная смерть ждала. Да тут еще и я черной оспой заболел. Вот и вернулись мы в Торбеево. Старшие братья мои, Никифор и Алексей, они от отца успели кое-какую науку перенять, стали мастерами по машинам, а я пошел учиться в школу.

— Н-да... — сказал комиссар и с силой раздавил окурок в пепельнице. — Твоей мамке памятник надо ставить... Ну а ты про наш разговор забудь. И про то, что отец у тебя в Копенгагене учился, языком не трепи.

Девятаев ушел, а комиссар скомкал письмо от «доброжелателя», который сообщал о курсанте Девятаеве,

что у него отец прошел спецподготовку в Копенгагене и служил в армии Колчака.

Такое было время. И такие случались комиссары...

И вот наступил долгожданный день. Пляц Оренбургского училища. Торжественное построение по случаю выпуска. Летные планшеты и петлицы с лейтенантскими «кубиками» вручает командующий ВВС Уральского военного округа генерал-лейтенант авиации.

— Лейтенант Девятаев!

— Я!

Из строя выходит Михаил Девятаев. Получает планшет и знаки различия.

— Желаю успешной службы на благо Родины!

— Спасибо! Служу Советскому Союзу!

Спальное помещение курсантской казармы. Новоиспеченные лейтенанты собирают свои вещи, выгребая из тумбочек все, что накопилось за время учебы. Василий спрашивает Девятаева:

— Тебя куда?

— В Могилев. А тебя?

— В Кобрин. Жаль не вместе.

— Не потеряемся. Прилетай в гости!

— А как твоя красавица?

— Фая? Обещала приехать. Но что-то писать перестала.

— А она откуда?

— Из Уфы.

— Ничего себе! Поближе не мог найти?

— Не мог.

— Фото есть? Покажи!

Девятаев достает фотографию Фаины.

— Красивая... — уважительно вздыхает Василий. — На такой и жениться не жалко.

— Вот я и женюсь.

— Да брось ты?!

— Хоть брось, хоть подними, а она моя будет.

— Не забудь на свадьбу пригласить!

— Приглашу. Свидетелем будешь.

На подъемные деньги лейтенант Девятаев купил два пуховых оренбургских платка — один маме, другой Фаине.

Им повезло — их выпустили лейтенантами. Потом летчиков стали выпускать не офицерами, а сержантами. И в том был свой государственный резон. Офицерам полагалось служебное жилье, а сержантам — в казармах жить, рядом с аэродромом. И это было на злобу дня: по боевой тревоге летчики-сержанты прибывали на летное поле раньше тех, кто снимал жилье в округе.

Могилев-на-Днепре. Старинный белорусский город с давним российским прошлым.

В 1938 году в связи с проектом переноса столицы БССР из Минска в Могилев началась бурная реконструкция города. Были построены Дом советов, новый кинотеатр, здание НКВД БССР (будущий Белорусско-Российский университет), гостиница, многоэтажные дома... Но после воссоединения с Западной Белоруссией польская граница от Минска отодвинулась на 300 километров, и столица осталась на своем старом месте¹. Но Девятаев был приятно удивлен кипением жизни в этом провинциальном, как казалось ему до приезда, городе.

На вокзале новоиспеченный лейтенант примкнул к группе туристов, которую вела миловидная девушка в легком летнем платье и соломенной шляпке.

— Впервые человек появился на территории современного Могилева в эпоху позднего палеолита и в эпоху раннего мезолита, — уверенно сообщала она.

Девятаев слушал ее, благо чемоданчик был легким и не оттягивал руку. Его в первую очередь интересовали люди, которые появились в Могилеве совсем недавно, — авиаторы истребительного полка, но он внимательно слушал гида: надо же знать, куда тебя занесла военная судьба.

---

¹ После освобождения БССР от немецких оккупантов Могилев снова рассматривался как возможная столица БССР, поскольку Минск был практически полностью разрушен, но так и не получил этого статуса.

— О происхождении названия города достоверных сведений нет. Но есть предположение, что в основе названия может лежать личное имя Могила, о чем свидетельствует наличие притяжательного суффикса «-ев», обычно сочетающегося с личными именами. Однако конкретное лицо с таким именем в истории города не установлено. Во вступлении к «Могилевской хронике» говорится, что это название происходит от имени князя Льва Даниловича Могиа (могучий лев), который в 1267 году построил Могилевский замок.

Версия насчет «могилы» Девятаеву не понравилась, и он поспешил найти попутку в сторону Луполово, где находился аэродром 43-й смешанной авиационной дивизии.

В Луполово шла полуторка, груженная маскировочными сетями, и Девятаев с удобством устроился на мягком грузе. Если бы еще июньское солнце не так палило...

А на аэродроме истребительного полка и вовсе пекло стояло. В жарком мареве дрожали и плыли силуэты боевых машин.

Девятаев в новенькой гимнастерке, перехлестнутой столь же новенькой скрипящей портупеей, шагал с чемоданчиком в руке к палатке командира эскадрильи. Решительно откинул брезентовый полог:

— Товарищ капитан, лейтенант Девятаев прибыл для дальнейшего прохождения службы!

— А, так это вы — любитель мороженого? И еще чего-то — погорячей.

Девятаев узнает в комэске начальника патруля — того самого, что воспитывал его в оренбургском городском саду. Такова она, непредсказуемая военная судьба! Но капитан приветлив и радушен:

— Располагайтесь. Вон ваша палатка. Завтра посмотрим вас в небе. Да, после ужина весь летный состав собирается у меня в палатке. Прошу не опаздывать. Вопросы есть?

— Есть. Машину можно свою посмотреть?

— Можно. В той палатке — механики. Спросите сержанта Апановича, он покажет.

Стоянка истребителей И-16. Они стоят в линию, крылом к крылу. Сержант Апанович похлопывает истребитель с бортовым номером «46» по капоту, будто коня по загривку.

— Вот ваш самолет. Машина проверенная. Сюрпризов не будет.

— Спасибо. — Девятаев забирается в кабину и пробует рычаги управления. Он закрывает глаза и на ощупь перебирает тумблеры и кнопки. Движения его пальцев напоминают аппликатуру пианиста. Запускает двигатель и тут же его глушит.

Ну вот и сбылась мечта пилота!

М. П. Девятаев:

«Я был зачислен в эскадрилью опытного и прославленного летчика Владимира Ивановича Боброва. Когда я только еще мечтал об авиации, в 1936 году Владимир Иванович дрался с гитлеровцами в испанском небе, куда он поехал добровольцем. О его боевых подвигах писали в газетах.

Как родной отец относился ко мне Владимир Иванович Бобров. Терпеливо и настойчиво передавал свой ценный боевой опыт и знания, строго бичевал мои промахи и всегда вовремя помогал устранить и предотвратить ошибки. Часто он говорил:

— Не забывай: кто первый увидел врага и захватил инициативу боя, тот наполовину победил. Противника надо искать сразу же, как сел в кабину, всюду: впереди себя, за спиной, справа и слева, в облаках и за облаками. Ищи до тех пор, пока не выйдешь из кабины.

Многому научил меня этот бесстрашный воин, закаленный в боях командир.

И еще был комдив Захаров»...

Но о Захарове чуть позже. Сначала о Владимире Боброве.

Он был всего на два года старше Девятаева, но на военном-воздушном поприще намного его опередил. Конечно же — Испания. Все, кого служба забросила туда, получили бесценный боевой опыт. Умение сбивать вражеские самолеты не приходит в учебных классах. Над всей Испа-

нией безоблачное небо, и в нем лейтенант Бобров подбил, заставил рухнуть на землю, тринадцать чужих самолетов. Именно после Испании он приобрел привычку повязывать на шею шелковую косынку. Его спрашивали: «Это что, талисман?» — он отвечал: — «Производственная необходимость». А потом, уже серьезно, объяснял:

— Когда все время вертишь головой (а делать это в воздухе необходимо с момента взлета и до посадки), натираешь шею.

И друзья-товарищи его прекрасно понимали: ворот у кожаной летной куртки довольно жесткий, и, вертя головой чуть не на все 180 градусов, натираешь шею до красна. Другое дело с шелковой косынкой. Девятаев попросил Фаю прислать ему такую же, свою. Двойная радость: косынка, касавшаяся тела любимой девушки, касается теперь твоего, да еще в роковые часы воздушного боя. А во-вторых, удобнее вертеть головой — направо-налево, вверх-вниз. Ведь вражеский самолет может вынырнуть отовсюду, а кто первый заметил противника, у того и шансов на победу больше. Летчиков-истребителей узнавали именно по этим резким и частым оглядываниям — не заходит ли «мессер» в хвост?

Но все это придет позже. А пока над всей Белоруссией голубое небо...

Меньше всего спасали от зноя армейские палатки. Их полотнища нагревались до нестерпимого жара, и, чтобы можно было хоть как-то дышать, боковые стенки подвязывали к стойкам. И только штабные палатки держали закрытыми, дабы ни одну секретную бумажку не унесло ветром. В одной из них капитан Бобров собрал летчиков эскадрильи. Ждали командира полка, и вскоре входной полог откинул моложавый плечистый майор.

— Товарищи командиры! — возгласил комэск.

Все встали.

— Товарищи командиры, — повторяет капитан, но уже другим тоном.

Все садятся.

— Все собрались? — окидывает орлиным взором майор молодые веселые лица вчерашних курсантов. —

Довожу до вашего сведения, дорогие собраты по разуму и крыльям, что в понедельник, а еще лучше бы — во вторник к нам прибывает комиссия из штаба округа проверять выполнение директивы ноль-триста сорок. Кто помнит, о чем эта директива? Я вам ее зачитывал. Ну? Марченко, доложите!

Командир третьего звена, черноусый старший лейтенант в летном комбинезоне, поднялся с места:

— Директива требует маскировки аэродромов и рассредоточения машин.

— Молодец! Возьми с полки пирожок! Более того, директива требует, чтобы взлетные полосы не выделялись на фоне земли.

— Так что ж их красить, что ли? — раздался ироничный вопрос из задних рядов.

— Кирюхин, это ты такой догадливый? Конечно, красить! И желательно в цвет травы.

— Землю, что ли, красить? У нас же грунтовые полосы? — не унимался со своими вопросами командир звена старший лейтенант Кирюхин, человек ершистый и острый на язык.

— Землю ты будешь красить в своем огороде, когда уйдешь на пенсию. А те, кто понимает директиву правильно, будут красить бетонки, где они есть, а также профильный настил. У нас, как метко подметил товарищ Кирюхин, аэродром грунтовый, но его тоже можно замаскировать: изменить конфигурацию полосы, например. Кирюхин, отвечаю на твой следующий вопрос: как изменить. Растянуть прямо по земле маскировочные сети.

— А если под винт попадет?

— Вот за что ты мне нравишься, Кирюхин, так это за твое всегда научное предвидение. Да, такой риск есть, но его можно свести к минимуму, если хорошо закрепить сети по всему периметру. Подумаем все вместе, что еще можно сделать. Но главное, чтобы самолеты не стояли в линию, крылом к крылу. Надо укатить их в кусты, в подлесок. Расставить грамотно, чтобы не снижать готовность к взлету. Вот завтра этим делом и займемся. А пока — работа по планам командиров звеньев — до обеда. А после обеда — семь часов на разграбление города. То есть я хо-

тел сказать, — поймал Бобров укоризненный взгляд комиссара, — на ознакомление с историческими местами города Волковыска. Всё, орлы, разлетелись!

Глава пятая

МЛАДШИЙ ЛЕТЧИК ЛЕЙТЕНАНТ ДЕВЯТАЕВ

Есть такая должность в военной авиации, самая начальная — младший летчик. Вот с нее и начинал Михаил Девятаев свой путь в небо. Служил он в 43-й воздушной дивизии, которая дислоцировалась в Могилеве...

Дивизия была сформирована за год до роковой даты 22 июня. В ее состав входили четыре авиаполка. В каждом полку — 75—80 летчиков. Для своего времени столь мощная дивизия не являлась чем-то исключительным, были и помощнее. Но самое главное, она была полностью укомплектована летным составом и практически готова к началу боевых действий, несмотря на чисто житейские проблемы.

В авиагородке, расположенном неподалеку от аэродрома, в то время жили многочисленные семьи военнослужащих, которые в те годы не имели никакого отношения к дивизии. В то же время летчики вынуждены были селиться в окрестных деревнях, разбросанных вокруг аэродрома в радиусе пяти—шести километров. Надежной связи с ними не было. И комдив полковник Захаров не раз сетовал, что в нормативы, отведенные для приведения дивизии в боеготовность, уложиться невозможно. Летчики по боевой тревоге прибывали на аэродром с большим опозданием, а зимой бежали через лес на лыжах, в кабины самолетов садились потные, разгоряченные, многие, конечно, простужались. Часто возникала ситуация, при которой машины готовы к полету, а летчиков нет. Именно об этом докладывал Захаров на совещании авиационных командиров у Сталина.

Историческая справка

С октября 1936 года по апрель 1937-го лейтенант М. Н. Захаров участвовал в Гражданской войне в Ис-

пании под псевдонимом Энрико Лорес. Летал на истребителе И-15 в авиагруппе Рычагова пилотом, затем был повышен до командира звена. 4 ноября 1936 года в одиночку вступил в бой против двенадцати истребителей противника (по собственному признанию, пошел на сближение с ними, приняв за свои самолеты), на изрешеченной машине чудом сумел совершить посадку. К середине декабря 1936 года одержал одну личную победу и две победы в группе. Общее количество побед в этой войне неизвестно, однако некоторые авторы утверждают, что Захаров сбил шесть самолетов лично и четыре самолета — в группе.

В годы Великой Отечественной войны летчик совершил 153 боевых вылета, в 48 воздушных боях лично сбил 10 самолетов, по другим данным: восемь самолетов сбил лично и два самолета в группе. На борту его истребителя была личная эмблема: Георгий Победоносец, пронзающий копьем змея с головой Геббельса.

Впоследствии я обратил внимание на одну характерную особенность: если встречаются два фронтовика, начавшие воевать в июне 1941 года, то, как бы потом ни складывались их военные судьбы, каким бы ни оказался путь каждого, они вспоминают именно лето 41-го, самые первые месяцы войны... В общем, тут нет ничего удивительного: то, что было пережито и сделано тогда, знает только тот, кто эти месяцы провоевал. Таких людей очень немного дожило до победного завершения войны.

...Могилев, 22 июня 2017 года. Я приехал сюда, чтобы понять, как начиналась боевая служба моего героя, и вот стою посередине проспекта Шмидта. Сегодня это большой жилой микрорайон, а перед войной здесь располагался военный аэродром Луполово, где базировались истребительные авиаполки 43-й авиационной дивизии. Где-то здесь, на месте какого-то микрорайона, стоял среди прочих и самолет лейтенанта Девятаева... Удивительно, но сегодняшние улицы и проспект, если смотреть сверху, невольно повторяют линии взлетной полосы и рулежных дорожек этого давным-давно исчез-

нувшего аэродрома. Летное поле исчезло под фундаментами многоэтажек...

Именно здесь начинал свою военно-фронтовую службу младший летчик 160-го истребительного полка 43-й авиадивизии лейтенант Михаил Девятаев.

Прибыл он сюда в самый канун войны...

Но сначала надо рассказать о том, что происходило здесь за несколько недель до фашистского нападения. Генерал (тогда — полковник) Михаил Нефедович Захаров вспоминал:

«В мае сорок первого года мы проводили в дивизии летно-тактические учения. Погода стояла отличная. Работали все полки, в один из таких дней в небе появился пассажирский самолет Си-47 со свастикой на киле и черными крестами на крыльях. Самолет принадлежал одной из германских авиакомпаний и совершал регулярные пассажирские рейсы в Москву.

На небольшой высоте Си-47 совершил два круга над аэродромом, потом пошел в сторону авиагородка, осмотрел его, развернулся и уверенно взял курс на один из наших полевых аэродромов. С земли все с любопытством разглядывали свастику и дивились нахальству немцев. Они в открытую намеревались изучить весь район дислокации дивизии.

Пассажирская трасса лежала в стороне от наших аэродромов. Предположить, что летчик заблудился, было невозможно: при такой погоде даже курсант бы не заблудился. В том, что самолет вел разведку, ни у кого сомнений не возникало. Поражала наглость немецких летчиков, полная уверенность, что все сойдет им с рук. Я приказал посадить самолет-нарушитель. А все полеты, пока длится этот инцидент, отменил. И вот звено в составе летчиков Смирнова, он был ведущий, Козлова и Воинова, ведомые, догнало Си-47. Козлов и Воинов заняли позиции справа и слева от нарушителя, а Смирнов дал предупредительную очередь, вышел вперед и повел германский самолет за собой. То, что немцы нарушают воздушные границы и ведут усиленную разведку, для меня не было секретом. В последние предвоенные недели таких случаев только по одному нашему округу было

зарегистрировано немало. Но в основном это происходило в приграничной зоне. Чаще всего немцы имитировали вынужденную посадку. Садились на аэродромы в Белостоке и в Лиде, совершенно не реагировали на приказ заруливать в отведенное им место, а рулили по всему аэродрому, фиксируя расположение полос, рулежных дорожек, ангаров, стоянок самолетов. И всегда повторялась одна и та же история при выяснении отношений: из-за спины летчика высовывалась какая-нибудь личность в комбинезоне, испачканном машинным маслом, и на ломаном русском языке приносила тысячу извинений по поводу того, что забарахлил мотор. В результате — вынужденная посадка на советский аэродром, который, к очень большому сожалению, оказался военным. И — тридцать два зуба в дружественной улыбке...

Они не утруждали себя придумыванием более правдоподобных версий — даже в тех случаях, когда после элементарной проверки выяснялось, что мотор абсолютно исправен. Они знали, что будут отпущены, и, к сожалению, их в самом деле отпускали. При этом я не помню случая, чтобы кто-то из них «сбился» с курса или чтобы у кого-то забарахлил мотор на обратном пути. Впрочем, один случай действительно вынужденной посадки был. Под Барановичами шлепнулся на брюхо «Хейнкель-111». Летчик посадил его так, что самолет был в целостности и сохранности. Но поскольку посадка в самом деле была вынужденная и, значит, встреча с советскими представителями заранее не была предусмотрена, немцы сами взорвали самолет раньше, чем наши успели к ним подойти. Взрыв был произведен продуманно: куски «хейнкеля» разлетелись по полю во все стороны. Однако даже по тем обломкам, которые удалось собрать, нетрудно было установить, что «хейнкель» был набит разведывательной аппаратурой.

Над аэродромами 43-й дивизии немцы не летали, и я представить себе не мог, что они наберутся наглости вести разведку так далеко от границы. Однако наглости им было не занимать...»

С каждым днем обстановка в воздушном пространстве Западного особого военного округа становилась все напряженнее.

Однажды немецкий пассажирский самолет Си-47 далеко ушел от разрешенного ему коридора. Ушел в сторону военных аэродромов. Захаров немедленно поднял два истребителя, и те заставили нарушителя сесть на минском аэродроме Лошицы.

«Я выехал ему навстречу на пикапе, жестом показывая, куда ему заруливать, — вспоминал генерал Захаров. — Самолет был до отказа заполнен пассажирами. Тараша глаза, они рассматривали истребители, которые один за другим шли на посадку, и тогда я загнал самолет в самый дальний угол, откуда меньше всего можно было видеть то, что происходило на аэродроме. Выходить из самолета немцам запретил — поставил часового.

Но вот не успел я подъехать к зданию штаба, чтобы доложить о случившемся, как зазвонил телефон. В Москве о моих решительных действиях уже знали. Звонил нарком обороны С. К. Тимошенко. Мне задан был только один вопрос: кто приказал сажать самолет? Я ответил, что решение мое, единоличное. После этого говорил только нарком. Из его слов я понял, что мои «необдуманные действия могут привести к политическим осложнениям» и что мне надо немедленно писать рапорт с объяснением своего безответственного решения. Через полчаса нарком позвонил вторично. Он был более сдержан и поинтересовался обстоятельствами дела. Я подробно изложил.

— Какие меры приняли, когда посадили самолет?

— Прекратил полеты.

— Аварий не было?

— Никак нет, товарищ маршал.

— Где находится самолет?

Ответил, что загнал его в дальний угол аэродрома.

— Люди?

— Находятся в самолете. К самолету приставлен часовой.

— Ждите указаний...

Вскоре телефон зазвонил в третий раз.

— Самолет выпустить в Минск. Разбираться будут там. Продолжайте учения! — Пауза. — Рапорт можете не писать...

В несколько приподнятом настроении я подъехал к Си-47. Немецкие летчики смотрели на меня с любопытством.

— Кто-нибудь говорит по-русски? — спросил их.

— Нихт ферштеен.

Врут. Кто-то из них наверняка говорит или понимает по-русски. Если бы это был единственный случай, я бы еще мог поверить в то, что они “нихт ферштеен”... А тут нагло улыбаются. Я вдруг разозлился. Припомнились и стали понятными все жалобы Черных. До сих пор, откровенно говоря, я воспринимал подобную ситуацию как-то отвлеченно, чисто теоретически.

— Ну раз “нихт ферштеен”, — сказал я, — будете сидеть хоть до вечера. Пока не вспомните несколько слов по-русски.

После этого из-за спины пилота возник штурман и очень вежливо почти без акцента произнес:

— Господин генерал, я немного понимаю по-русски.

То, что он обратился ко мне словами “господин генерал”, когда я был в обычной летной куртке, подтверждало, что я имею дело с разведчиком.

— Всё вы понимаете, когда вам ничего другого не остается, — не удержался я. — Разрешаю вылет на Минск! В Минске будете давать объяснения. И чтобы никаких отклонений. Иначе снова посадим, но уже надолго.

— Слушаюсь, — по-военному четко ответил немец.

Это “слушаюсь” невольно потом припомнилось мне. Ведь всего через месяц с небольшим кто-то из этих наглецов наверняка шел ведущим, но уже не на пассажирском Си-47, а на Ю-88 — в первые дни войны они слишком хорошо знали, куда надо было наносить удары».

Глава шестая

«“МОРДВИН”, АТАКУЮ! ПРИКРОЙ!»

Войну лейтенант Девятаев встретил, как и все его боевые соратники, под утро 22 июня, как и все, не ожидал он ее именно в эту ночь, в этот час... Лишь один человек в дивизии знал, когда она начнется. Это был командир

дивизии полковник Захаров... По великому счастью, сохранились его записи.

«Много лет спустя, после войны, на одном из приемов по случаю Дня Воздушного флота ко мне подошел генерал-полковник авиации с “Золотой Звездой” Героя и задал несколько неожиданный вопрос. Я знал, что генерал-полковник (ныне маршал авиации) А. Силантьев занимает должность начальника Главного штаба ВВС, но не помнил, чтобы мы когда-либо встречались в прошлом. Может быть, поэтому его вопрос прозвучал для меня неожиданно.

— Товарищ генерал, — сказал Силантьев, — скажите, пожалуйста, откуда вы знали, что в воскресенье двадцать второго июня начнется война?

В ту пору я действительно не сомневался, что война начнется со дня на день. Но конечно, не знал, что первым днем войны станет именно 22 июня. И потому, прежде чем ответить, спросил Силантьева, почему он решил, что я знал день начала войны.

— Так вы же сами нам сказали, — удивился генерал-полковник. — Я перед войной был командиром звена в сорок третьей истребительной авиадивизии и находился под Могилевом на курсах командиров звеньев. Очень хорошо помню, как вы прилетели девятнадцатого или двадцатого июня, собрали нас, объявили, что не сегодня-завтра начнется война, и приказали разъехаться по полкам.

... Где-то в середине последней предвоенной недели — это было либо семнадцатого, либо восемнадцатого июня сорок первого года — я получил приказ командующего авиацией Западного Особого военного округа пролететь над западной границей. Протяженность маршрута составляла километров четыреста, а лететь предстояло с юга на север — до Белостока.

Я вылетел на У-2 вместе со штурманом 43-й истребительной авиадивизии майором Румянцевым. Приграничные районы западнее государственной границы были забиты войсками. В деревнях, на хуторах, в рощах стояли плохо замаскированные, а то и совсем не замаскированные танки, бронемашины, орудия. По дорогам

шныряли мотоциклы, легковые — судя по всему, штабные — автомобили. Где-то в глубине огромной территории зарождалось движение, которое здесь, у самой нашей границы, притормаживалось, упираясь в нее, как в невидимую преграду, и готовое вот-вот перехлестнуть через нее.

Количество войск, зафиксированное нами на глазок, вприглядку, не оставляло мне никаких иных вариантов для размышлений, кроме одного-единственного: близится война. Все, что я видел во время полета, наслаивалось на мой прежний военный опыт, и вывод, который я для себя сделал, можно было сформулировать в четырех словах: “со дня на день”...

Мы летали тогда немногим больше трех часов. Я часто сажал самолет на любой подходящей площадке, которая могла бы показаться случайной, если бы к самолету тут же не подходил пограничник. Пограничник возникал бесшумно, молча брал под козырек и несколько минут ждал, пока я писал на крыле донесение. Получив донесение, пограничник исчезал, а мы снова поднимались в воздух и, пройдя 30—50 километров, снова садились. И снова я писал донесение, а другой пограничник молча ждал и потом, козырнув, бесшумно исчезал. К вечеру, таким образом, мы долетели до Белостока и приземлились в расположении дивизии Сергея Черных.

В Белостоке заместитель командующего Западным Особым военным округом генерал И. В. Болдин проводил разбор недавно закончившихся учений. Я кратко доложил ему о результатах полета и в тот же вечер на истребителе, предоставленном мне Черных, перелетел в Минск.

Командующий ВВС округа генерал И. И. Копец выслушал мой доклад с тем вниманием, которое свидетельствовало о его давнем и полном ко мне доверии. Поэтому мы тут же отправились с ним на доклад к командующему округом (фронтом). Слушая, генерал армии Д. Г. Павлов поглядывал на меня так, словно видел впервые. У меня возникло чувство неудовлетворенности, когда в конце моего сообщения он, улыбнувшись, спросил: а не преувеличиваю ли я. Интонация командующего откровенно

заменяла слово “преувеличивать” на “паниковать” — он явно не принял до конца всего того, что я говорил. Тогда Копец, опередив меня, заявил, что нет никаких оснований брать мой доклад под сомнение, и командующий округом, чтобы сгладить возникшую неловкую паузу, произнес несколько примирительных по тону фраз и поблагодарил за четко выполненное задание. С этим мы и ушли. Спокойствия в моей душе, однако, не было»¹.

А что было дальше? По счастью, остались записи самого героя этой книги, Михаила Девятаева, но очень скудные:

«...Рано утром 22 июня мы по тревоге вылетели в направлении города Минска. Над землею висела черная дымовая завеса, а внизу бушевало море огня. На всю жизнь запомнил я то утро, принесшее столько горя и несчастья нашему народу. “Вот и настало время, — подумал я, — постоять за Родину...” Тут, над горящей землей, я поклялся жестоко отомстить фашистам за их злодеяния и зверства. Так началась моя боевая жизнь».

Интересный факт: 22 июня 1941 года в 4:30 утра капитан Бобров со своей эскадрильей новеньких Як-1 237-го авиаполка (первым в ВВС получил эти самолеты) поднялся в воздух навстречу бомбящей СССР фашистской воздушной армаде и уже через десять минут сбил первого своего «юнкерса». Не исключено, что это вообще был первый самолет, сбитый советскими летчиками в начавшейся войне.

Остались записи об этом, столь важном — рубежном — дне в жизни наших героев, да и всех тогдашних людей генерал-майора Захарова. Вот как он описывает тот роковой час:

«В последние дни было много звонков, они свидетельствовали о том напряжении, которое испытывали и в штабе авиации округа, и в соседних дивизиях, по-

---

¹ Позднее я узнал, что результатом нашей разведки и сообщения командующему был приказ одному из танковых корпусов срочно подтянуться к границе из района летних учений. Но и эта минимальная мера предосторожности запоздала: война застала танковый корпус на марше.

этому я ввел дополнительное круглосуточное дежурство. На Михаила Бродина можно было положиться — он не отлучался с КП дивизии, и, выслушав его доклад, я отправился обратно, в авиагородок. До рассвета оставалось часа два — два с половиной.

Мне казалось, что в эту ночь, как и в предыдущую, уже ничего не произойдет. Главное, думал я, пережить пик ночи. Это как при болезни: если дотянул до рассвета — значит, ничего не случится...»

Случилось! Именно тогда, когда уже брезжил рассвет.

Комдив Захаров вспоминает:

«Небо над аэродромом дрожало от гула моторов. Казалось, гул этот не успевал стихать с вечера. Кроме трех полков И-16 и полка “чаек” в дивизии, которой мне доверили командовать, было немало учебных самолетов, самолетов связи — всего свыше трехсот машин. И все это гудело, взлетало, стреляло, садилось с утра до вечера каждый день.

А мы до памятного 22 июня приняли еще ряд мер. Все отпускники были отозваны и вернулись в части, увольнения в субботу и воскресенье я отменил, было увеличено число дежурных звеньев, эскадрилий. Вот, собственно, в те дни я и прилетел на дивизионные курсы командиров звеньев...»

Воевал летчик-истребитель Девятаев героически. Уже 24 июня 1941 года он сбил над Минском свой первый фашистский бомбардировщик — «Юнкерс-87». Но и Михаилу не поздоровилось. Его «ишачок» поймал огненную трассу, задымил. Надо было прыгать с парашютом. И он прыгнул и тут же заметил, что «мессершмитт» заходит на него, чтобы расстрелять в воздухе на стропах. Это было грубейшее нарушение неписаного кодекса чести воздушных бойцов. Расстреливать выбросившегося с парашютом летчика — это бить лежачего. Но именно это и вознамерился сделать немецкий ас. Но и русский летчик был не лыком шит: Девятаев подобрал на скрученных стропах купол парашюта «колбасой» и камнем полетел вниз. Так маневрировать его учили бывалые летчики.

«Мессершмитт» сделал ложный заход, его пилот угрозил Девятаеву кулаком и отвалил в сторону. А Михаил распустил купол у самой земли и плавно приземлился.

Второй раз сбили Девятаева на Як-1 под Тулой, но это уже осенью 1941 года, после яростной схватки с «юнкерсами».

Такой была воздушная война...

М. П. Девятаев:

«Первое время я служил в эскадрилье летчика Захара Васильевича Плотникова. Его боевым мастерством не раз восхищались однополчане. Он не знал страха в бою. Своим мужеством и умением побеждать врага вдохновлял нас, молодых летчиков, на боевые подвиги, и мы старались быть достойными своего командира, не отставать от него, бить гитлеровцев так же, как он. Однажды, возглавляя небольшую группу истребителей, он завязал бой с несколькими десятками фашистских самолетов. Смело вклинился в строй вражеских бомбардировщиков и сразу же сбил одного из них. Мы последовали его примеру и тоже ринулись на врага. Сбили много вражеских машин, остальных обратили в бегство и без потерь вернулись на свой аэродром.

Над Могилевом на мою долю выпала первая удача. В разрыве облачности мне попался один «Юнкерс-87». Дав мотору полный газ, я устремился на вражеский самолет и, поймав его в перекрестие прицела, пустил две пулеметные очереди. «Юнкерс» вспыхнул и камнем упал на землю. Как я был счастлив, что одним стервятником стало меньше!

Наш истребительный полк дрался с фашистами без передышки целый месяц, совершая по пять-шесть вылетов в день, нанося противнику большой урон. А потом всех нас вызвали в Москву. Каждый летчик, в том числе и я, был награжден орденом Красного Знамени. А через несколько дней мы уже на новых машинах обороняли Москву, барражировали над Тулой, перехватывая вражеские самолеты, летавшие бомбить Москву.

Нельзя сказать, что в первые дни войны мы хорошо владели летным боевым мастерством и что все у нас про-

ходило гладко. Нередко мы, молодые летчики, допускали ошибки. Но ненависть к врагу и беззаветная любовь и преданность Родине, умение старших командиров быстро передавать нам накопленный ими боевой опыт помогали нам бить гитлеровских асов».

Из дневника полковника Захарова:

«За первые несколько дней боев над Минском летчики 160-го полка, летавшие на “чайках”, сбили более 20 немецких самолетов.

24 июня 163-й полк сбил 21 вражеский самолет. Такое количество боевых машин нам не всегда удавалось сбивать даже всей дивизией во вторую половину войны, когда с теми же “юнкерсами” и “мессершмиттами” мы воевали уже не на “чайках” и “ишаках”, а на “лавочках” и “яках”. В небе было темно от фашистских самолетов, и, какую бы задачу мы ни ставили летчикам, все, по существу, сводилось к одному: сбивать! Другими словами, в те дни ни одну задачу — на штурмовку, на прикрытие, на разведку — нельзя было выполнить, не проведя воздушного боя. Тот же комэск Плотников через несколько дней после упомянутой схватки с 26 истребителями, которую он провел со своими товарищами — летчиками Цветковым, Пономаревым и Девятаевым, — на моих глазах разогнал не менее 20 бомбардировщиков над Могилевом. Каждый летчик в те дни действовал на пределе своих сил, а предела этого, как оказалось, не было. Пределом могла стать только смерть в бою. Почувствовав организованное сопротивление в воздухе, немцы обрушились на наши аэродромы. В те самые тяжелые для нас дни мы теряли машины не столько в воздухе, сколько на земле. У нас не хватало сил прикрывать свои аэродромы, мы не умели маскироваться и единственное, что делали, — растаскивали самолеты по краям летного поля или под деревья (как правило, аэродромы бывали возле леса). И, меняя грунтовые площадки, похожие одна на другую, мы отходили...»

В промежутках между вылетами летчики дремали прямо в кабинах, ожидая, пока самолет будет запущен. Усталость часто пересиливала нервное напряжение, и

тут же, в кабине, летчик засыпал. Полковой врач привычно и деловито подносил к носу спящего тампон, смоченный нашатырем. Тогда летчик, вскинув голову, выруливал на полосу, словно и не спал минуту назад... И снова в небо, и снова в бой!

В июле 1941 года в боевой жизни Девятаева произошло очень важное для него событие — он пересел с устаревшего И-16, «ишака», на новейший, только что поступивший в войска истребитель Як-1. И не просто пересел, а получил его как награду за отвагу в воздушных боях. В их могилевский истребительный полк пришло всего три машины. И одну из них доверили ему, весьма молодому еще летчику, младшему лейтенанту. Девятаев поверить не мог, что теперь он будет выжимать пятисоткилометровую скорость. Ни один фашист не уйдет от него!

Первую машину передали лично командиру эскадрильи капитану Плотникову. Второй истребитель получил командир звена старший лейтенант Носовец. А третью — он, Девятаев. Выходит, после комэска и командира звена он лучший летчик во всей эскадрилье?

И командир полка подтвердил это перед всем строем. Было от чего загордиться, задрать нос. Но это было совершенно не в его характере. Каким он был, простецким парнем с душой нараспашку, таким и остался.

Новый самолет, новый механик, новые возможности в небе...

Первый месяц войны истребительный полк дрался с немецкими асами без передышки. Каждый день дежурные звенья, сменяя друг друга, поднимались в воздух по пять-шесть раз и вступали в бой с превосходящими силами люфтваффе. Иногда для сопровождения наших бомбардировщиков или для перехвата самолетов противника с аэродрома взлетала и уходила на запад целая эскадрилья.

В конце июля 1941 года большую группу летчиков из могилевского полка неожиданно вызвали в Москву. Был в списках вызванных и лейтенант Девятаев.

В столице в торжественной обстановке состоялось награждение орденами и медалями тех, кто отличился в

первые дни войны. В этот день Михаил Девятаев получил свою первую награду — орден Красного Знамени.

На шестой день войны немцы, несмотря на героическую оборону города, вошли в Минск. Этот факт привел в ярость и Сталина, и Гитлера. У фюрера это была первая вспышка негодования: Минск был взят на сутки позже предписанного планом «Барбаросса» срока. Сталин не мог понять, почему советские войска не смогли удержать Минск. Несколько дней он пребывал в полном шоке. Судьба командующего Западным фронтом генерала армии Павлова, начальника штаба генерала Климовских и еще двенадцати военачальников была предрешена: их расстреляли спустя месяц после начала войны.

За Минском открывались Смоленск и Тула. А за ними — Москва. «Сердце Родины моей», как пелось в песне. Сердце надо было прикрывать. И могилевский полк перелетел под Тулу. Здесь, получив еще несколько «яков», истребители стали прикрывать небесные пути на Москву. Задача была проста и насущна — не допускать к столице немецкие бомбардировщики, которые в августе 41-го то и дело прорывались в московское небо. Искали Кремль, хорошо замаскированный, искали другие важные цели, но зенитчики и истребители заставляли их ломать строй и сбрасывать бомбы куда попало. Но попадало на жилые кварталы, гибли люди, горели дома... Москвичи уповали на своих, советских летчиков, как на ангелов-хранителей. Одним из них был и Михаил Девятаев. К середине августа он совершил десятки боевых вылетов, и почти в каждом ему приходилось вступать в воздушную схватку. Девятаев мужал и закалялся, набирался военного опыта. Теперь его отмечал не только командир эскадрильи, его ставили в пример всему полку.

Но на войне — как на войне. Слава славой, а рулетка судьбы крутилась по-разному. Вот и черный сектор беды...

В конце августа Девятаев в паре с лейтенантом Яковым Шнейером прикрывал от бомбардировщиков Тульский оружейный завод. Однако «юнкеры» сюда не совались,

их притягивала близость Москвы — всего четверть часа полета. Вот и сейчас они, с полным комплектом бомб, уверенно держали курс на столицу. Первое, что делали в таких случаях Девятаев и другие летчики, — старались сломать строй вражеских самолетов. А те шли внаглую — без прикрытия истребителями. Полагали, что всегда отобьются бортовым оружием от немногочисленных советских «ястребков». Но воюют, как известно, не числом, а умением. А умение у Девятаева было отменное, мастерское. Он набрал высоту, и Яков за ним немедленно последовал. Отсюда, с «горки», нападать на бомбовозы было сподручнее. Еще несколько минут — и оба «яка» пошли в атаку. Сверху и целиться было удобнее. И вот уже один из «юнкерсов» с черным дымным следом покинул строй и повернул на запад. Остальные машины сломали строй и повели отчаянную стрельбу из пулеметов. Тем временем истребители круто ушли в небо и, набрав, новую высоту, ринулись во вторую атаку. Они лихо вклинились во вражеский строй, который напоминал теперь стаю переполошенных ворон. Однако огненные трассы потянулись к «якам» со всех сторон. И это было чрезвычайно опасно: уклоняясь от одной, можешь попасть под другую, а третью и вовсе не предугадаешь — откуда она ударит. Тут не столько опыт важен, сколько «ваше благородие, госпожа Удача».

Несколько пуль прошли обшивку девятаевского «яка». Острая боль! Ранен?! Ранен... Комбинезон намочает горячей кровью. И самолет плохо слушается рулей... Надо возвращаться домой.

Напарник тоже заметил неладное, в наушниках Девятаева его встревоженный голос:

— «Мордвин», что с тобой? Ранен?

— Есть маленько...

— Домой дотянешь?

— Постараюсь...

— Выхожу из боя! Следую за тобой.

Девятаев дотянул до своей полосы.

М. П. Девятаев:

«В районе Тулы я с напарником Яшей Шнейером ввязался в бой с большой группой фашистских бомбар-

дировщиков. Несколько раз мы заходили в атаку, поливая их пулеметным огнем. Нарушили их строй и одного сбили. Но и я был серьезно ранен в этом неравном бою, а мой самолет подбит. Попал в госпиталь. Обидно и тяжело было отлеживаться в тылу в то время, когда товарищи продолжали биться с врагом. Промучился там 13 дней и, видя, что лечение может затянуться надолго, решил бежать из госпиталя. В одном халате и в тапочках явился в свою часть. Ну и попало же мне тогда от командира и комиссара за этот побег! Но машину в конце концов дали. Я опять в строю».

Так оно и было. Как можно отлеживаться в койке, пусть даже и госпитальной, когда в это время товарищи уходят в бой, ловят в прицелы вражеские машины, уворачиваются (а то и не уворачиваются) от огненных трасс. Они воюют, а ты лежишь — хоть и не по своей воле, а все равно лежишь... Сознать это было невыносимо, и через неделю «курортной» жизни он стал донимать лечащего врача одним и тем же настырным вопросом: «Когда в строй?!» К исходу второй недели Девятаеву показалось, что рана на ноге вполне поджила и ошиваться в госпитале — это вид легального дезертирства. А тут еще начальник госпиталя во время ежедневного обхода раненых категорически настаивал: как минимум полтора месяца на долечивание.

Это был удар! Да за полтора месяца столько немецких самолетов можно сбить! Это стало последней каплей. Девятаев решает сбежать из госпиталя в родной полк. Не выдадут гимнастерку, фуражку, сапоги? Да его и в халате там примут!

Девятаев покидает госпиталь и отправляется искать аэродром истребительного полка в халате и тапочках. А поскольку документы в лечебной части, то и без документов. А передвигаться в прифронтовой полосе без документов — это особый риск. Тебя любой комендантский патруль может арестовать. Но, как известно, смелость не только города берет, но и помогает избегать всевозможных неприятностей.

В халате и тапочках он предстает перед изумленным

командиром полка. Изумление командира сменяется возмущением:

— Ты что, думаешь, в таком виде я тебя в самолет посажу?! В тапочках немцев будешь сбивать?

— Товарищ командир, я свою форму найду и восстановлю.

— Ты себя сначала восстанови, а потом за штурвал. Где медицинское свидетельство о допуске к полетам?!

— Я еще не успел его оформить.

Подошел комиссар полка и тоже взъерился:

— Решил, что мы без тебя тут не справимся? Аника-воин нашелся! Спасать нас явился!

Девятаев растерялся, попав под перекрестный огонь двух главных своих начальников, он понял, что совершил мальчишескую глупость. В халате и тапочках посреди аэродрома он был просто жалок. И отцы-командиры сменили гнев на милость: парень ведь в родной полк явился, а не к бабам на гулянку сбежал.

— Ладно, долечишься в полку. А потом на медкомиссию. И только после этого в строй. Ясно?!

— Так точно, товарищ командир! — повеселел Девятаев.

Со своим полковым врачом он быстро нашел общий язык. Через неделю начальник медслужбы истребительного полка признал его годным к полетам на «яках». К тому времени и форменную одежду из госпиталя доставили, и документы.

В строй! В бой! В небо!

В строю Девятаев пробыл недолго — до конца сентября. На десятый день сентября лейтенант Девятаев под Ромнами сбивает еще один немецкий самолет — Ю-88. Вот как это было:

«23 сентября 1941 года мне было поручено срочно доставить важный пакет в штаб действующих наземных войск. Благополучно сделав посадку на шоссейную дорогу, я передал пакет по назначению. На обратном пути мне предстояло разведать дороги, идущие на Прилуки и Ромны. По ним двигались немецкие войска и техника. В стороне я увидел до десятка “мессершмиттов”, по-

очередно заходивших на какую-то цель. Обидно стало, что они так безнаказанно хозяйничают на нашей земле. Решил внезапно атаковать их. Зашел со стороны солнца так, что они меня не видели, и не раздумывая бросился в атаку. В прицеле у меня мелькнул один из “мессершмиттов”. В тот же миг я нажал на гашетку пулемета. “Мессершмитт” кувыркнулся, а затем задымил, выбросил из себя сноп пламени и повалился вниз. Но пока я ловил в прицел следующий истребитель, остальные атаковали меня со всех сторон. Белые полосы трассирующих пуль и снарядов скрещивались надо мной, самолет дрожал от попаданий в плоскости и фюзеляж. Я был ранен в правую ногу. Кое-как удалось вырваться из огненного кольца. Постепенно снижаясь, постарался уйти от преследователя.

Выйдя из боя, перевязал ногу ремешком от планшета, чтобы хоть немного остановить кровотечение. Неподалеку увидел заброшенный аэродром. Решил сесть. Но когда выпустил шасси и пошел на посадку, увидел группу женщин, которые махали платками: “Не садись! Здесь немцы! Скорее улетай!” Я понял их сигнал. Снова набрал высоту и еле-еле дотянул до аэродрома. Произвел посадку и тут же потерял сознание от большой потери крови. Командир эскадрильи, Владимир Иванович Бобров, дал свою кровь, и мне влили ее прямо на плоскости самолета. Вскоре я пришел в сознание и был отправлен в госпиталь».

Глава седьмая

НЕБЕСНЫЙ ТИХОХОД

Медсанбат... Белый ад военных мучеников. Крики, вопли, стоны раненых, у которых под «крикоином» ампутировали раздробленные руки, ноги... Девятаева привезли вовремя и вовремя сделали все необходимые инъекции, чтобы не развилась гангрена. Напомним, пенициллина тогда не было, его откроет врач Зинаида Ермольева спустя два года. А пока вся надежда была на природные силы молодого организма и на врачей го-

спиталья. Госпиталь не медсанбат, и Девятаева всерьез подлечили. Организм деревенского парня не подкачал, однако правая нога слушалась плохо. С такой ногой в тапочках в полк не сбежишь. Девятаев хромал. Хромых летчиков не бывает. Алексей Маресьев еще не совершил свой выдающийся подвиг.

И вот наступил судный день — летная медкомиссия. Как ни пытался Михаил скрыть хромоту, но за столом сидели опытные медики и бывалые летчики.

Председатель медкомиссии подполковник медицинской службы с серебряным ежиком волос сочувственно спросил:

— На чем летали?

— На истребителе.

Подполковник невесело усмехнулся:

— Ну какой теперь из тебя истребитель — с такой ногой? А? В пехоту и то не возьмут.

— Товарищ подполковник, я без неба помру!

— Сколько тебе лет?

— Двадцать пять.

— До ста лет дожить хочешь?

— Хочу.

— Тогда по земле ходи. С такой ногой ты в небе не боец.

— Товарищ подполковник, я все равно летать буду! Нога — моя, родная, она же не деревянная. Она меня слушается!

Девятаев падает на спину и выписывает ногой пируэты.

— Я ею расписаться могу!

Михаил вставляет между пальцами карандаш и выводит на листке: «Девят...»

Подполковник удивленно хмыкает:

— Овощ тебе в помощь! То есть хрен с тобой! Но в боевую авиацию не пушу. Пойдешь в «воздушные извозчики» — на У-2.

Но даже в небесные тихоходы удалось попасть не сразу. Вторая медкомиссия оказалась еще строже, ее не подкупили никакие фокусы Девятаева с искалеченной

ногой. Могли приговорить его к нестроевой службе, но, понимая, что имеют дело с отменным храбрецом, направили отчаянного лейтенанта в Высшую специальную школу при Генеральном штабе Красной армии — учиться на «разведчика». Это была серьезная школа, она готовила кадры профессиональных разведчиков.

Спецразведшкола находилась в Казани, и это несколько примиряло его с неожиданным поворотом судьбы. В Казани — Фаина.

Но как ей сообщить, что он едет в ее город? Письма идут теперь подолгу...

В Казани, не застав никого дома и не имея сил просто сидеть и ждать, он решил отправиться туда, где они чаще всего встречались — в кинотеатр «Родина» с танцевальным залом. А вдруг по старой памяти она заглянет туда? Он доковылял до улицы Баумана на костылях — общественный транспорт работал только до десяти вечера. Кинозал был уже полон, показывали «Девушку с характером», но его как фронтовика, да к тому же на костылях пропустили без билета. В фойе между сеансами играл джаз-оркестр, и зрители охотно танцевали. Ничто не напоминало войну, фронт, полевой аэродром... Разве что затемнение, все еще неснятое, несмотря на то что Казань находилась довольно далеко от прифронтовой зоны. А в остальном все было по-прежнему, даже мороженое продавали в буфете. Ну разве что публика одета не так броско и ярко, как до войны, да парней, особенно сверстников Михаила, совсем мало. Девушки, женщины танцевали большей частью друг с другом. Девятаева никто не приглашал: все видели, что он на костылях. Пуля немецкого летчика зацепила сухожилие, и любой врач рекомендовал бы ему забыть на время о танцах. Ходить бы толком научился... А ведь Фая говорила, что любит танцы больше жизни, и выйдет замуж только за того, кто хорошо танцует. Шутила, наверное? Но какая доля правды заключалась в этой шутке?

Он вел наблюдение за публикой, высматривал Фаину по всем правилам военной науки — по секторам. И это дало результат. В «правом секторе» зала он увидел ее, милую черноглазую Фаю. Вон она — кружится в вальсе

вместе с подругой. Сердце заколотилось в ритме танца. Выждав, когда закончится музыка, он подошел к девушке с раскосыми глазами:

— Ну здравствуй, Фая.

От неожиданности она не сразу ответила, застыла в изумлении: перед ней стоял взрослый мужчина, летчик, да еще на костылях.

— Миша?! Ты?! Ты с неба свалился?

— С неба, — подтвердил Девятаев и обнял возлюбленную, да так, что оба его костыля с грохотом упали на пол.

С Фаей он мог стоять и без них. И даже, преодолевая боль, танцевать. Костыли стояли у стенки, пока они с Фаей кружились по танцплощадке. Это был подвиг. И девушка вполне его оценила. Она не стала подвергать мучениям своего кавалера и предложила погулять по городу. Потом они сидели на скамейке в сквере, и Михаил рассказывал, куда он «запропал» и почему так долго не писал. Да Фаина особо и не допытывалась. Она была счастлива, что они сидят вместе, что ее рука в ладони Михаила, что время отступило на три года назад... Вот если бы только завтра не надо было идти на работу в такую рань... Михаил проводил ее к самым дверям дома. Жаль, что в такое позднее время нельзя было заглянуть на огонек. Но они договорились сделать это завтра...

А назавтра Фаина приняла его предложение выйти за него замуж. Так 29 ноября 1942 года они сыграли скромную — по военным меркам — свадьбу. А потом прожили рука об руку, душа в душу 60 лет...

Сегодня никого из гостей той давней свадьбы уже не осталось, как нет и ее главных участников — жениха и невесты...

О мечети не было и речи, все понимали, что комсомолка и кандидат в члены ВКП(б) не имели права совершать религиозный обряд. Но положенный по традиции выкуп за невесту Девятаев выплатил, благо офицерское жалованье позволяло это сделать и в шутку, и всерьез. Свадьбу, как положено, играли в доме невесты. Несмотря на трудности с продовольствием на столе стояли тарелки с бараньей шурпой, лапшой, а по кругу ходило блюдо с

ичпочмаками — треугольными пирожками, которые напекла Фаина мама, ставшая теперь Михаилу тещей. Была и водка, хотя татарские свадьбы всегда справлялись без алкоголя. Но сделали скидку на войну и на «фронтовые 150 грамм». Фаина принесла из своей лаборатории немного медицинского спирта, его разбавили, подкрасили, и получилось — кому водка, кому коньяк...

Сразу же после регистрации брака они зашли в фотостудию и сделали первую семейную фотографию, которая нагляднее всех бумаг и печатей запечатлела новую супружескую пару. Это снимок Михаил увез с собой на фронт, он хранил его в удостоверении личности. Фотография и сегодня, несмотря на почти столетнюю давность, не поблекла, не потускнела...

А вот медовый месяц молодых супругов длился только одну неделю.

Учиться, когда боевые товарищи дрались в небе, постигать азы новой профессии, весьма далекой от неба, Михаилу с его понятиями о мужской чести было не с руки. И лейтенант Девятаев всеми правдами и неправдами добился отчисления из академии в действующую армию.

Отпуска в военное время полагались только по ранению, а уж никак не по свадьбе. Для прохождения дальнейшей службы, как было написано в командировочном удостоверении, Девятаева направили в авиационную часть, стоявшую под Ржевом. На дорогу от Казани до Ржева давалось не больше суток.

Молодые муж и жена прощались на перроне железнодорожного вокзала. Фая тихо плакала. Михаил обнимал ее. Все, что мог он ей обещать, так это писать письма — часто-часто... С тем и расстались.

В начале 1943 года лейтенант Девятаев прибыл в 714-й отдельный авиаполк связи, располагавшийся под Ржевом. И все будто бы началось сызнова, с казанского аэроклуба. У-2, «летающая парта». Правда, теперь бывлая «парта» стала боевой машиной: донесения и приказы, которые Девятаев доставлял в войска, имели оперативно-тактическое значение.

Историческая справка

У-2, или По-2 (Поликарпов-2), несмотря на его скромные размеры и возможности, пожалуй, самый знаменитый в истории советской авиации самолет. «Двухэтажные» крылья делали его похожим на бабочку или стрекозу. Обтянутые перкалем, они не отливали стальным блеском, но зато легко «штопались», заменялись, ремонтировались. Две открытые всем ветрам и морозам кабины: передняя — для летчика и задняя — для пассажира, наблюдателя, бомбардира и всякого иного специалиста. Мотор воздушного охлаждения позволял развивать предельную скорость в 150 километров в час. А при 60—70 километрах в час У-2 уже мог отрываться от земли, от взлетной полосы. Да и сама взлетная полоса, грунтовая или тем более бетонированная, ему была не нужна. Поднимался в воздух с любого ровного поля: летом на колесах, зимой — на лыжах.

Популярности этому биплану добавило и то, что через этот многоцелевой, но прежде всего учебный самолет прошли почти все летчики страны, поэтому между собой и называли У-2 «летающей партией». Незамысловатый восьмиметровый «воздушный корабль» (фактически «воздушная лодка») прощал новичкам ошибки и не срывался в губительный штопор, не капотировал при неумелых посадках (почти не капотировал), его аэродинамика была проста и понятна. Вес его был чуть больше тонны. Со всевозможными грузами — не более полутора тонн. Эдакая воздушная «полуторка», прославленная послевоенным фильмом «Небесный тихоход».

При всем том У-2 был самолетом не только учебным или транспортным, но и вполне боевым. Его не зря называли «ночным бомбардировщиком». В силу своей относительной малозаметности он с большим опозданием обнаруживался противником над своими позициями. А небольшая скорость позволяла летчику и штурману-бомбардиру хорошо ориентироваться на местности. «Ночные бомбардировщики» появлялись в тылу врага всегда внезапно, что сильно действовало на нервы солдатам вермахта.

Почти все летчицы женских полков советской ави-

ации летали на легких в управлении У-2, отчего и заслужили прозвище «ночные ведьмы»: прилетали в полуночный час, сбрасывали свой смертоносный груз и тихо исчезали в ночной темени. А еще немецкие солдаты называли его «ночной фельдфебель» — потому что не давал спать по ночам. Небольшой биплан оказался серьезным противником даже для истребителей, скорости которых были слишком высоки для того, чтобы брать на прицел «небесный тихход». К тому же он оказался практически неуязвимым и для осколков зенитных снарядов: они прошивали его перкалевые крылья, пустой фюзеляж и, если не задевали мотор или пилота, не наносили особого вреда «Железному Густаву», как называли У-2 немецкие зенитчики. Летали У-2 и в глубокий вражеский тыл, доставляя партизанам важные грузы, принимая от них разведданные и раненых.

Создал эту замечательную во всех отношениях машину авиаконструктор Николай Поликарпов еще в 1927 году. С той поры и до 1953 года в СССР было построено свыше 33 тысяч подобных самолетов. После смерти Поликарпова в 1944 году в память о нем его детище было переименовано в По-2.

Несмотря на скромные тактико-технические данные У-2 мог подниматься на высоту почти четырех километров и преодолевать (без дополнительных баков) до четырехсот километров. А для разбега и взлета ему хватало и 100—140 метров. Для машины подобного класса это были очень неплохие показатели.

С началом Великой Отечественной войны стандартные варианты У-2 стали переделывать в легкие ночные бомбардировщики. Доработка проводилась как в ОКБ Поликарпова, так и на серийных заводах и в действующей армии силами инженерно-технического состава строевых частей и авиаремонтных мастерских. Вследствие этого конструкция боевого У-2 имела большое количество различных вариантов. Бомбовая нагрузка варьировалась от 100 до 350 килограммов.

Связь необходима на фронте, без нее невозможно вести боевые действия; все это Девятаев понимал, но душа

рвалась к друзьям-товарищам, которые вели реальные воздушные сражения. А тут — небесный почтальон. Пытался изменить свою летную судьбу. Изменил. И в сентябре 1943 года попал, как говорится, из огня да в полымя: в 1001-й отдельный санитарный авиаполк — тем же «воздушным извозчиком».

В авиаполку использовали У-2 как санитарный транспорт. Для этого на нижнее крыло крепили два фанерных контейнера, в которые можно было задвинуть носилки с раненым. Разумеется, в первую очередь в санитарный рейс отправляли тяжелораненых, которых еще можно было спасти в столичных медицинских центрах.

Занесенный снегом аэродром санитарной авиации. На бортах и крыльях бипланов — красные кресты. На нижних крыльях — фанерные ящики-контейнеры. По одному слева и справа. Туда сейчас задвигают носилки с ранеными. Закрывают за ними задние дверцы. Все готово к полету. Лейтенант Девятаев в меховом реглане, в зимнем шлемофоне, прогревает мотор. К самолету подбегает дежурный по полку:

— Эй, Девятаев, на обратном пути кровь заberi!

— Не понял.

— Кровь донорскую заberi. Сто литров. Сюда доставишь!

— Есть!

Таких грузов он еще не возил. Кровь... Как нужна она была тем, кто пребывал на краю жизни и смерти...

— От винта!

— Мотор!

Двукрылый «небесный тихход» взлетает, поднимая вихрь снежной пыли, и скрывается в низких облаках. Тут главное не напороться на немецкий истребитель, рыщущий в облаках в «свободной охоте». Во второй столь же открытой всем ветрам кабине, как и у пилота, сопровождающий фельдшер или просто санитар.

Девятаев на судьбу не ропщет. Главное, что не отлучили от неба. А ногу он приведет в порядок. Не зря в санитарном полку обзавелся друзьями-медиками.

Слетал, ориентируясь по «компасу Кагановича» — железной дороге. Штурман на У-2 не положен.

Конечно, служба в санитарном полку это не истребительный полк. И времени побольше на личную жизнь, и письма от Фаины приходят чаще, да и ногу можно потренировать... Но бывают и свои особые случаи.

М. П. Девятаев:

«В полку я встретил много себе подобных — бывших истребителей, штурмовиков. Они тоже начинали свой путь сначала. Их боевой опыт делал этот самолет (У-2. — Н. Ч.) мощнее, и вскоре враг почувствовал это. Ржевские поля и леса тогда были изрыты свежими окопами и воронками, и когда их окутывала ночь, с прифронтовых аэродромов поднимались легкие бомбардировщики. Сквозь тьму и непогоду разыскивали они огневые точки противника и сыпали на них смерть. У-2 ходили сначала по одному, гуськом, и нередко цепкие лучи прожекторов хватили их в свои лапы и держали до тех пор, пока “эрликоны” — спаренные крупнокалиберные пулеметы — не расстреляют их. Но опыт помогал: летчики стали летать вдвоем — один выше, другой пониже, — и как только вспыхивал луч вражеского прожектора, “низовик” набрасывался на него и расстреливал из пулемета, забрасывал бомбами. Вражеские позиции беспрепятственно бомбил “верховик”».

Прифронтовой госпиталь. Медики и ходячие раненые смотрят новый фильм на натянутой вместо экрана простыне. Смотрит и Девятаев, вспоминая, как и все, такую милую, такую безмятежную довоенную жизнь... Вдруг крик дежурного:

— Девятаев, на выход!

Чертыхаясь, Михаил выбирается из темного, битком набитого помещения.

— Что случилось?

— Начальник госпиталя объяснит!

Начальник госпиталя, пожилой майор медицинской службы, встретил его встревоженно:

— Слушай боевую задачу. Надо срочно доставить в Москву тяжело раненного генерала. Срочно, понимаешь? Очень срочно. Иначе умрет. Это очень героический

человек и очень нужный для фронта. Понимаешь? За ним надо лететь вот в это село: Чашники.

Майор разворачивает карту:

— Тут есть поле. На него можно сесть. Лету — меньше часа. Но... Найти эти Чашники — дело непростое. Туда уже трижды летали: то туман, то немцы в воздухе, а в третий раз и вовсе село не нашли. Вся надежда на тебя. Спасешь генерала — представлю к ордену. Ну, с богом!

Девятаев в воздухе. Напряженно всматривается из открытой кабины то в занесенные поля, то в опасное прифронтовое небо. Низкая облачность. Летит на предельно малой высоте. Деревья, овраги, рощицы — не задеть бы макушки деревьев. Вот дорога... Вот село. То? Не то? Но по карте — похоже, Чашники. У-2 приземляется на поле, вырубивает к самой околице. Девятаев идет в ближайшую избу. По счастью, в ней расположились медики.

— Где тут у вас генерал раненый?

— Нет его.

— Умер?

— Нет, мы его поездом отправили. Тут станция неподалеку.

— Давно?

— Да пару часов прошло.

— В какую сторону поезд ушел?

— Туда. На восток, конечно.

Девятаев взлетает, снова на предельно малой высоте летит вдоль железной дороги. А вон и дымок паровоза. И поезд, похоже тот самый... Но надо же как-то его остановить! Но как?

Девятаев догоняет эшелон, проносится перед самым локомотивом, покачивая крыльями. Машинист не понимает. На всякий случай прибавляет ходу — мало ли что, от этого летуна всего можно ожидать. Высунувшись из окна, пожилой машинист следит за непонятными пируэтами самолета. Девятаев снова проносится низко — едва не задев лыжами локомотив с поездной бригадой.

— Сдурел, что ли? — удивляется помощник машиниста, и паровоз заливается длинным пронзительным гудком.

Девятаев пролетает вперед по ходу эшелона, садится рядом с полотном. Выбегает на рельсы, машет руками. Девятаев был бы не Девятаев, если бы этого не сделал. Паровоз останавливается в метре от него.

— Чего надо? — кричит рассерженный машинист.

— Генерала раненого везете?

— Мы много кого везем.

— Я за генералом прилетел. Его срочно в Москву надо! Где он?

— У медиков спроси. У начальника эшелона.

Генерала, накрытого поверх одеяла шинелью, выносят на носилках, укладывают в фанерный контейнер на крыле самолета. Поезд трогается. Самолет взлетает.

М. П. Девятаев:

«Приземлился я в Харькове, чтобы осмотрели раненого и залили бензобаки горючим. Отсюда известили Москву. Генерала надо встретить на аэродроме.

Еще садились в Туле. Вот и аэродром подмосковный. Лишь бы свои не бабахнули. Но дивизион ПВО предупредили о санитарном рейсе У-2. Генерал лежал на носилках бледный, безмолвный. Когда его подняли, чтобы нести от самолета, он неожиданно попросил позвать летчика. Я был рядом. Генерал велел, чтобы из кобуры вынули его личный маленький пистолет...

— Возьмите, лейтенант, на память. Я буду помнить вас, пока жив. Запишите для меня свою фамилию и номер полка.

Я принял подарок и помог перенести генерала к машине. Моего пассажира благополучно выгрузили и доставили в госпиталь Западного фронта на Волоколамском шоссе в Москве. Генерала вылечили, он снова вернулся в свою дивизию.

Через два дня я возвратился в свой полк, который стоял в приднепровском селе, на Черкашине. Здесь уже получили приказ штаба фронта о награждении меня вторым орденом боевого Красного Знамени. Этот новенький зо-

лотистый орден я никогда не снимал со своей фронтовой гимнастерки. Он оказался со мной и в плену».

Из наградного листа на М. П. Девятаева:

«...После назначения командиром звена связи совершил 280 вылетов на связь с войсками. С 18.09.43 — командир звена в 1001 отдельном санитарном авиаполку. Лично произвел 80 вылетов по эвакуации раненых и на спецзадания.

Эвакуировал с передовых госпиталей 120 раненых бойцов и офицеров, из них 5 генералов. Доставил в передовые госпитали 600 литров крови, 800 килограммов медикаментов, 700 килограммов прочего груза и 30 спецмедработников, не имея ни одной поломки и вынужденных посадок. Летает смело и уверенно. Лично дисциплинирован. Требователен к себе и к подчиненным, проявляет о них заботу...

Девятаев отдает все свои силы для скорейшего разгрома врага. За самоотверженное выполнение заданий командования и проявленные при этом мужество и отвагу представляю т. Девятаева к правительственной награде — ордену “Красное знамя”.

Командир 1001 отдельного
санитарного авиаполка
майор Швелидзе».

Нет худа без добра... В санитарном полку при всей напряженности военного времени свободных дней и ночей у Девятаева было больше, чем в боевом полку. Писал письма в Казань — молодой жене Фае...

А у Фаины Девятаевой была своя война. Все военные годы она работала лаборанткой в Казанском микробиологическом институте, участвовала в разработке противогангренозной, противостолбнячной сыворотки и разных вакцин. Трудami ее и коллег-микробиологов были спасены тысячи раненых бойцов и командиров. Препараты делались на основе конской крови. Для этого при институте был открыт «конский санаторий», в котором находились свыше сотни лошадей-продуцентов. Так что кони не только несли в атаку кавалеристов, не только

ташили пушки и обозные брички, но и спасали раненых своей кровью. И разве скажешь, сколько молодых мужчин было спасено от ампутации рук и ног, от инвалидности, благодаря деятельности Казанского микробиологического института и Фаины Девятаевой. А ведь помимо всего прочего они вырабатывали противобрюшнотифозные таблетки, сухой бактериофаг, а также вакцины дизентерийные, дифтерийные, скарлатинозные, сыпнотифозные... Сколько жизней — детей, женщин, стариков — были спасены благодаря незаметному, но героическому труду казанских микробиологов.

В штабной палатке санитарного авиаполка не холодно — чугунная буржуйка раскалилась докрасна. Девятаев даже меховой шлемофон стянул. Жарко. Но прежде положил, как положено:

— Товарищ майор, лейтенант Девятаев по вашему приказанию прибыл!

Никаких приказаний на сей раз не было. Майор взял с дощатого столика красную коробочку:

— За образцовое выполнение боевого задания вручаю вам орден Отечественной войны второй степени... Молодец, Мишаня! Дай обниму.

И крепко обнял. А потом, как водится, обмывали на граду медицинским спиртом, слегка разбавленным талым снегом.

— Ну что, сокол ясный, один орден у тебя уже есть. Теперь второй. А третьего не миновать.

— Ну да, бог троицу любит.

— А без четырех углов и изба не стоит! — в тон майору восклицает начальник медицинской службы.

И ведь все их пожелания оказались пророческими! Вскоре командиру полка пришлось подписывать второй наградной лист, на сей раз на орден Отечественной войны 1-й степени.

Из наградного листа на М. П. Девятаева:

«За период с 20.9.43 г. по 1.1.44 г. под руководством т. Девятаева звено произвело 285 вылетов по эвакуации раненых и спецзадания, доставлено в передовые госпи-

тая 1501 литров крови, 3100 кг медимущества, перевезено 1620 кг прочего груза, 80 оперативных работников, эвакуировано 335 раненых бойцов и офицеров.

Сам лично т. Девятаев несмотря на сложные метеоусловия и ограниченное время выполнял сложные задания. 14 января 1944 г. т. Девятаев получил задание эвакуировать с передовой раненого полковника. Прилетев на передовую узнает, что раненый отправлен в полевой госпиталь, но и там его не оказалось. Т. Девятаев принимает решение догнать летучку и эвакуировать раненого — продолжая полет вдоль железной дороги, догоняет летучку.

Впереди противник бомбил железнодорожную станцию. Несмотря на сложившуюся обстановку, производит посадку возле эшелона и забирает раненого из вагона. Несмотря на ограниченное время ночью доставляет раненого в госпиталь.

Сам лично т. Девятаев произвел 130 вылетов по эвакуации раненых и спецзаданию с общим налетом 250 часов, эвакуировал 140 раненых бойцов и офицеров, среди них 6 генералов, доставил в передовые госпитали 750 литров крови, 1450 кг медимущества, 35 опермедработников...»

И опять скромный банкет в домике на краю аэродрома.

Скромное пиршество было прервано начальником штаба. Он стряхнул снег с ушанки:

— Товарищ командир, приказано потесниться. К нам истребители перебазируются.

— Когда?

— Да через тридцать минут.

Летчики и механики бросились выкатывать бипланы с красными звездами и с красными крестами на дальние стоянки. И вовремя. Первый «як» красиво сел на «три точки». Видать, за штурвалом ас.

Девятаев с нескрываемой завистью смотрел, как один за другим садятся стремительные «яки». Истребительный полк перелетел на новый аэродром без происшествий. Впрочем, одно происшествие, очень важное для нашего героя, произошло у вышки КДП — контрольно-диспетчерского пункта...

ЯК-1 (конструктор Яковлев) — был первенцем мно-

гочисленного семейства «яков» и стал основной боевой машиной истребительной авиации СССР.

Он пришел на смену довоенным истребителям И-15 и И-16, пришел вовремя — в первый же год войны. Истребители Николая Поликарпова были хороши для своего времени, для локальных войн (в Испании, на Халхин-Голе, в Финляндии). Но новая масштабная война предъявила истребителям новые требования.

По назначению Як-1 — одноместный фронтовой истребитель. Говоря языком конструкторов, это консольный свободнонесущий (то есть без подкосов и расчалок) моноплан с низким расположением крыла и убирающимся в полете шасси.

По своим летно-техническим возможностям он намного превосходил своих предшественников в ВВС РККА. Дальность полета — 600 километров. Это расстояние истребитель мог преодолеть меньше чем за час.

Резко увеличился потолок высоты — до 12 километров. Всего за восемь минут Як-1 набирал высоту восемь тысяч метров.

Вооруженный 20-миллиметровой пушкой и двумя пулеметами, он был серьезным воздушным бойцом. Кроме стрелково-пушечных систем многие Як-1 несли также бомбардировочное и реактивное вооружение.

Летать на нем хотели многие летчики, но поступал в войска новый самолет не сразу. Девятаеву, как одному из лучших летчиков полка, доверили Як-1, и это стало для него большой удачей.

Как считают специалисты, Як-1 оказался вполне конкурентоспособной машиной по первому времени. До 1943 года, по крайней мере. Но выпускали его до 1944 года и только на Саратовском авиазаводе.

Глава восьмая **«Я — “ВЫДРА”!»**

У входа в КДП Девятаев столкнулся — глазам не поверил! — со своим бывшим командиром — Бобровым. Плечи комэска украшали майорские погоны, грудь в орденах.

— Миша? — обрадовался Бобров. — Вот так встреча! Какими судьбами? «“Мордвин”, “Мордвин”, я — “Выдра”! Перехожу на прием...» Позывные-то хоть помнишь?

— Помню!

— Тогда давай снова к нам! А то в тылу и летать разучишься.

— Так я же недопущенный. Врачи крылья подрезали.

— К черту врачей! Пошли к командиру полка! Знаешь, кто у нас комполка? Сам Покрышкин! Слыхал о таком?!

— А то!

Весь фронт, да что фронт — вся страна знала о легендарном летчике-асе. Покрышкина они нашли в деревенской школе, где размещался штаб. «Покрышкин — врагам крышка» — говорили о нем бойцы. И это было правдой.

Историческая справка

Александр Иванович Покрышкин родился 21 февраля (6 марта) 1913 года в Ново-Николаевске Томской губернии Российской империи, скончался 13 ноября 1985 года в Москве, похоронен на Новодевичьем кладбище.

Военный летчик 1-го класса (1951), летчик-ас, первый трижды Герой Советского Союза (24 мая 1943, 24 августа 1943, 19 августа 1944), маршал авиации (1972).

Александр Покрышкин считается вторым по результативности (первый — Иван Кожедуб) пилотом-истребителем среди летчиков стран антигитлеровской коалиции во Второй мировой войне.

В феврале 1944 года полковник Покрышкин получил предложение продолжить службу в Главном штабе ВВС РККА — управлять подготовкой новых пилотов. И хотя это было повышение, но боевой летчик отказался от этого предложения и остался в своем полку.

С марта 1944 года — командир 16-го гвардейского истребительного авиаполка. Новая должность не позволяла ему так часто, как раньше, вылетать на боевые задания. Он должен был проводить больше времени на

командном пункте полка, управляя действиями своих эскадрилий, много времени отнимала служебно-штабная текучка. Тем не менее он поднимался в воздух и совершал боевые вылеты до конца войны.

Рослый плечистый подполковник с густыми черными бровями встретил их весьма приветливо. Во внешности Девятаева было нечто такое, что располагало к нему и подчиненных, и начальников. Вот и Покрышкину он понравился с первого взгляда. Может быть, потому, что оба были одного крестьянского рода-племени¹.

Бобров представил Девятаева Покрышкину так, чтобы у того не возникло никаких вопросов:

— Товарищ подполковник, старший лейтенант Девятаев — истребитель от бога. Был моим ведомым. Воздушный ас — в санитарях увяз. Разрешите, я его себе в полк заберу?

— Ну если твой ведомый, так и ве́ди. Я не возражаю. Только с врачами все оформите.

— Оформим, товарищ командир, спирта хватит!

Девятаев и глазом моргнуть не успел, как состоялся его перевод из санитарного полка в боевой гвардейский истребительный. И нога не подвела, когда начмед попросил его пройти по одной половице. Прошел не качнувшись...

— Годен! — махнул тот рукой.

Командир санитарного полка попробовал было возражать — шутка ли, лучшего летчика у него забирают! — но и он понимал, что место летчика-истребителя в боевом строю.

Так 16-й гвардейский истребительный авиаполк пополнился еще одним летчиком, тут же назначенным командиром звена, — гвардии старшим лейтенантом Девятаевым.

Полк воевал на союзнических «Аэрокобрах», которые поступали в СССР по ленд-лизу из Ирана. Девятаев недолго переучивался на новый истребитель.

---

¹ Отец прославленного аса Иван Петрович Покрышкин (1885—1934) был выходцем из крестьян Вятской губернии, мать, Ксения Степановна (до замужества Мосунова, 1885—1969), родом оттуда же, из вятчей.

И снова воздушные бои, яростный рев моторов, заходы в хвост и лобовые атаки... И все это под безмятежно голубым небосводом, ставшим вдруг куполом смерти.

16-й гвардейский авиаполк действовал сразу на двух фронтах — на Первом Украинском и на Втором Украинском. Боевой работы хватало: чем дальше на запад откатывались войска вермахта, чем ближе становились границы Германии, тем яростнее сопротивлялся враг.

— «Мордвин», я «Выдра». Прикрой — атакую!

— Я «Выдра»! «Мордвин», у тебя «мессер» на хвосте! Уходи! Эх!.. Ну что же ты!..

Александр Куприн начертал о летчиках слова на все времена:

«Я люблю их общество. Приятно созерцать эту молодость, не знающую ни оглядки на прошлое, ни страха за будущее, ни разочарований, ни спасительного благоразумия. Радостен вид цветущего, могучего здоровья, прошедшего через самый взыскательный медицинский контроль. Постоянный риск, ежедневная возможность разбиться, искалечиться, умереть, любимый и опасный труд на свежем воздухе, вечная напряженность внимания, недоступные большинству людей ощущения страшной высоты, глубины и упоительной легкости дыхания, собственная невесомость и чудовищная быстрота — все это как бы выжигает, вытравляет из души настоящего летчика обычные низменные чувства — зависть, скупость, трусость, мелочность, сварливость, хвастовство, ложь, — и в ней остается чистое золото.

Беседа летчиков всегда жива, непринужденна и увлекательна, разговор — редко о себе, никогда о своих личных подвигах. Нет и тени презрения к низшему роду оружия, как раньше это было в кавалерии, в гвардии и во флоте, хотя перевод в “земную” армию страшит летчика в сотни раз более, чем смерть. Нет насмешки по отношению к слабому, к неспособному, к неудачнику. Наивысшее развитие чувства товарищества. Умилительная преданность ученика учителю. И как прекрасна в этих сверхъестественных людях-птицах, дерзко попирающих всемирные законы самосохранения и земного тя-

готения, как живописна в них беспечная и благородная, страстная и веселая, какая-то солнечная и воздушная любовь к жизни!»

Летом 1944 года в жизни гвардии старшего лейтенанта Девятаева произошло еще одно важное событие — он подал заявление в партию: «В бой хочу идти коммунистом». Он и без этой фразы, без лишних слов, воевал так, как не воевали иные члены ВКП(б) с давнишним стажем. Но, вступая в ряды авангардной части общества, он из ведомого становился ведущим. Всей своей службой, боевыми делами он давно уже заслужил это право. В партию его приняли без лишних, как говорится, слов и вопросов. Хотя злые языки могли бы припомнить его пребывание в конторе «Черного озера». Но не припомнили, поскольку злых языков в истребительном полку не нашлось. А рекомендацию Девятаеву давал не кто иной, как боевой летчик, гвардии майор Владимир Бобров.

Фая поздравила его с этим шагом, она справедливо полагала, что с партийным билетом положение мужа упрощится и его служебный рост круто пойдет вверх. Многие так считали. Но судьба готовила новое испытание...

М. П. Девятаев:

«Беда случилась со мной 13 июля 1944 года. Я никогда не впадал в числовую мистику и никогда не жаловался на свою судьбу тринадцатого ребенка у матери, но воздушный бой 13 июля по стечению обстоятельств закончился для меня несчастьем».

Все произошло 13 июля 1944 года между Львовом и Луцком — западнее волынского города Горохува. Именно там гвардии старший лейтенант Девятаев сбил свой очередной самолет — истребитель «Фокке-Вульф».

Боевой день начался прекрасно. Девятаев, несмотря на большую пробоину в своей «аэрокобре», благополучно посадил самолет на своем аэродроме.

Сели и остальные ребята. Они вылезали из кабин с чувством хорошо сделанной работы, освобождали напряженные плечи от парашютных лямок, стаскивали

мокрые от пота шлемофоны. Как-никак, а три боевых вылета за один день — это не шутка. И теперь не спеша шли они на КП, где стоял грузовик со скамейками в кузове. Краткий разбор полетов, а потом грузовик отвезет всех в село, где можно сполоснуться у колодца холодной водицей, напиться вдоволь, а потом навернуть за столовским столом гречневой каши с тушенкой — «гуляша», как именовали это нехитрое блюдо полковые повара.

У летчиков своя «передовая» и свой тыл. Передовая осталась далеко в небе, со всей своей стрельбой, атаками, пулеметными трассами... А здесь начинался тыл, почти мирная жизнь со всеми ее радостями. В тылу прифронтовой полосы грохотали порой дальнобойные орудия. А здесь — тишь да гладь... Трава по пояс, березовые роши, далекие крики петухов. Сквозь вечерний туман нежно розовели стволы берез... Почти как в родном Торбеево. Гул самолета, перевитый птичьими трелями. Чей самолет?

Наши «пешки». На запад идут. Теперь мы заносили крылья своих бомбардировщиков над немецкими городами, словно мечи праведной мести.

Девятаев запомнил все подробности этого рокового дня. Все...

На полпути к заветному грузовику-автобусу его остановил крик майора Боброва:

— «Мордвин», летим! «Юнкерсы»!

Он шел ему навстречу быстрым шагом, порой бежал, заправляя на ходу карту в планшет. Откуда они взялись, эти чертовы «юнкерсы»? Только что наши пролетели... И Девятаев отправился в свой четвертый боевой вылет — 13 числа, которое так оправдало свою недобрую славу...

М. П. Девятаев:

«Других пилотов Бобров называл по имени, а меня почему-то по радиопозывному: “Мордвин”. Но лететь я не мог — над моей побитой машиной колдовали техники.

— Володя! В моей “кобре” пробоина.

— Возьми Сашин “туз”! “Юнкерсы” подлетают! Надо срочно перехватить!

Туза пик Саша намалевал во весь фюзеляж, он был приметен даже отсюда, на порядочном расстоянии. Но Рум сегодня не полетит — он болен. А вот машина его исправна и свободна. Поэтому полечу я. Жаль, что он так нещадно разукрасил свою «кобру», немецкие асы, поди, примут меня за комдива Покрышкина.

Наконец я добежал до самолета. Ребята уже взлетают, а мне нужно лямки укорачивать — у Саши Рума богатырский рост. Я малость отстаю. Но вот прогрев движка, форсаж, взлет... Через пять минут догоняю в воздухе Боброва и занимаю место ведомого. Не раз я водил группы навстречу «юнкерсам», ходил четверками и шестерками против «мессершмиттов», а сейчас моя задача прикрывать своего командира».

«Юнкерсы» без прикрытия ходят редко. Прикрывают их, как правило, «мессеры». Но пока их не видно — отстали? А зря...

Бобров с Девятаевым вклиниваются в строй бомбардировщиков и сбивают — по машине каждый. Это вам расплата за опоздание истребителей. А вон и они появились. В азарте боя проходит страх, притупляется осторожность. Но рулетка, она и в небе рулетка, никогда не знаешь, кто идет на тебя в лоб — вчерашний фендрик или бывалый ас. Это определится по первым же залпам, по первым маневрам...

Из-за большого вечернего облака выскочила сразу четверка «мессеров». Многовато на одну «кобру»... Держись, «туз»! Эх, была бы пиковая масть козырем, был бы другой разговор. Но масть не пошла... «Кобру» резко встряхнуло, и тут же кабина наполнилась дымом. Едкий запах драл горло, белесый дым застилал глаза. Ясно было, что самолет подбит. Теперь самое главное — дотянуть до линии фронта и пересечь ее. А там будет видно.

В наушниках встревоженный голос майора Боброва:
— «Мордвин», прыгай!

Бобров не паникер и если уж требует покинуть самолет, значит, дело серьезное, машина подбита. Но он и сам это чувствовал — пятками! Огонь подбирался к ногам... Но Девятаев еще пытался спасти свою «кобру».

Бобров яростно орал в микрофон:

— «Мордвин», твою мать, прыгай! Я приказываю!..

Да, пламя уже обжигало руки, опаляло лицо... Что делать? Как тут выпрыгнешь, когда под крыльями вражеская территория. Но и не выпрыгнешь — сгоришь: взорвутся бензобаки. А самолет не просто снижается — падает, оставляя за собой хвост черного дыма. В кабине уже нечем дышать. Пламя слепит...

Бобров уже не требует, а просит, умоляет:

— Миша, ну прыгай же...

И Михаил сдвинул фонарь и вывалился из кабины. В ту же секунду мощный удар в бок выбил его из сознания: он попал под удар стабилизатора своего же самолета. Смертельный номер! «Аэрокобра» убивала своих пилотов. Она не прощала им поражений. Такой уж у нее был характер: для кого «кобра», а для кого «белочка». Советские летчики называли «Аэрокобру» «Белла», «Беллочка», по наименованию фирмы-производителя — «Bell Aircraft Corporation».

Заметим здесь вот какую вещь: «Аэрокобра» — это истребитель Р-39 американского производства, который поступал в СССР по ленд-лизу, и его предпочитали наши воздушные асы: А. Покрышкин, Амет-Хан Султан, Г. Речкалов, Н. Гулаев, В. Фадеев, П. Кутахов (ставший впоследствии маршалом авиации и заместителем министра обороны СССР).

Впервые же в Великой Отечественной войне «Аэрокобра» вступила в бой 16 мая 1942 года в составе 19-го гвардейского истребительного авиационного полка (16 машин) в Заполярье.

Несомненным достоинством самолета являлась его высокая боевая живучесть, обусловленная прочной конструкцией машины. Как правило, «Аэрокобра» выдерживала большое количество попаданий, при маневрировании самолет можно было подвергать максимальным нагрузкам без риска его разрушения.

Но были и серьезные недостатки, смертельно опасные для малоопытных пилотов. Главным недостатком «Аэрокобры» следует признать опасность сваливания в штопор при ошибках в пилотировании, вследствие чего

имели место аварии и катастрофы. Причиной этого была предельно задняя центровка, что сделало самолет очень маневренным, но неустойчивым. Предельно задняя центровка была и на некоторых других самолетах того времени, например у И-16, который, подобно «Аэрокобре», являлся очень маневренным, но весьма сложным в управлении, что также приводило к многочисленным авариям. При переучивании на «Аэрокобру» летного состава уделялось особое внимание сваливанию в штопор и выводу из него. В поздних моделях самолета данную проблему отчасти решили, но угроза срыва в штопор все же оставалась. Опытный летчик мог летать на «Аэрокобре» достаточно безопасно, но для новичков угроза крушения была высока.

Для сравнения: пилотирование истребителей Яковлева, во многом уступавших «Аэрокобре», являлось гораздо более простым и доступным для летчиков с квалификацией ниже средней, составлявших большинство в советской авиации военного времени.

«Аэрокобра» стала последней машиной Михаила Девятаева в его карьере летчика-истребителя.

Шелковый купол, перехлестнутый стропой, раскрылся наполовину. Летчик стремительно несся к земле. Скорее падал, чем парашютировал... Падал в тартарары, падал в небытие, падал в плен...

Приземление было жестким, и на какое-то время он потерял сознание. Потом пришел в себя, лежа на опушке леса... После заоблачных высот земля придвинулась к его глазам неожиданно близко, как будто после созерцания мира в телескоп ему вдруг подставили окуляры микроскопа. Это было совсем другое пространство, где травинки стояли как деревья, хвоинки громоздились как баррикады бревен, а муравьи носились со скоростью гончих; еловая шишка казалась поверженной башней, причудливо сложенной из чешуек-кирпичиков. В этом тихом мире букашек и былинки не рвались снаряды, его не прошивали огненные трассы. В нем было все понятно и радостно, и он, летчик-истребитель лейтенант Девятаев, вдруг снова стал мальчиком Мишей, который, отбро-

сив сачок, прилег на землю, чтобы рассмотреть поближе жизнь муравьев и божьих коровок...

Это все, что он мог сделать, — просто смотреть. Любое движение вызывало нестерпимую боль. Ему показалось, что позвоночник сломан, и его обломок вонзился в легкие, поэтому так трудно дышать. Но «диагноз» не подтвердился: позвоночник, слава богу, не сломался, и ребра тоже были целы. Где-то он читал о греческом герое Антее, который обретал силы, прижавшись к земле. Вот и он вбирал сейчас токи родной земли, приходя в себя... И он бы стал сильным, как Антей, если бы над ним не встал немецкий солдат с автоматом:

— Ауфштейн! Лос, лос!...

«Вставать, не вставать? Не встанешь — пристрелит». Девятаев с трудом поднялся на ноги. Сделал шаг, другой...

Так начался для него плен...

ЧАСТЬ ВТОРАЯ СБИТЫЙ ЛЕТЧИК

Глава первая **НЕМЕТЧИНА**

М. П. Девятаев:

«Очнулся я в разрушенной землянке. С трудом перевернулся на бок и увидел еще двух человек. Один из них придвинулся ко мне:

— Жив, браток?

Оба они оказались тоже летчиками. Они и сообщили мне дикую, не укладывавшуюся в сознании весть: мы в фашистском плену...

Вскоре нас подняли немцы и куда-то повели. Выбраться наружу мне стоило большого труда и мучений, несмотря на помощь товарищей. Раненых, почти беспомощных, нас вели под усиленным конвоем. Новые незнакомые друзья поддерживали меня под руки, так как самостоятельно идти я не мог. Голова шла кругом, перед глазами стояла красная пелена. Все тело сотрясала лихорадочная дрожь. К горлу подступил твердый ком...

В памяти образовался какой-то провал. Всплывали только отдельные эпизоды воздушного боя, языки пламени в кабине самолета, а как я выпрыгнул, как раскрылся парашют, где и как приземлился — ничего не помню... Я никак не мог смириться с тем, что нахожусь в плену, и вначале почти поверил, что это сон. Но слишком явная и ощутимая боль в плече и колене правой ноги в конце концов убедила меня в том, что это страшная действительность. Что же мне теперь делать? Конечно, бежать во что бы то ни стало! Но как побежишь, если и на ногах не держишься? В какой-то землянке немецкий врач осмотрел нас, сделал перевязку. Потом зашел не-

высокий тучный офицер с реденькими светлыми прилизанными волосами.

— Ауфштейн! (Встать!) — крикнул он на всю землянку.

Я не понимал, что ему от нас надо, и как лежал на земляном полу, даже не шевельнулся. Фашист подскочил ко мне и ударил по моей обожженной щеке, да так, что искры посыпались из глаз.

— Ауфштейн! Шнель, ферфлюхтен швайн! (Встать! Быстро, проклятая свинья!) — иступленно заорал он на меня, топая ногами.

Я понял, что надо встать. С трудом начал подниматься, преодолевая нестерпимую боль. Ему, видимо, не понравилась моя медлительность, а потому он пнул меня ногой. Затем наклонился и стал изрыгать дикие ругательства. Тут все во мне закипело, бешено заколотилось сердце... Как? Меня в жизни никто не бил, а тут какой-то гад смеет издеваться!.. Сейчас я покажу ему, как бьют русские... Собрал в себе все силы, всю ненависть к врагу, до предела напряг каждый мускул, забыв про боль и про все на свете, я как пружина взметнулся с земли, нацелившись головой ему в подбородок... К сожалению, гитлеровец избежал моего удара, увильнув в сторону. А в следующую секунду он ударил меня наотмашь кулаком по лицу так, что упал я без сознания... Что потом делали со мной и сколько времени я был в забытьи, не знаю. Пришел в себя только ночью, в глубокой известковой яме. Сверху доносился разговор на чужом, непонятном языке, лай овчарок. На краю ямы то появлялись, то исчезали силуэты собачьих голов с настороженными ушами. Сырость пронизывала меня до костей, и я весь дрожал. Попытался подняться, чтобы лучше рассмотреть свое обиталище, но от страшной боли в колене закружилась голова, и я повалился на прежнее место, издав глухой стон. Вдруг кто-то заговорил по-русски, обращаясь ко мне. Это из другого угла ямы.

— Ну как, браток, живем? А мы уж не надеялись, что ты отойдешь, думали: конец тебе...»

Девятаев воспрянул духом: возле него снова свои, русские...

— Вы кто?

— Те же самые, что были в воронке, — ответил знакомый голос. — Я майор Вандышев. Штурмовик, командир эскадрильи.

Другой тоже был летчик, родом из Пензы, Михаил. Разговорились.

— Вот мы и отлетались, — заметил Девятаев. — Вчера еще парили в облаках, а сегодня сидим в яме... Вот жизнь!

Вандышев тихо, как бы про себя, сказал:

— Что ж, коль вместе попали мы в беду, так давайте и выбираться из нее вместе!

— Легко сказать — «выбираться»... — усмехнулся Девятаев. — А если я двигаться не могу, не то что бежать? Нога распухла и болит так, что к ней и прикоснуться нельзя, и плечо прострелено.

— Плечо не так важно, — заметил Вандышев, — а с больной ногой и в самом деле далеко не уйдешь... Дай-ка посмотрю...

Он ощупал колено Девятаева, и тот вскрикнул от боли.

— Вывих! Вытерпишь, если потяну немного?

Девятаев уперся локтями в землю. Вандышев осторожно взялся руками за ступню больной ноги и потянул так, что в коленке хрустнуло, а из глаз Девятаева посыпались искры. Вандышев нащупал на дне темной ямы маленькую дощечку, приложил и привязал ее к ноге Девятаева, тому сразу стало легче, и он поинтересовался, откуда Вандышев родом.

— Из Рузаевки, — ответил тот. — В Мордовии есть такой город.

— Неужели? — обрадовался Михаил. — Так мы земляки! Я из Торбеева! Не слышал про такую станцию?..

— Не только слышал, сколько раз проезжал через нее!

Это открытие еще больше их сблизило: они вспоминали родные места, общих знакомых, которых оказалось довольно много. Оба так увлеклись разговором, что не заметили, как рассвело. На краю ямы возник солдат с автоматом:

— Паус! (Выходи!)

Поднялись все трое. Девятаев вполне мог стоять, ноге после вмешательства Вандышева полегчало.

Товарищи помогли ему выбраться из ямы. Сильно хромая, он шел, пока конвоир не привел его к штабной землянке. За столом сидел холеный темнолицый подполковник с круглыми ястребиными глазами, это был начальник штаба. На его голубых петлицах парили друг над другом три «птички» — авиатор. Сбоку стола примостился переводчик в очках и такой же авиационной форме. До сих пор он видел гитлеровцев только с высоты и был вооружен. Теперь же они представляли перед ним — лицом к лицу — во всей зловещей красе. В руках переводчика он заметил свои документы.

— Вы русский? — спросил подполковник.

— Нет, я мордвин.

— Я не знаю такой национальности! — перевел слова офицера переводчик.

Подполковник перелистал удостоверение личности, обнаружил в нем фотокарточку Фаины.

— Кто эта женщина?

— Это моя жена!

— Где она живет?

— В Казани.

— Вряд ли ты ее еще увидишь... Впрочем, все зависит от тебя. Если не будешь ничего скрывать, то можешь еще вернуться когда-нибудь в свою Казань. Нас интересует, какие полки действуют на нашем участке фронта?.. Сообщи подробные сведения о части, в которой ты служил. Предупреждаю, что говорить надо только правду, иначе ты рискуешь всем, и в первую очередь жизнью! Выбирай.

И тут же задал вопрос в лоб:

— Сколько боевых вылетов на твоем счету?

— Сто!

— А сколько сбитых самолетов? Или таковых нет?

Подполковник ожидал заведомого отрицания побед в надежде на пощадку, но услышал четкий спокойный ответ:

— В сорок первом и сорок втором годах я сбил девять ваших самолетов. Из них три бомбардировщика.

Ответ немецкому офицеру понравился: пленный не кривил душой.

— Настроение среди советских летчиков?

— Хорошее. Все уверены в скорой победе над Германией.

Но начальник штаба хотел услышать совсем иное. Не услышал, недовольно заерзал на стуле, достал из папки газетную вырезку с портретом командира истребительной дивизии Александра Покрышкина:

— Узнаешь?

— Да!

— Ты храбрый летчик. И мы оставим тебе ордена и жизнь, если ты будешь не только храбрым летчиком, но и, как это у вас говорится, бла... благоза... Благоразумным человеком... Итак, ты служил в дивизии, которой командует полковник Покрышкин. Расскажи все, что ты о нем знаешь.

— Отличный летчик. Дважды Герой Советского Союза. Справедливый командир. Веселый человек.

— У него есть личные слабости?

— Слабости? Да нет. Сильный мужик.

— Я имею в виду: пьет неумеренно, женщинами увлекается...

— Ну какая же это слабость! Женщины слабаков не любят. Нет у него слабостей. Кремень!

— Кре-мень? Кремль? Что есть «кремень»?

— Камень такой. Об него искры высекают.

— Ты сам камень. Штайнкопф! Каменная башка!

Для убедительности подполковник постучал себя по лбу.

— Какую задачу выполнял полк в этом месяце?

— Такими данными не располагаю... Я младший офицер. В задачи полка меня никто не посвящал.

Девятаев успешно косил под braveго солдата Швейка. И это пока удавалось.

— Дурак! — крикнул подполковник.

Допрос наконец был завершен¹, и Девятаева увели в известковую яму.

Майор заметил помощнику:

---

¹ Среди документов, захваченных нашими войсками во время войны, был найден протокол этого допроса, в нем имеется такая запись: «Военнопленный производит впечатление не очень умного человека. Не заслуживает доверия тот факт, что он располагает такими небольшими сведениями о своей части, будучи старшим лейтенантом. Нельзя проверить, насколько правдивы его показания».

— Он производит впечатление не очень умного человека. В лагерь его!

— В лагерь летчиков?

— Нет. В общий.

Однако перед отправкой в лагерь пришлось еще пройти допрос в полевом отделении абвера. Но и военная разведка не смогла получить ценных сведений. Тем не менее резолюцию вынесли иную: отправить старшего лейтенанта не в общий лагерь, а в лагерь для летчиков под Лодзью.

Но сначала его, Вандышева и Кравцова транспортным самолетом Ю-52 доставили в Варшаву для более детального и длительного допроса. И опять Девятаев отвечал на вопросы столь несуразно, нес такую околесицу, что его приняли за контуженного и махнули рукой. Что с ушибленного взять?!

М. П. Девятаев:

«Сначала нас поместили в один из пересыльных лагерей для военнопленных. В первое время гитлеровцы старались внушить нам, что они гуманно относятся к советским военнопленным, — война шла к концу. Они вернули нам даже отобранные ордена, сохранили форму. На допросах нам обещали в любое время дать свободу, если... перейдем на их сторону! Это означало, что мы должны стать пособниками врага, изменить своему народу, своей Родине. Таких среди нас не нашлось».

Каждый из сбитых летчиков по-своему переживал трагедию плена, каждый надеялся бежать при удобном случае, пробиться к своим. Об этом Девятаев не раз беседовал с Вандышевым и Кравцовым. Перебрали десятки вариантов и возможностей. Все знали: за попытку побега — смерть, за разговоры о побеге — карцер. А то и расстрельная пуля.

Однажды, перед наступлением темноты, к Девятаеву подошел Вандышев:

— Попробуем сегодня ночью? Вокруг деревья, перелески, лагерь, похоже, не огорожен... Может, вырвемся...

Но Девятаеву бежать было еще не под силу: нога

ощутимо болела и он с трудом передвигался с помощью палки.

— Бегите без меня, а я в другой раз, — с тоской сказал он.

Ночью Вандышев и Кравцов вышли из барака. Но под утро вернулись — наткнулись на колючую проволоку, опоясывавшую лагерь. Проволока однорядная, без электричества, можно было бы пролезть, но за ней разгуливали патрули со сторожевыми овчарками. Незадолго до этого из лагеря бежали двое смельчаков; их поймали: одного до смерти загрызли собаки, другого застрелил часовой. Летчики решили более тщательно подготовиться к побегу, подыскать момент получше, а там, глядишь, и Девятаев встанет на ноги. Три бойца — это уже звено. Можно и в бой!

Из пересыльного лагеря их в вагонах перебросили в стационарный — под польским городом Лодзь. Рельсы пролегли прямо по территории лагеря. Поезд прибыл в обеденное время. Еще из вагонов они увидели длинную очередь изможденных, оборванных, угрюмых людей.

— Неужели это наши летчики? — вырвалось у Вандышева.

— Были летчиками, да отлетались. Скоро и вы такими станете! — пообещал сопровождавший пленных немец-переводчик.

Все с ужасом смотрели на очередь полулюдей-полускелетов, закутанных в лохмотья. Они понуро стояли с алюминиевыми мисками и один за другим подходили к бочке посреди двора, из которой им наливали «суп». От одного запаха этой бурды из брюквы подташнивало. Да и ту плескали в миску, только чтобы дно прикрыть. А некоторые, самые нетерпеливые, и вовсе получали черпаком по голове. Поэтому очередь была довольно послушной. Все-таки то была еда, и еда горячая...

Жили в бараках, обнесенных колючей проволокой, по которой был пропущен ток высокого напряжения. Окна на ночь закрывались ставнями. В первый же день у многих отобрали ордена. На сувениры? Или на серебро польстились? Как бы там ни было, но «звено» Вандышева свои награды спрятало. Вандышев отсчитал от двери

вдоль каменной стены четыре шага и закопал ордена Кравцова, свои и Девятаева. Может, удастся после войны найти? До этого два своих ордена Девятаев хранил под повязкой на левой руке. По счастью, при обысках их не нашли. Теперь же они были спрятаны более чем надежно — мать сыра земля хранила их.

В тот же день всем новоприбывшим выдали бирки с номерами. Каждый из них должен был забыть свою фамилию, имя, отчество и помнить только номер. Что уж там говорить о человеческом достоинстве?!

В этом лагере Девятаев встретил летчика-штурмовика Ивана Пацулу. Они водили дружбу еще на фронте. Здесь же еще больше сблизились, помогали друг другу переносить лишения. Иван Пацула рассказал о своем неудавшемся побеге, о пытках, перенесенных им в камере.

Кусочек хлеба-суррогата, наполовину состоявший из древесных опилок, выдавался на весь день. Надсмотрщики цинично заявляли, что они, русские, не умеют есть хлеб. Его, мол, нужно съедать не сразу, а постепенно, только при этом условии можно приглушить голод. Не рассказать обо всех изуверствах носителей «нового порядка», об их жестокости. Каждый издевался над пленными, как подсказывала ему садистская фантазия. Например, по распоряжению начальника лагеря полуголодных заставляли после обеда бегать вокруг колодца.

— Эта зарядка необходима для лучшего усвоения пищи, — посмеивался лагерфюрер.

Лагерь под Лодзью в отличие от сортировочно-пересыльного походил на солидное предприятие по переработке военнопленных в бессловесных рабов: вышки с пулеметами, колючая проволока под напряжением, прожекторные посты, бесчисленные длинные бараки и каждодневные побои по любому поводу. Слова были не в чести, в ходу были только тумачи, пинки, удары плетками и дубинками...

Раннее зимнее утро. Солнце лениво поднялось над горизонтом — алое, бесформенное, как кузнечная поковка. На аппельплаце в луче прожектора застыл неров-

ный строй военнопленных. Идет переключка в присутствии начальника лагеря.

— Номер триста сорок первый! — выкликает охранник.

— Я, — отвечает Девятаев.

— Триста сорок второй!

— Я, — откликается сосед справа, сутулый человек без возраста с малиновыми пехотными петлицами на драной заношенной шинели.

Девятаев незаметно протягивает ему ладонь:

— Михаил.

— Николай. Лейтенант Кривоногов.

— Давно паришься?

— С сорок первого.

— Давненько, однако. Так и война кончится — не повоюешь, — невесело усмехнулся Девятаев.

— Я в сорок первом за все годы отвоевал...

И Кривоногов, и Девятаев оба попали в команду «топтунов». Человек двадцать пленных, натянув немецкие сапоги ходили вокруг барака.

— Что за клоуны? — удивился Девятаев.

— Сапоги немцам разношивают. Прошел сто кругов и новую пару надевай. Ноги стер до костей. А они все новые и новые подвозят.

Но делать нечего, и Девятаев молча марширует вместе со всеми. То еще занятие для бывшего летчика... Какие же у них тесные, однако, сапоги! То ли дело наши — ноге даже в портянке простор. Надсмотрщик внимательно наблюдает за «сапожниками». Кто манкирует, кто шагает не так, как надо, тот сразу получает палкой по спине.

— Шритт! Айн-цвай, айн-цвай!.. Ви би айнер параде!

А за плечами у каждого ранец, в который для увесистости насыпано по 20 килограммов песка, и прошагать с такой ношей надо было не менее сорока километров в день.

Наконец мучительный «парад» заканчивается, три свистка — и команда: «По баракам!»

Разносчики сапог больше месяца не выдерживали, стирали стопы до костей, ноги опухали, и «топтуны» превращались в инвалидов. Девятаев все это выдержал и получил «повышение» — его перевели в хозяйственную

часть. Там было несколько легче, там был сельский труд, знакомый Девятаеву с детства: кормить свиней, собирать на огородах брюкву, рапс, лук. Хозяйка готовила парники к зиме, завозила дрова и продукты. А зима долго ждать себя не заставляла. По ночам уже начинались заморозки, и в бараках становилось все холоднее и холоднее. Спали на трехъярусных нарах, никакой постели не полагалось. Хоть бы голые матрацы положили. Но нет, ложись на голые доски. И куцые тонкие одеяльца далеко не у всех. Немногие счастливицы накрываются шинелями. Ни одеяла, ни шинели у Девятаева нет. Теплую летнюю куртку охранники отобрали еще подо Львовом. Кривоногов прикрывает его полый своей шинели.

— Холодно тут у вас, — ежится Девятаев. — Никогда не думал, что в Германии холоднее, чем в Сибири.

— Да уж, не Сочи. Как в частушке поется: «В ярославскую тюрьгу залетели гуленьки. Залететь-то залетели, а обратно — фуленьки!»

Частушек, песен, побасенок Кривоногов знал уйму и всегда припоминал их к случаю.

Девятаев слез с нар, будто по нужде, оглядел барак, выглянул в оконце и заявил:

— Как залетели, так и вылетим! Вон ограда, шагов тридцать до нее.

— Толку-то... Там «колючка» под током.

Михаил снова забрался на нары и продолжил шепотом:

— Пока земля не промерзла, рыть надо. Подкопом уйдем.

— Чем рыть-то? Ногтями?

— А хоть бы зубами! Поищем, чем рыть.

Но подготовиться к рытью подкопа не успели. Пришел приказ покинуть бараки и собираться в путь. Немецкая армия откатывалась на запад все дальше и дальше. А вместе с тыловыми учреждениями перемещали в Германию и лагеря военнопленных. Дешевая рабочая сила становилась все нужнее... Решено было перевезти за Одер и Лодзинский лагерь. Пригнали железнодорожные составы. Открытые всем ветрам и дождям товарные вагоны были разделены на две половины стойками с

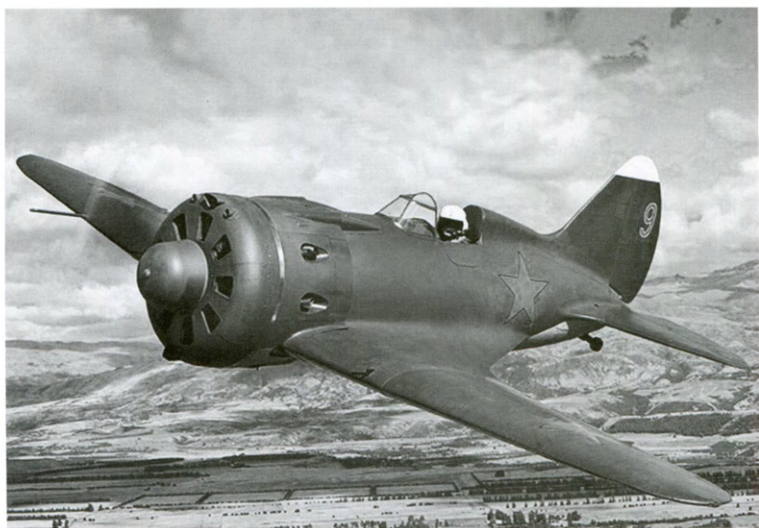
At. Gerasimov

Фаина и Михаил Девятаевы перед войной

Родной дом в селе Торбеево. Сегодня здесь музей летчика Девятаева

Истребитель И-16,
на котором в первые
годы войны воевал
лейтенант
Михаил Девятаев

Младший летчик
Михаил Девятаев.
1940 г.

Истребитель
Як-1, на котором
воевал Михаил
Девятаев
в дивизии
полковника
А. Покрышкина

Старший
лейтенант
Михаил Девятаев.
1943 г.

Главные ворота концлагеря Заксенхаузен

Фото Девятаева с учетной карточки военнопленного

Станция на Пенемюнде, где размещался лагерь Карлсхаген-1. Современный вид

Полковник
Николай Бушманов,
один из организаторов
лагерного сопротивления

Вид из пилотской кабины
на самолет «Хейнкель-111»

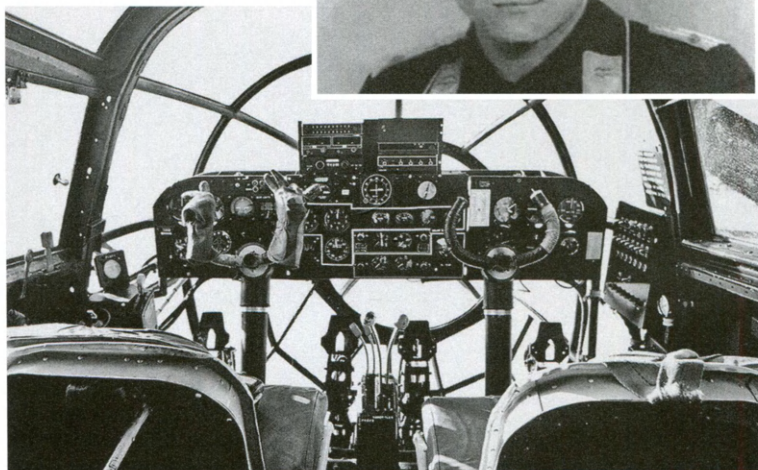
Капитан речного флота
Михаил Девятаев. Есть
что вспомнить, есть о чем
рассказать...

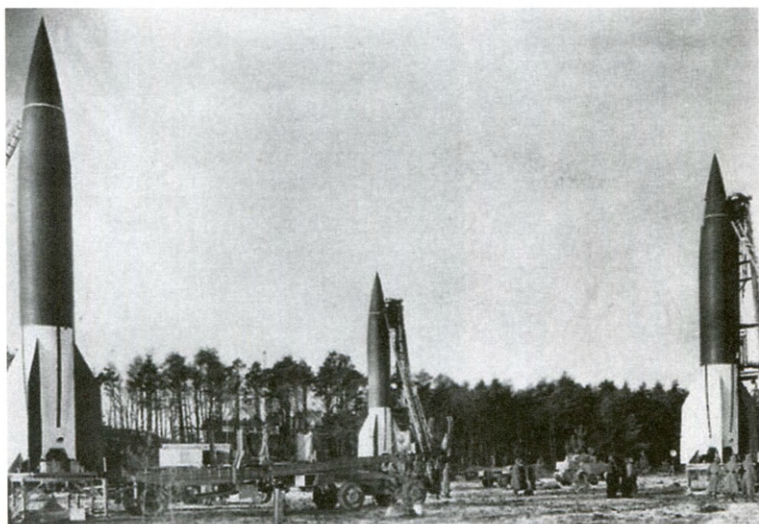

Обер-лейтенант Штроуб,
один из летчиков, который
должен был догнать и сбить
угнанный Девятаевым
самолет

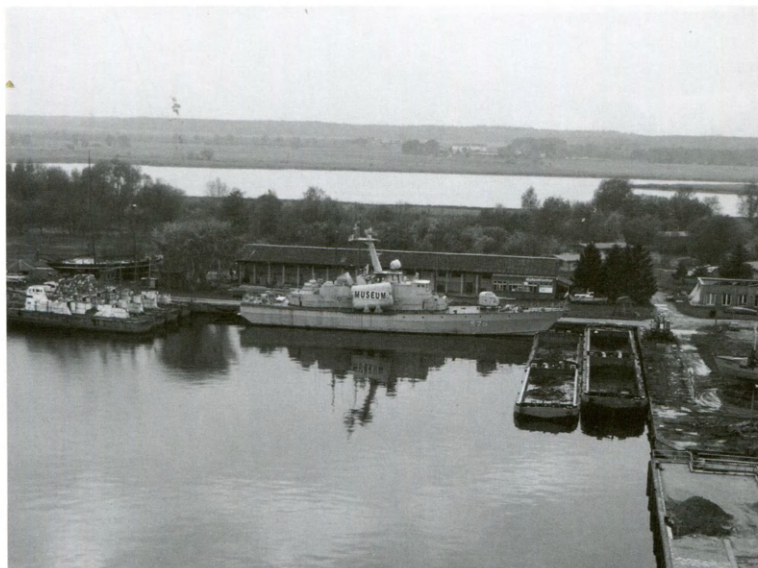
Пилотская кабина
и приборная панель
самолета Хе-111.

Ракетодром Пенемюнде. На стартовом столе Фау-2. 1945 г.

Гавань Пенемюнде. Современный вид

Та самая взлетная полоса,
с которой Михаил Девятаев
поднял в небо самолет
Хе-111. *Современный вид*

Сохранившееся здание
контрольно-диспетчерского
поста на аэродроме
Пенемюнде

Сергей Королев с группой специалистов
на ракетной базе Пенемюнде. 1945 г.

Полковник Сергеев
(Сергей Павлович Королев)

Михаил Девятаев умел
рассказывать, умел и слушать...

В пилотской кабине «Хейнкеля-III» —
пилот и штурман

Ас люфтваффе полковник
Вальтер Даль. 1945 г.

Михаил Девятаев (справа) и Гюнтер Хобст,
тот самый немецкий летчик, который был
послан за ним в погоню. Они перестали
быть врагами, но не сделались и друзьями...
Пенемюнде, 2002 г.

Герой Советского Союза гвардии генерал-майор авиации Георгий Захаров. Под его началом младший летчик Девятаев встретил первые дни войны

Герой Советского Союза гвардии старший лейтенант Михаил Девятаев, командир звена

Михаил Девятаев:
«...и я захожу ему
в хвост!»

Преемственность поколений: с внуком в кабине самолета

Школьники одной из казанских школ рядом с настоящим героем

Ветераны,
друзья-товарищи,
участники
легендарного побега
на фоне речного
судна «Герой
Девятаев». «...чтобы,
умирая, воплотиться
в пароходы,
в строчки и в другие
долгие дела»

Пенемюнде
помнит... На камне
выбиты имена
Девятаева и всех
его товарищей
по беспримерному
полету. 2016 г.

Памятник на могиле Михаила Девятаева на Арском кладбище в Казани

Память в металле, в камне и в живых душах.
Такая память — бессмертна

натянутой на них колючей проволокой. На одной половине располагались несколько солдат с собаками, в другую загоняли три десятка пленных. Никто не знал, куда их везут и что будет дальше. Эта неизвестность угнетала хуже всех дорожных неудобств. Кто-то затянул старинную каторжанскую песню:

Вот умру я, умру я,
Похоронят меня.
И никто не узнает,
Где могила моя.

Песню подхватили все — всем было тоскливо не только от неволи, но и от того, что покидали Польшу, граничившую с родной российской землей. Погрустив, ребята словно опомнились, начали перешептываться между собой о том, чтобы сбежать по дороге. Первое, что пришло в голову: разобрать пол и прыгнуть на ходу. И хотя это было опасно (многие слышали, что такие побеги кончаются под колесами поезда), тем не менее Девятаев стал деятельно готовиться, для него только одна мысль о возможности побега была бальзамом, пролитым на душевные раны. А ран этих накопилось немало.

Михаил сновал по всем углам, выспрашивал, есть ли у кого что-нибудь подходящее. Нашлось несколько острых железок, и Девятаев тут же приступил к работе.

М. П. Девятаев:

«Когда поезд набирал скорость, мы сбивались в угол, один резал, другие пели. Солдаты, которым надоели наши нарочитые песни, иногда кричали на нас. Собаки тоже поднимали скулеж. Мы прекращали работу, но немного погодя продолжали ее. Работали днем и ночью. Доски уже были пропилены. Но пол снизу был обит толстым железом. Значит, не мы первые пробиваем пол в вагоне, и враг это учел. Эх, план побега не удался...»

А вскоре потянулись земли Германии... Каменистая, унылая, чужая страна. Здания, столбы, дороги — все сделано основательно, добротно и уныло. Да, тут не разбежишься...

Наконец, станция назначения «Kleine Kenigsberg» — Малый Кёнигсберг. Повалили из остобрыдших за долгую дорогу железных коробок, разминали ноги, помогали раненым. Ощущение земной тверди после зыбкого железного пола придавало сил. После переключки двинулись длинным строем по хорошо мощенной улице. Брели с трудом, ведь у многих не было обуви и вместо сапог выдали деревянные колодки — сабо. Но деревяшки натирали ноги до кровавых мозолей... А вот и сам городок весьма идиллического вида: водяная мельница, средневековые ворота, зелень тенистых деревьев. Чисто прибранные двух- и трехэтажные дома с занавесками на окнах. Из-за них выглядывают перепуганные бюргеры: как-никак, а русские уже в городе. Возможно, вслед за ними придут и другие русские — солдаты с оружием... Стук деревянных колодок по мостовой, окрики конвоиров, лай собак всполошили их. Одни бросают на колонну сочувственные взгляды, другие с отвращением задерживают занавески...

Лагерь располагался за дальней окраиной Малого Кёнигсберга: четыре длинных барака, выкрашенных в темно-зеленый цвет. Такие же сторожевые вышки: одни с пулеметами, другие с прожекторами. Все очень строго, неприветливо, зло...

Колонна замерла перед воротами, из них вышел офицер-эсэсовец. С минуту он всматривался в угрюмые лица, словно искал знакомых, потом хлопнул стеклом по блестящему голенищу сапога и на хорошем русском языке предупредил:

— Лагерь «Новый Кёнигсберг» заминирован. Каждый метр его территории простреливается пулеметами. Надежду на побег оставьте по эту сторону ворот!

М. П. Девятаев:

«Лагерь огромный, заключенных в нем много. Нас, авиаторов, поместили в отдельном бараке. Проходя по двору, мы заметили, что всюду разбросаны детские рубашки, штанишки, женские чулки, обувь и даже горшки для малышей. Кто-то отважился спросить у охранника, что все это означает. Эсэсовец ответил: здесь находились еврейские семьи, людей вчера сожгли в печах, чтобы

предоставить место вам, вновь прибывшим. У многих возникла одна и та же мысль: «Вот оно что! Когда понадобится освободить лагерь для других заключенных, эсэсовцы сделают то же самое с нами? Невеселая перспектива»... Что тут скажешь?»

Изучив жизненный путь моего героя, Михаила Девятаева, могу со всей убежденностью сказать: он обладал феноменальной везучестью. Шла ли она от бога или от природных свойств его характера, но всякий раз, попадая в лихие обстоятельства, Девятаев благополучно выбирался из них. Он всегда выходил победителем из труднейших и опаснейших ситуаций. Судьба не просто испытывала его, но и готовила к смелым, отчаянным поступкам. В некоторых странах пилотам вписывают в их летные характеристики «везучий» он или «невезучий». Девятаеву кадровики наверняка бы вписали: «феноменально везучий». Но, как говаривал Суворов: «Раз везение, два везение, помилуй Бог, надобно и умение!» У Девятаева было и умение. Умение схватывать все на лету и мгновенно, как подобает истинному летчику-истребителю, принимать решения. Решения беспронимательные...

Он не раз выслушивал от Кривоногова планы побега. Иван предлагал:

— Проползти ночью к пулеметной вышке, отвлечь пулеметчика, метнуть в него нож, обезоружить и дать очередь по соседним вышкам. Остальные уйдут в прорыв, десятки уйдут...

— Нет. Шумно очень, — отвергал Девятаев. — Поднимут всю охрану в погоню. Не уйдем.

— Все остальные варианты тоже шумные, — вздохнул Вандышев. — Самый тихий и незаметный — подкоп.

— А чем копать будешь? У немцев лопату попросишь? — невесело усмехнулся Кривоногов.

— Будем искать, чем рыть, — спокойно рассудил Девятаев.

На утренней раздаче баланды, как всегда, гремели алюминиевые миски. Девятаев быстро опустошил свою и показал ее Кривоногову:

— Вот тебе и лопата. И загребает, и выбрасывает. За неделю пророем. Только нужна еще пара бойцов — на пересменку. Есть кто на примете?

— Есть.

— Вадрясто!

— Чего?

— Да это по-нашему, по-мордовски, — «хорошо».

— Ишь ты, вадрясто... — покачал головой Кривоногов. — Хорошее словцо. Запомнить надо. А как «побег» по-вашему?

— По-мокшански «побег» — «ворьгодема».

— Красиво! Вот так и будем называть: «ворьгодема». Никто не поймет. А «победа» как?

— Победа — «сяськома».

— Тоже понятно. Вроде как изнемог человек, но победы добился.

— Ну и где твои орлы?

На вторые или третьи сутки ночью около нар Кравцова и Пацулы собрались на тайный совет «орлы»: Девятаев, Воробьев, Вандышев, Миша-сержант и еще несколько человек. Вниманием всех завладел человек невысокого роста, очень худой, с обезображенным ожогами и шрамами лицом. Именно таким запомнился всем майор Николай Китаев. Он приземлился в поле на поврежденном истребителе и ударился лбом о прицел, надолго потерял сознание и очнулся уже в плену.

Китаев говорил коротко, четко, по делу. Он сразу же стал излагать хорошо продуманный план побега, который всем показался легко осуществимым. Все остальные предложения были из области книжных фантазий вроде побега графа Монте-Кристо.

М. П. Девятаев:

«Мы безоговорочно верили Китаеву... Старожилы лагеря рассказали, что Китаева возили на допросы в Берлин, что в ставке Гитлера ему, Герою Советского Союза, командиру авиаполка, предлагали высокую должность, но Китаев наотрез отказался изменить Родине. И вот сейчас, в тесной комнате лазарета, обступив Китаева, мы

слушали его так внимательно, как слушали на аэродроме командира, когда он перед нами ставил боевую задачу».

Китаев предлагал:

— Сделаем подкоп под проволочное ограждение и ночью выйдем из лагеря. Рыть нужно с субботы на воскресенье. Вы слышите? — обратился Китаев через головы к тем, кто стоял подальше. — В воскресенье немецкие летчики молятся богу в кирхах, а на аэродроме остается только охрана. Если нам удастся захватить «юнкерс», мы заберем всех, кто доползет до стоянки. Я хорошо знаю «юнкерс», «дорнье», «мессершмитт», «фокке-вульф», смогу завести моторы, поднять самолет в воздух. Научу этому и других. Если я не дойду до аэродрома, кто-то из вас запустит моторы и поведет самолет. Возьмемся за подкоп, открою ночные курсы. Но это потом... Ближайшая задача: пролезть под землей за оградой, обойти спрятанные электроконтакты сигнализации.

На том ночном совете все было обдумано, рассчитано.

— Подкоп начинаем из лазарета, — подытоживал Китаев. — Под койкой Аркадия Цоуна (это был летчик-сибиряк) проделываем отверстие и спускаемся в подполье, там выбираем место для подземного хода. А пока будем изучать систему охраны. Днем она одна, ночью — другая...

Ночное наблюдение было самым сложным, потому что двери барака запирали, а окна закрывали ставнями. Но будущие беглецы уже «пролезли в щелочку», проделав ее в окне. По тени часового можно было фиксировать время, в течение которого он находился на дальнем конце барака. Пока он там, можно было активно действовать.

А тем временем в Новый Кёнигсберг почти ежедневно привозили очередные партии военнопленных. Чтобы разместить всех, лагерное начальство строило новые помещения. На строительство бараков каждое утро выводили несколько команд. Выходили вместе со всеми и участники будущего побега. Из карьера, где они брали песок, открывался вид на местный аэродром. Китаева и Девятаева интересовали любые сведения о нем. Они детально расспрашивали всех, кому удавалось работать

вблизи летного поля, какие самолеты там стоят, по каким маршрутам передвигается внешняя охрана. Особенно обнадеживало то, что к стоянкам машин почти вплотную подступал густой лес...

Шла работа и в другом направлении — кадровом. Заговорщики тщательно изучали друг друга: не сдрейфит ли в последнюю минуту, не даст ли слабину, не донесет ли вахтману?

Большие надежды возлагали и на врача Воробьева. У него был опыт превращать здоровых заключенных в «больных». Таким способом Воробьеву удавалось ежедневно оставлять в лазарете двух подпольщиков для подземных работ.

М. П. Девятаев:

«В поисках места, откуда бы начать подкоп, мы с Вандышевым, Кравцовым и Пацулой осмотрели все помещения барака и, когда зашли в последнюю, угловую, комнату, Кравцов воскликнул:

— Вот эта самая подходящая! Покарауйте-ка, а я обследую ее...

Я встал у двери, остальные заняли посты у окон, чтобы следить за движением охранников, а Кравцов на четвереньках пополз под нижние нары. Вылез оттуда мокрый от пота.

— Лучшего места не найти, — сообщил он нам. — Только плохо поддаются доски — сухие. Нож потребуется.

На следующий день мы сорвали две половицы под нарами и забрались в подполье. Оказалось, что пол в бараке до метра возвышается над землей, есть где рассыпать грунт. Решили копать».

Ночью, когда все засыпали или делали вид, что спят, Девятаев, Кравцов, Китаев, Шилов бесшумно вставали с коек и лезли в подполье. Барак стоял на деревянных сваях-опорах, поэтому между землей и полом имелся почти полуметровый зазор. По нему даже можно было передвигаться, согнувшись в три погибели. Тщательно обследовав грунт, подпольщики нашли подходящее место для туннеля.

Однажды они так увлеклись изучением подполья, что не слышали шагов приближавшегося часового. Тот был с собакой, и овчарка, учуяв людей, тут же бросилась к барaku, начала рычать и грызть зубами обшивку.

М. П. Девятаев:

«Мы замерли. Но что собака почуяла нюхом, того не понял своим умом часовой. Он поманил собаку к себе. После такого переполоха мы наконец пришли в себя и приступили к делу... Когда место для углубления в земле было определено, Шилов, прислонившись к стене передохнуть, спросил:

— Ну что, полезем назад?

— Нет! — возразил Кравцов. — Копать! Копать! — и первым стал разгребать пальцами землю, отбрасывать ее назад. Мы подбирали эту землю пригоршнями и разносили по углам подполья. Затем, когда ее становилось много, мы начинали утрамбовывать. Один из нас непрерывно прислушивался, нет ли поблизости шагов часового. Самый незначительный шорох вынуждал замирать. На четвереньках в кромешной тьме переползали мы с места на место».

Отныне они жили двойной жизнью: одна — дневная, открытая, работяжная, такая, как и у всех, другая — ночная, подпольная. Все свои силы участники заговора — между собой они называли себя «метростроевцами» — отдавали той, ночной, наиболее важной стороне своей жизни. За одну ночь руками, ложками, мисками удавалось проделать полтора-два метра подземного хода. Но, чтобы пробиться за колючую проволоку, необходимо было пройти не менее двадцати пяти метров. Простые подсчеты воодушевляли, утверждали надежду на побег. Желание и стремление трудиться в подземелье не угасало.

Пацула, Кравцов, Китаев, Цоун, Шилов, Вандышев работали ежедневно. Привлекали к работе всех, кто в состоянии был хоть несколько минут копать землю. Был составлен посменный график.

«Из летчиков мы превратились в кротов, — шутили они потом, вспоминая те дни. — Чтобы не запачкать

одежду и не вызвать подозрения, мы раздевались донага. Черные, грязные, поблескивая глазами, мотались в потемках, словно кроты... Вечером, как только раздавали пайки хлеба, охрана закрывала оконные ставни. И когда Китаев как бы невзначай проходил между нарами, мы уже знали, что около щелей выставлены наблюдатели, пора вниз, в туннель».

Одна голова хорошо, три лучше... Так говорят на воле. А в лагерном бараке третья голова может и все дело испортить: взять да и заложить всех! Но уж такова лагерная жизнь — риск на каждом шагу. Девятаев своих друзей не опасался. Он вообще оказался прирожденным психологом. Верным чутьем определял: все свои, никто не донесет. А доносить-то было что: сам факт разговора, разработки плана побега — уже криминал... А за донос — лишняя миска баланды. Поэтому нужно было сохранять дело в особой тайне.

Кривоногов вызнал у Девятаева, как по-мордовски «подкоп».

— Каська.

— Отлично, — обрадовался Кривоногов. — Теперь чуть что — только «каська». У меня девушка была — Аська. Легко запомнить... А как «девушка» по-мордовски?

— Стирь.

— Ух ты, здорово! Почти «стервь»... Точно! Какой язык у вас красивый и точный. Учить будем.

Мокшанское наречие они не выучили, но многие слова для конспирации взяли: «охранник» — вансто, «столовая» — шра, «молчать» — чатьмонемс, «тишина» — молема, «конец, перерыв» — ваймама ётка, «свой» — эсь...

В самом деле, никто кроме своих, кроме эсь, кроме посвященных, не смог бы понять восклицание Девятаева:

— Молема! Вансто!!

А те, кто копал, понимали: «Тихо! Охрана!»

И как же ждали подкопщики коротенького слова: «Ётка»!.. Перерыв.

Как-то нашли кусок кровельного железа, сделали из него небольшой, но широкий совок. Мисками, ложками, ногтями вгрызались в грунт. Землю укладывали на совок, как на противень, затем волоком вытаскивали на-

верх и разбрасывали под полом. Теперь все рыскали по лагерю в поисках лопаты. В углу сарая с хозяйственным инвентарем удалось найти малую пехотную лопатку. Сумели и незаметно пронести ее в барак. Теперь работа заметно ускорилась. За сутки проходили по два метра. Выбранную землю рассыпали под полом. Уже вышли за периметр барака, а там и до ограждения из колючей проволоки — рукой подать. Еще несколько метров — и поминай как звали, точнее — нумеровали!

Это была не просто изнурительная работа, это было крайне опасное предприятие: чем дальше рыли, тем вероятнее был обвал верхнего свода, практически не укрепленного. А это значит, что землекоп мог оказаться заживо погребенным. Одна мысль об этом кошмаре вызывала то, что в психиатрии называется клаустрофобией, — боязнь замкнутого пространства. Но тесноты бояться — в подкоп не ходить. Хочешь вырваться на свободу — забудь о своих страхах. И летчики, которым вчера открывался бескрайний простор небес, из орлов превращались в кротов...

Глаза страшат, а руки делают. Все было именно так, по старой русской поговорке. Делали. Копали. Пробиwali. И Фортуна, богиня удачи, которая, как известно, любит смелых, — улыбалась им. Как улыбался им тот безымянный русский медик из лагерного лазарета. Этот пожилой человек, догадавшийся, что к чему, стал деятельным помощником будущих беглецов. Рискуя жизнью, врач доставлял девятаевцам ножи, спички, принес даже карту Германии, нанесенную на шелковое полотно. Однажды передал в барак школьный компас.

Тем временем подкоп продолжался. Но чем дальше уходил лаз, тем труднее становилось дышать в подземелье. Наверху, на плацу, уже веяло осенью, а в туннеле стояла нестерпимая духота, к тому же зловонная, копателям в забое не хватало воздуха, они то и дело теряли сознание. Их тормошили, дергали. А если бы кто-то умер? Решили привязывать к ногам веревки, чтобы вытаскивать из подкопа бездыханное тело. И вовремя: обмороки случались все чаще. И тогда они рискнули пробить не-

большое отверстие на поверхность — отдушину. Пробили. Стало немного легче шуровать лопаткой.

В конце траншеи просунули из-под земли на поверхность небольшой железный прут — веху, чтобы видно было, сколько прокопали.

— Смотрите, маловеры, как далеко мы уже продвинулись! — показывали веху тем, кто не верил в успех подкапа. На всех скептиков это произвело сильное впечатление. С того дня более полусотни человек наперебой лезли в подземелье. Отряд новых добровольцев был разбит на группы по шесть человек. Во главе каждой из них стоял офицер или политработник. Обычно политработников немцы в плен не брали: заметив на рукаве комиссарскую звезду, тут же расстреливали. Но к 1944 году комиссарские звезды отменили, а поскольку в авиации все политработники были летающими, то от остальных пилотов они никак не отличались. Это многим спасло жизнь.

М. П. Девятаев:

«Среди “метростроевцев”, так называли мы подземных копателей, мне особенно запомнились два неразлучных друга, оба украинцы-земляки, служившие в одной части. Старший лейтенант Алексей Ворончук, он был командиром звена, и лейтенант Алексей Федирко — летчик из его звена. Вместе бились они с врагом и вместе попали в плен при весьма неожиданных обстоятельствах.

Звено Ворончука вело тяжелый воздушный бой при большом превосходстве сил врага. Они сбили несколько “мессершмиттов”. Но в последние секунды боя пулеметные очереди врага подожгли самолет Ворончука. Как ни старался опытный летчик погасить, сорвать пламя, все его усилия оказались тщетными. Задохаясь в дыму, Ворончук выпрыгнул из горящей кабины и раскрыл парашют. Ветер нес его в расположение фашистов. Видя, какой опасности подвергается командир звена, летчик Алексей Федирко бросился ему на выручку. Он стал кружиться над снижающимся летчиком, поливая пулеметным огнем бегущих к нему немцев.

— Держись, друже!.. Держись!.. — кричал Федирко с самолета, хотя и знал, что тот его не услышит.

Как только парашют распластался на земле, Федирко рядом с ним посадил свою машину.

— Давай скорей, тезка! — махал он рукой Ворончуку, отстреливаясь от гитлеровцев, окружавших его, из пистолета.

Фашисты открыли сильный пулеметный огонь по самолету Федирко, стараясь не дать ему взлететь. Ворончук был уже возле самолета, Федирко помог ему влезть в кабину и тут же дал газ. Самолет взревел, тронулся, набирая скорость, подпрыгивая на кочках. Уже колеса оторвались от земли, и в этот момент — сильный толчок... Летчик в спешке не разглядел столб и врезался в него. Левая плоскость оторвалась... Их окружили немцы.

Так, спасая товарища, Федирко вместе с ним оказался в руках врага. И здесь их дружба оставалась крепкой и нерушимой. Они никогда не разлучались, как братья, вместе спали, из одной миски ели, вместе мечтали о побеге. Это они изрезали в бараке портрет Гитлера и сделали из него карты. Играя в подкидного дурака, друзья хлопали ими по носам проигравших и заразительно смеялись. Даже в самые тяжелые минуты они не теряли чувства юмора. Вот эти неутомимые, никогда не унывавшие товарищи самоотверженно работали в подземелье...»

Пространства под полом барака уже не хватало. Оно было до отказа забито вынутым грунтом. Тогда землю стали выносить из барака и выкладывать перед входом в него клумбу в виде большой свастики.

— Гут, гут! — одобряли «инициативу» 7-го барака гитлеровцы.

Теперь, когда отряд «метростроевцев» вырос до пятидесяти человек, решено было вести подкоп не за проволоку, а еще дальше, под здание комендатуры, чтобы ночью перебить охрану, захватить оружие, уничтожить всех часовых. План усложнялся: перебив часовых, узники могли захватить пару грузовиков и быстро добраться до ближайшего леса, а там уйти в чащу и держаться одним — партизанским — отрядом. Такая перспектива вдохновила многих. Теперь даже те, кому силы не позволяли работать под землей, несли наблюдательную вахту,

бдительно следя за тем, чтобы к барaku не подошел охранник или вахтман.

Девятаев вползал на четвереньках в узкий низкий лаз и там, в глубокой норе, выскребал миской землю, передавал сидевшему за ним Кривоногову. Тот подавал ему пустую миску, а дальше земля уходила по живому конвейеру. Дышать с каждым прорытым метром становилось все труднее. Крупные капли пота выступали на лбу и стекали по щекам.

— Смотри, — предупредил его Кривоногов, — если свод рухнет, похоронит заживо. Я в шахте работал. Знаю. Надо чем-то подкрепить.

Разломали нары и делали из досок подкрепы, подсвечивая себе огоньками сигарок. Девятаев шутил, подбадривая товарища: «Николай, давай закурим! Спички есть, табак своруюем»...

— Это ты Кольке-мальцу предлагай, — парировал напарник. — А я Иван.

— Иван, продай диван, махорки купим... — не унимался Девятаев, яростно работая миской. Работа ладилась. Оттого и шутить хотелось.

— Ну что, метров на пятнадцать уже прорыли. Еще полстолько бы.

Девятаев яростно работал миской. Вдруг из земли хлынула густая зловонная жижа. Он вылез из подкопа мокрый по пояс.

— Что случилось? — спросил Кривоногов, зажимая нос.

— В канализацию попал. Деревянный желоб прогнил. Немцы, жмоты, чугунину пожалели, из дерева сделали. Плесни воды!

М. П. Девятаев:

«Все уже предвкушали свободу. И вдруг — горькое разочарование... Мы наткнулись на деревянную канализационную трубу. Прогнившие доски не выдержали напора, и нечистоты хлынули в наш туннель. В бараке стало невозможно дышать, вонь распространялась по всему лагерю. Эсэсовцы, закрывая носы, ругались на чем свет стоит, называя нас свиньями. Но мы сохраняли спокойствие,

боясь выдать самих себя. К нашему счастью, охранники не заподозрили нас в подкопе и ограничились тем, что реже стали заходить в барак. А нам это было на руку.

Некоторые наши товарищи, после того как туннель заплыл нечистотами, решили, что продолжать подкоп бесполезно, что из этой затеи ничего не выйдет. Однако мы не отступили. Особенно упорно работали Пацула и мой земляк из Торбеева Василий Грачев.

С Грачевым мы вместе учились в школе, еще в детстве мечтали стать летчиками. Мечты наши сбылись. Василий на фронте был штурманом, летал на бомбардировщике. Во время одного из вылетов в глубокий тыл врага его самолет подбили зенитки. И вот после девятилетней разлуки мы встретились с ним здесь. Узнав от меня о подкопе, Василий Грачев весь отдался заманчивой идее. Он вместе с Пацулой вызвался спуститься в затопленное подземелье и ликвидировать аварию. Вдвоем они, едва не задохнувшись в нечистотах, заделали отверстие в трубе. Вырыли огромную яму под полом и вычерпали в нее все нечистоты из подземного хода, используя для этой цели тазик, который мы похитили в санчасти. И работа под землей закипела снова. От грязи и нечистот, с которыми приходилось соприкасаться во время ночной работы, у многих товарищей головы покрылись струпьями, все тело было усыпано болячками. Мои обожженные руки превратились в сплошные кровоточащие раны, на ногах и животе появились фурункулы. Это заметил обслуживающий нас военнопленный русский врач и позвал меня к себе:

— Зайди-ка, сынок, ко мне, я посмотрю, что у тебя с руками.

Очутившись со мной наедине, делая мне перевязку, он шепотом многозначительно предупредил меня:

— Берегите руки. Работайте осторожнее...»

Двое охранников патрулировали колючее ограждение. Один из них провалился по колено в землю. Посветили фонариком.

— Шайсе! — заметил один из них, обескураженно рассматривая испачканный сапог. Другой захохотал над не-

задачливым товарищем. Из-за этого, казалось бы, пустякового происшествия вдруг всполошилась вся охрана.

М. П. Девятаев:

«Мы уже готовы были вытащить последнюю горсть земли, чтобы вырваться на свободу. Но... перед рассветом завывли сирены воздушной тревоги. Это был удобный случай проследовать цепочкой по туннелю и выйти за колючку. Только, как донесли наши наблюдатели, эсэсовцы не попрятались в бомбоубежище, а оцепили лагерь. Слышался громкий лай собак. Побег пришлось отложить. А утром на работу нас не вывели. И вдруг голос:

— Комендант!

Все вздрогнули. Предчувствовали беду. Комендант приближался к нашему барaku. За ним следовало несколько офицеров и солдат. “Ищут подкоп”, — шепнул кто-то.

Комендант приказал вывести нас на площадь и раздеться. А охранники в баракe производили обыск. Ощупывали матрацы, снятую одежду. Мы стояли по команде “смирно”. Комендант и его помощник несколько раз прошлись вдоль обнаженной шеренги, ожидая результата обыска. Но в баракe ничего уличающего нас не нашли. Тогда один из эсэсовцев взял в руки длинный шест. Тонким концом ткнул его в землю, и земля провалилась. Подкоп был обнаружен».

Начались повальные обыски...

Пришли и в лазаретный барак, где жили Девятаев и Кривоногов. Участников подкопа определили по запаху канализационных стоков: оба, и Девятаев и Кривоногов, смыть с себя жижу не успели. Их вывели на плац и стали «отмывать» на холоде ледяной водой из брандспойта. Потом заперли в карцер. Девятаева била лихорадка — простыл от ледяного душа. Утром всех военнопленных построили на плацу. Вывели мокрых «беглецов», не просохших за ночь после брандспойтов.

Лагерфюрер зол и беспощаден. Он не спеша выбирает слова, переводчик в круглых очках, бывший армейский начфин, выкрикивает так, чтобы было слышно всем:

— Пойманных беглецов мы обычно вешаем перед тем баракom, откуда они сбежали. В этот раз мы будем их сжигать заживо. Преступники номер триста сорок один и номер триста сорок два отправляются в лагерь смерти Заксенхаузен, где будут сожжены в крематории.

Однако беглецов спасло чудо, точнее, немецкая практичность и педантичность. Накануне пришел приказ из ведомства Гиммлера «использовать заключенных с максимальной пользой для Рейха». Просто утопить или расстрелять это было теперь, на исходе войны, слишком расточительным. Девятаева и его соратников отправили в глубь Германии — в лагерь смерти Заксенхаузен, где из заключенных в прямом смысле выжимали все соки.

Глава вторая **ЗАКСЕНХАУЗЕН**

В Заксенхаузен их отправляли попутным порожним самолетом. Пленные-штрафники вповалку улеглись на полу грузового отсека. Девятаев пребывал в бреду и горячке. Похоже, у него началось воспаление легких. Кривоногов прикладывал к его пылающему лбу мокрую тряпку. Это единственное, чем он мог помочь другу. У входа в пилотскую кабину сидел автоматчик, держа автомат на коленях. Он курил, поглядывая на необычных «пассажиров». Девятаев смотрел на него с тихой ненавистью:

— Убрать бы, гада, я бы за штурвал сел... Через пару часов уже дома были бы.

Он пытался привстать, но Кривоногов всякий раз останавливал его:

— Миша, ты бредишь! Опомнись!

— «Мордвин» атакует! Прикрой меня!

— Он положит нас, пока мы до него доберемся!

— Лучше так, чем в печи!

Девятаев приподнимался, с трудом вставал и тут же падал. Тем временем самолет заложил резкий вираж и пошел на посадку. Захват не состоялся.

Прилетели...

У ада и рая блуждающая локация. Территория ада перемещается по всем континентам и может возникнуть в любой точке планеты.

Разве Содом и Гоморра, испепеленные гневом Господним, не были земным адом? Разве не разверзлись недра ада в гигантской промзоне Мариуполя в 2022 году?

Разве Брестская крепость в июне 1941 года не стала адом для обожженных, израненных защитников? Разве сгорать заживо с распоротым животом не адская пытка?

А райские места — они тоже возникают как оазисы благоденствия то тут, то там... Оба этих полюса могут возникать в любой момент и в любой точке планеты, будучи притом явлениями вневременными и внепространственными.

Так и летом 1936 года ад на Земле возник в ничем не примечательном германском городке Ораниенбурге. Лагерь Заксенхаузен был создан ведомством Гимmlера в июле 1936 года, в те дни, когда мир проводил очередные Олимпийские игры под Берлином. Есть ли некая связь между событиями? Наверное. Олимпишендорф и Заксенхаузен — две стороны одной медали, отчеканенной в Третьем рейхе. И обе они — напоказ: Германия следует олимпийским идеалам, Германия следует имперским законам. Ведь поначалу здесь «концентрировали» уголовных преступников, гомосексуалистов, а затем и объявленных вне закона коммунистов, политических диссидентов и всех прочих неугодных режиму лиц.

Территория лагеря имела форму большого треугольника. По всему периметру были установлены 19 вышек для наблюдения. Центральные ворота были увенчаны издевательским транспарантом: «Arbeit macht frei» («Труд освобождает»).

Число узников в разные годы доходило до шестидесяти тысяч человек. На территории лагеря различным образом погибли свыше ста тысяч человек.

В этом аду была и своя преисподняя — лагерная Т-образная тюрьма Целленбау. В ее восьмидесяти одиночных камерах содержались особо опасные заключенные. Среди них были первый командир польской Армии Крайовой генерал Стефан Грот-Ровецкий, расстрелян-

ный здесь же после начала Варшавского восстания, руководители украинского националистического движения, такие как Степан Бандера, Тарас Бульба-Боровец и другие. Некоторые из них были востребованы гестапо, и их выпустили на свободу в критическом для Третьего рейха 1944 году.

Заключенным этой элитной тюрьмы был также пастор Нимёллер. В ней содержались и другие лица духовного сана (всего около шестисот человек), государственные и видные политические деятели, высшие военные чины, а также деятели рабочего движения из Польши, Франции, Нидерландов, Венгрии, СССР, Чехословакии, Люксембурга и Германии. Среди именитых заключенных были также старший сын Иосифа Сталина Яков Джугашвили; предпоследний премьер-министр Франции Поль Рейно; жена и дети наследного принца Баварии; Франсиско Ларго Кабальеро — премьер-министр Второй Испанской Республики во время гражданской войны в Испании...

В Заксенхаузене среди прочих содержались гомосексуалисты. На своих полосатых робах они носили розовый винкель (треугольную нашивку). До 1934 года с ними особо не церемонились, по разным причинам погибли около шестисот носителей позорного знака. Но с 1943 года администрация лагеря несколько ослабила режим для геев, и они стали работать в основном в лагерьном госпитале в качестве медперсонала, санитарями, сиделками...

Свою мрачную славу Заксенхаузен снискал такими новшествами, как трасса для испытания обуви, на которой узники разношивали новые хромовые сапоги, предназначенные для офицеров. В конце войны это изнурительное истязание гестаповцы ужесточили еще больше: мало того что обувь выдавалась на размер меньше, так еще надо было нести на спине мешки с кирпичами или землей весом в полтора пуда. Заключенные выдерживали не больше месяца, так как ноги опухали и были стерты до крови.

Еще более страшным местом в Заксенхаузен была станция «Z» — здание за территорией лагеря, в котором

совершались массовые убийства. Там находился специальный полуавтомат для выстрелов в затылок. А в подвале действовал крематорий с четырьмя печами, к которому позже была пристроена газовая камера.

Под стать этому заведению был «Тир» — полигон для упражнений в стрельбе по живым мишеням, то есть людям. «Тир» был огорожен земляным валом, посреди стрельбища стояла виселица особого устройства: жертву не вздергивали, а только приподнимали за голову, ноги же закрепляли в ящике с песком, после чего начиналась «учебная» стрельба. Узник погибал не сразу, а после множества ранений. С немецкой предусмотрительностью при «Тире» действовал собственный морг.

А в специальном больничном бараке ставились эксперименты над людьми. Потом из частей их тела готовили наглядные пособия и отправляли их в медицинские учебные заведения Третьего рейха.

Не перечислить тех ужасов и мерзостей, которые подстерегали летчика Девятаева в Заксенхаузене.

Заксенхаузен располагался к северу от Берлина, в городе Ораниенбурге, и был пилотным проектом немецких концентрационных лагерей. Это уже потом, с учетом заксенхаузенского опыта, один за другим появятся и Бухенвальд под Веймаром, и женский лагерь Равенсбрюк под Фюрстенбергом, и Аушвиц (Освенцим) в Польше, и многие другие филиалы главного земного ада. Строго говоря, самым первым концлагерем фашистской Германии был Дахау, построенный в 1933 году. Но Заксенхаузен играл роль столицы гиммлеровского лагерного «архипелага». На его территории находилось центральное управление концлагерей всего Третьего рейха. Кроме того, здесь располагался учебный центр эсэсовцев, откуда выпускались «первоклассные» охранники и надзиратели.

Несмотря на свирепые порядки, в Заксенхаузене существовал подпольный комитет сопротивления, который возглавлял советский военнопленный — генерал-майор Александр Семенович Зотов. Именно он руководил разветвленной, хорошо законспирированной лагерной организацией, которую гестапо раскрыть не

удалось. По счастью, ему удалось пережить плен и вернуться домой в прежнем звании.

Под конец войны фашисты приговорили к смерти всех узников Заксенхаузена. Свыше тридцати тысяч человек должны были совершить «марш смерти». Предполагалось построить их в колонны по пятьсот человек и отвести на берег Балтийского моря, а там погрузить на баржи, вывезти в открытое море и затопить. Тех, кто обессилел и не мог двигаться к морю, расстреливали в придорожных лесах. Так, в лесу у города Белова в Мекленбурге было расстреляно несколько сотен узников. Однако полностью осуществить это злодеяние немцам не удалось: в начале победного мая 1945 года советские войска успели перехватить колонны смертников и освободить их на марше. Сам же лагерь был освобожден несколько раньше — 22 апреля 1945 года, но продолжал действовать как спецлагерь № 7 НКВД СССР. Теперь здесь содержались пленные солдаты и офицеры вермахта, отпетые нацисты, эсэсовцы. Там же работала и филтрационная комиссия, которая проверяла бывших военнопленных — не сотрудничали ли они с гитлеровцами.

Было раннее утро, когда всех новоприбывших — оборванных, босых, избитых до полусмерти — поставили у ворот лагеря как на молитву: без головных уборов, по стойке смирно. Стояли битых пять часов, не меняя положения. Еле держались на ногах, но стояли... Упадешь — погибнешь.

Зловещий пейзаж угнетал не меньше стояния на плацу: куда не взглянешь — лишь бесконечные бараки, бараки, бараки... Справа, за каменной стеной, высилась четырехгранная краснокирпичная труба крематория. Из нее валил густой черный дым, закрывавший даже солнце. Удушливый смрад горелого мяса перехватывал дыхание. А тут еще переводчик отпустил замогильную шутку: — Отсюда не уходят, отсюда вылетают через трубу!

Он указал рукой на крематорий и громко захохотал. Переводчик был прав. Их привезли в центральный политический экспериментальный концентрационный лагерь смерти, находившийся под непосредственным

руководством главаря СС Генриха Гиммлера. Здесь избивались и испытывались на заключенных самые дьявольские способы умерщвления людей, а затем распространялись по всем другим лагерям. Здесь постоянно находилось 40—50 тысяч узников. Одних уничтожали, других привозили. Все было приспособлено для постоянного истязания и массового истребления заключенных. Довольно того, что из двухсот тысяч человек, прошедших через ворота Заксенхаузена, уничтожено и сожжено в крематории 100 тысяч. Каждый второй был убит. Эшелоны обреченных поступали в лагерь ежедневно и назад уже не возвращались. Часто узников даже не заводили на территорию лагеря, а прямо из вагонов гнали в крематорий... Партиями по несколько сотен человек загоняли в специально оборудованный тир для массовых расстрелов и там открывали кинжальный огонь из пулемета. Других заводили в помещение крематория, приказывали раздеться и идти мыться в душевой зал. Затем дверь герметически закрывали и вместо воды пускали ядовитый газ. Несчастные умирали в страшных муках. Кроме того, функционировали два газовых автомобиля-«душегубки» с передвижными крематориями при них, стационарная и передвижная виселицы с блоковыми механизмами. Постоянно производились отравления заключенных ядами, которые давались в пищу и вливались в вены. На людях испытывались новые медицинские препараты, боевые отравляющие вещества, бризантные гранаты и многое другое. Для этих «опытов» при санчасти была оборудована специальная комната.

В конце 1941 года сюда привезли 18 тысяч советских военнопленных. Их расстреливали из пулеметов во дворе крематория партиями — под звуки громогласной радиолы. Через несколько дней все до одного были уничтожены.

Каждое воскресенье пленных выстраивали на плацу перед комендатурой, отбирали полторы-две тысячи узников, потерявших трудоспособность, якобы для отправки в другой лагерь на лечение. Подъезжали «душегубки» и перевозили их в крематорий. Попасть на такой «транспорт» мог каждый заключенный. Людей исполь-

зовали на самых тяжелых работах, содержали на голодном пайке, поэтому они быстро выбивались из сил и в прямом смысле слова «улетали в трубу», в трубу крематория... В такой ад попал Девятаев и его товарищи...

М. П. Девятаев:

«Во второй половине дня из комендатуры вышел невысокий эсэсовец с фельдфебельскими нашивками на воротнике, с черепами и скрещенными костями на пилотке и на груди. На его тупом перекошенном лице выражалась звериная ненависть ко всему живому. От него несло смертью. Маленькие, налитые звериной злобой водянистые глаза под широкими, почти сросшимися на переносице бровями. Нет, это был не человек, а что-то среднее между тигром и орангутангом. “Этот и отца родного не пощадит”, — подумал я и тут же убедился, что не ошибся... Пронизав нас насквозь холодным, не сулившим ничего доброго взглядом, он что-то гаркнул, взвизгнул и, выхватив из-за пояса нагайку, начал пороть нас — всех подряд: бил по чему попало. Затем переводчик приказал заключенным следовать за ним в баню. Баня была метрах в трехстах от ворот, и, пока мы шли, этот «орангутанг» сопровождал нас, и плетью его гуляла по нашим спинам.

В бане среди обслуживающего персонала из заключенных оказался русский парикмахер. Когда “орангутанг” вышел в соседнюю комнату, парикмахер спросил у меня:

— Я видел в окно, как этот изверг бил тебя... Чем ты ему не понравился?

— Понятия не имею, — пожал я плечами и в свою очередь поинтересовался: — А кто он такой?

Парикмахер покачал головой:

— О, это самый страшный зверь здесь! Рапортфюрер Зорге.

— А что это такое — рапортфюрер?

— Через его руки проходят все присланные новички. Он же приводит в исполнение смертные приговоры, сам расстреливает десятки людей ежедневно. Вид и запах крови для него — высшее наслаждение. В общем, садист.

Парикмахер бросил взгляд по сторонам и, работая бритвой, нагнулся и шепнул мне на ухо:

— Доберемся скоро и до него... Я сам вот этой бритвой горло ему перережу за все его злодеяния.

— Если он нас раньше не прикончит, — заметил я.

— Не мы, так другие сделают это. Всех не перестреляет. А ты, дружище, за что попал? — спросил он и посмотрел в мою карточку. Увидев причину моего направления в концлагерь, он вздохнул, покачал головой. — Понятно... Организация побега и саботаж. За это — крематорий. Точно...

Хоть я и знал, что меня ожидает, от этих слов мне стало не по себе, точно ушат ледяной воды вылили мне на голову.

— Не робей, браток, выручим из беды, — сочувственно сказал парикмахер. — Только выполняй все, что скажу.

Он взял у меня бирку с номером, вышел куда-то и через минуту вернулся и протянул мне бирку с новым номером:

— Вот возьми... Забудь пока свою собственную фамилию. Теперь будешь Никитенко. Школьный учитель. Карточку я тоже подменил...

— Бирка-то чья? — забеспокоился я.

— Только что умер один человек. Пусть думают, что это ты...

Я молча кивнул: это было мое спасение. В это время зашел “орангутанг”-рапортфюрер, и парикмахер разом преобразился. Он яростно схватил меня за ворот, вытащил из кресла и швырнул к двери душевой комнаты, крича: “Быстрее! Следующий!” Рапортфюрер похлопал парикмахера по плечу, расхохотался:

— Зо! Зо! Гут!.. (Так! Так! Хорошо!)

Извергу понравилось, что русский русского так толкнул. Но я-то понимал, что парикмахер сделал это не по злобе, а потому, что ему надо было маскироваться, чтобы спасти людям жизнь».

Позднее Девятаев узнал, что парикмахером был советский офицер-танкист. Он спас жизнь не одному обреченному. Жаль, фамилия его так и осталась неизвестной...

Фортуна она и в лагере фортуна. Сначала она предстала перед Девятаевым в образе лагерного парикмахера. И это было первое звено в цепи последующих удач. Второй удачей было то, что школьного учителя Никитенко включили в команду наиболее крепких заключенных, которая направлялась обслуживать какой-то аэродром. Летчика Девятаева никогда бы туда не отправили, а вот Никитенко, школьный учитель с Украины, никого не насторожил. Всю команду численностью в семь десятков человек загнали в один вагон, и тот покатил в сторону Балтийского моря, на остров Узедом, в лагерь «Карлсхаген-1», неподалеку от бывшей рыбацкой деревушки Пенемюнде...

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ВЗЛЕТ С КРОМКИ БЕЗДНЫ

Глава первая

ДЮНЫ В ТУМАНЕ...

Меньше всего этот остров был приспособлен для взлета самолетов: болотистый, лесистый, в дюнах, моренах, в наносных почвах между озерцами и, как все острова на Балтике, подверженный туманам и штормовым непогодам. Остров Узедом. Никто из немцев так и не смог истолковать его название. Ссылались на поляков, которые называют этот второй по величине остров в Германии — Уznam. Дело, конечно, не в названии. Просто здравомыслящему человеку в голову не придет размещать здесь летное поле, устраивать взлетные полосы и стартовые площадки. Наверное, в этом был некий расчет, когда инженеры третьего рейха выбирали место для будущего аэродрома. Мол, кто из врагов будет искать в этой гиблой глухомани самолеты и ракеты. Так или иначе, но расчет этот оправдался. Ни одна из разведок антигитлеровского блока так и не догадалась, где воители рейха куют свое легендарное сверхоружие, которое враз отбросит от границ Германии подступивших к ней русских и англосаксов. Более того, приведет к коренному перелому в затянувшейся войне в пользу Германии. Много надежд, и каких надежд — имперских, глобальных и даже космических! — было связано с этим плоским унылым клочком суши в Балтийском море... Но все они враз и надолго, практически навсегда были похоронены парнем из замечательного мордовского городка Торбеево...

Крах радужных и вполне обоснованных планов фюрера и его приспешников произойдет в феврале

1945 года. А до этого, десятью годами раньше — в пред рождественские дни 1935 года — будет сделан выбор секретной территории для секретных разработок. Именно тогда на Узедом, где размещались несколько старых морских курортов, приехал в несезонное время рослый шеголеватый майор ВВС Вальтер Дорнбергер. Приехал не один, а с целой группой инженеров авиационного профиля. Они с трудом пробились на вездеходах в пустынную и почти непроходимую северо-западную оконечность острова, и все, как один, одобрили это место для небывалого строительства — ракетодома и завода по производству баллистических ракет стратегического назначения.

Уже в следующем году по соседству с рыбацкой деревушкой Пенемюнде началась грандиозная стройка. В течение следующих трех лет среди сосен и дюн Узедома вырос колоссальный экспериментальный ракетный центр, существование которого поразительно долго удавалось скрывать от воюющего мира.

Наиболее впечатляющим сооружением центра было огромное здание F-1 (Fertigungshalle 1), предназначенное для конвейерной сборки баллистических ракет дальнего действия. Длина его пролета составляла 96 метров, причем внутри залов не было опорных конструкций, поскольку они помешали бы работам. Изначально предполагалось, что в них будут трудиться квалифицированные специалисты, но таких задействовали на производствах, более важных для фронта, поэтому один из подвалов F-1 переоборудовали в помещение для содержания заключенных, и в июле 1943 года 500 человек привезли туда из концлагерей Бухенвальд, Заксенхаузен и Равенсбрюк.

С этого времени система принудительного труда в Пенемюнде быстро расширялась. Были организованы лагеря, получившие названия по ближайшим поселкам: Карлсхаген-1 и 2 (Karlshagen I und II), Трассенхайде (Trassenheide) и Вольгаст (Wolgast).

Здесь создавалось не имеющее аналогов «оружие возмездия» — Фау-2, благодаря которому Гитлер рассчитывал выиграть Вторую мировую войну. По иронии судьбы, «чудо-оружие» лишь ускорило крах нацистов.

Судьба даровала мне знакомство с удивительным человеком, чье имя долгое время было строго засекречено, — одним из ближайших соратников Сергея Павловича Королева академиком Борисом Евсеевичем Чертоком.

«В Пенемюнде я прилетел 1 июня. Тогда я еще не осознавал, что еду на то географическое место на берегу Балтийского моря, которому в истории суждено быть стартовой площадкой для начала великой ракетной гонки XX века. В эту гонку будут втянуты десятки народов всех континентов, и к концу века почти все армии мира в том или ином виде обзаведутся ракетным оружием», — писал он в своих мемуарах «Ракеты и люди».

Ракетная гонка СССР и США действительно началась в северо-западной части Узедома, на бывшем немецком полигоне Пенемюнде, ставшем местом, где родились первые в истории планеты баллистические ракеты дальнего действия. «Здесь они разрабатывались, производились и испытывались, — вспоминал Б. Е. Черток. — Здесь же была сформирована и инженерно-конструкторская команда Вернера фон Брауна, чьи сотрудники были разделены между Советским Союзом и Соединенными Штатами после окончания Второй мировой войны».

Историческая справка

Вальтер Дорнбергер (1895—1980) в 1937—1945 годах руководил ракетным исследовательским центром в Пенемюнде. Здесь при техническом руководстве Вернера фон Брауна была создана ракета Фау-2. С ноября 1944 года курировал создание ракеты Фау-3.

В 1945 году вместе с Вернером фон Брауном и своей ракетной группой Дорнбергер сдался в плен американцам. После войны, отбыв наказание за военные преступления, работал научным консультантом американской ракетно-космической фирмы «Белл Эйркрафт».

Дорнбергеру принадлежат слова: «Ни одно частное лицо или государственное учреждение не могло позволить себе трату миллионов марок на создание больших ракет, если это ограничивалось бы исключительно ин-

тересами чистой науки. Перед нами человечеством, согласным на любые затраты, была поставлена задача решить великую цель и сделать в этом отношении первый практический шаг. И мы открыли дверь в будущее...»

Рядом с засекреченным ракетным центром Пенемюнде, где производились и испытывались новейшие ракеты Фау, находились одноименная авиабаза с аэродромом и два лагеря — «Карлсхаген-1» и «Карлсхаген-2». В первом содержались отобранные по всем немецким концлагерям высококлассные специалисты; именно они занимались производством ракетных узлов в сборочных цехах завода. «Спецов» кормили намного лучше, чем остальных узников, да и лагерный режим у них был полегче.

«Карлсхаген-2» принадлежал люфтваффе, его узники использовались для трудоемких аэродромных работ. Девятаев и его товарищи жили в бараках именно этого лагеря. Условия жизни здесь тоже оставляли желать лучшего, однако местное начальство не считало узников «расходным материалом», который можно и нужно использовать в различных изуверских экспериментах. И это уже было благо. К тому же охрану здесь несли не лютые эсэсовцы, а резервисты, непригодные для передовой по здоровью, и были они довольно покладистые дяди.

Из-за болотистой почвы бараки в лагере стояли на сваях, однако там все равно было очень сыро. Еды, даже плохого качества, выдавали мало, и заключенные голодали. Из тысячи двухсот душ, которых вмещал лагерь в конце 1944 года, из-за невыносимых условий и наказаний умерли 248 человек.

Помимо всего прочего жить на Узедоме, в Пенемюнде, было просто опасно из-за периодических бомбардировок авиацией союзников. Британцы знали, откуда летят ракеты на Лондон, и потом бомбили Узедом нещадно. Бомбили по площадям, поскольку точное местоположение хорошо замаскированного ракетодрома было им неизвестно. Один из узников тех страшных мест, военнопленный из лагеря Вольгаст Петр Дроздов, вспоминал:

«Утром, сразу после проверки, всех вывезли за город, погрузили в большие грузовики и повезли на остров Узедом. Только к двум часам дня мы пришли к месту работ. По дороге видели результаты воздушной атаки, целые поселки были полностью уничтожены, на дорогах во многих местах огромные воронки, железная дорога, вдоль которой мы шли, была выведена из строя на многие недели, в нескольких местах, прямо на обочине, были сложены трупы, покрытые брезентом, ожидающие погребения или вывоза. Было прямое попадание бомбы в общежитие ремесленной школы, там погибли больше семидесяти мальчиков, мы видели их трупы.

Нашей команде повезло с работой, но двум другим пришлось участвовать в разборке совершенно разрушенных зданий, где в момент воздушной атаки по каким-то причинам оставалось много работающих людей. Вытаскивали из-под развалин трупы, а часто только части тел погибших, складывали в клеенчатые мешки, даже не имея уверенности, что все, что они вкладывали в мешок, принадлежало одному и тому же погибшему. Наши пленные, попавшие на работу, до предела устали и измучились не столько физически, сколько психологически. Многие даже отказались от еды, а, помывшись, сразу ушли в барак спать».

Эту мрачную картину дополняет и Михаил Девятаев:

«Остров, покрытый лесом и болотами, был отрезан от суши широким проливом Балтийского моря. Серое осеннее небо сливалось с бескрайней водяной пустыней, которой, казалось, нет ни конца, ни края. Шел мокрый снег, дул промозглый морской ветер. Нас привели в лагерь, состоявший из шести бараков, обнесенный многорядным забором из колючей проволоки. Здесь содержалось три тысячи заключенных, которых немцы использовали на разных тяжелых работах.

В разговорах со “старожилами” лагеря я получил самые неутешительные сведения об условиях жизни и обращении с заключенными. Лучшего, конечно, я и не ждал. Но была и хорошая новость: на острове есть военный аэродром! Из лагеря туда ежедневно гоняют на разные работы команду из заключенных в 45 человек.

Каждое утро эсэсовцы насильно подбирают людей в эту команду, потому что все избегают ее. Труд там каторжный, целый день на ветру, дующем с моря, да еще на голодный желудок. Из этого я заключил, что попасть туда будет не так уж трудно.

На другой день меня, точно по заказу, взяли в аэродромную команду. На аэродроме мы разгружали цемент, подвозили песок, засыпали воронки после бомбежки, бетонировали взлетные дорожки. Руки и ноги коченели от холода, свирепый ветер с моря, будто заключив союз с фашистами, изматывал наши силы, выдувая из наших тел последнее тепло. Чтобы хоть немного защититься от холода, мы надевали на себя под лохмотья бумажные мешки из-под цемента. За это нас лупили палками, грозили суровым наказанием. Но теперь я не роптал на свою судьбу, потому что видел перед собой цель, достижение которой окупит все страдания».

Глава вторая **УГНАТЬ САМОЛЕТ!**

«Как родилась идея угнать самолет? — усмехался Девятаев моему вопросу. — Да никак она и не рождалась. Она жила со мной всегда. Сначала как заветная мечта. Мечта маловероятная. Поэты в таких случаях говорят — грезы... Вот у цыгана всегда в крови — угнать коня. Вот так и у меня — в крови это жило... Я же летчик, а вокруг самолеты... Стал присматриваться к окружающим, прислушиваться к их разговорам и убедился, что народ здесь замечательный, готовый горы свернуть. У всех на уме было одно: как вырваться из фашистского ада? Значит, можно было начинать подготовку к захвату вражеского самолета. Надо подобрать группу наиболее надежных, особо отважных, готовых на любой риск товарищей. А риск очень большой, поплатиться можно не чем-нибудь, а самым дорогим для человека — жизнью! Ведь захватывать самолет и улетать придется среди бела дня и буквально на глазах у врага. Это не в родном полку... Я невольно вспомнил своего командира эскадрильи —

Владимира Ивановича Боброва. Он всегда ободрял в тяжелую минуту, радовался успехам подчиненного. О, как бы дороги были его советы в эти минуты! Что он делает теперь?»

Как ни скрывали от заключенных правду о положении на фронтах, все же узники Узедома знали, что Советская армия ведет победоносные бои, и ведет их уже на вражеской территории. Это придавало им силы. Тем более это было важно знать Девятаеву: где именно проходит линия фронта? Куда лететь? Ведь у него не было никаких карт, даже самой примитивной — школьной географической карты, устроила бы и контурная, но не было и контурной. Оставалось уповать только на летную интуицию да на сердце, которое как компас покажет дорогу...

О том, что Восточный фронт немцев рушится, можно было судить по следам сокрушительных ударов советской авиации по аэродрому.

— Хорошо поработали наши ребята! — обычно говорили заключенные после каждого налета. Только сожалели, что ни одна бомба не нарушила ограждения лагеря.

В первых числах января 1945 года советская бомбардировочная авиация во время ночного налета разбомбила два ангара, вывела из строя взлетно-рулежные дорожки и сожгла 12 немецких самолетов. Это очень обрадовало всех заключенных, вселило уверенность в скором освобождении.

Охранники поспешно собрали из пленных специальную рабочую бригаду для устранения последствий этого налета. Но налеты повторялись все чаще, так что спецбригада уже не успевала засыпать бомбовые воронки и заливать их бетоном. Да никто особо и не спешил с этим делом. Обломки немецких самолетов, тягачей, руины ангаров радовали глаз...

Однажды во время выгрузки цемента на железной дороге Девятаев увидел, как один военнопленный сыпал песок в бунксы вагонов. Заметив, что за ним наблюдают, он скрылся, но Михаилу удалось запомнить его веснушчатое лицо и шрам на носу.

М. П. Девятаев:

«Я понял, что этот человек способен на любой риск, что его необходимо привлечь к осуществлению моего плана побега. Два дня я искал его, а он скрывался, видя, что я его преследую. Наконец, он чуть не зарезал меня, приняв за фашистского сыщика. Только через некоторое время он убедился, что я свой человек, и мы стали с ним друзьями.

Это был Володя Соколов. В лагере его звали просто Курносый. В плен Володя попал в начале Отечественной войны, прошел через многие тюрьмы и лагеря, был удивительно находчив и изворотлив. Владея немецким языком, он даже вошел в доверие к немцам и был назначен помощником “капо” (бригадира), что давало ему возможность облегчать участь товарищей.

До случая с песком я серьезно остерегался с ним разговаривать, брезгливо сторонился, думая, что он фашистский прислужник, но глубоко ошибся. На самом деле Курносый был советским патриотом, питавшим ненависть к фашистам. Один эсэсовец до смерти замучил военнопленного. Узнав об этом, Курносый изменился в лице и, скрипнув зубами, сказал:

— Этому извергу дорого обойдется кровь наших людей! Я ему, гаду, устрою...

Видел я и то, как однажды Курносый отдал свою порцию супа обессилевшему поляку. Все это заставило меня изменить о Курносом свое мнение.

...В лагерях я был невольным свидетелем того, как издевались эсэсовцы над советскими мальчиками-подростками. С содроганием в сердце смотрел я на их отошавшие ручонки и ножки. Чистые глазенки детей были грустными, печаль съедала детство маленьких невольников.

Я познакомился с Колей Урбановичем в нашей планирен-команде. Разравнивая на земле бетонный раствор, он ставил свою лопату рядом с моей, ему было тяжело. Изнуренное бледное личико, слабые детские плечи, тоненькая шея, мокрая от дождя спина. Бригадир нашей команды за что-то взъелся на Колю Урбановича. Он приказал мальчику таскать рельсы, чтобы

проложить колею, по которой ходили вагонетки. Я помог Коле выполнить эту работу. Во время обеда Коля заговорил о себе.

Жил он в селе под Бобруйском. Пришли оккупанты, провели облаву, схватили ребят, посадили в товарные вагоны и привезли в Германию.

— Со мной была моя сестра, — рассказывал Коля. — Попали мы к бауэру, работали в поле. Было очень тяжело, и мы решили бежать. Бросили лопаты и ушли в лес. Шли долго, ели сырую картошку, лесные ягоды. А когда выпал снег, забрались в сарай, там нашли консервы, какие-то комнатные дорожки, взяли все это и еще несколько дней прожили в лесу. Нас выследили полицейские. Били за попытку бежать, допрашивали и возвратили к тому же бауэру. Мы снова убежали, нас опять поймали и теперь уже отправили в концлагерь. А в сорок третьем перевезли меня сюда. Я остался один, без сестры, без товарищей... Тут был сплошной лес, мы строили бараки. И дом для комендатуры. Нас было здесь тысячи три советских ребят. Вымерли почти все.

Но вот появился бригадир, мы прервали беседу и приступили к работе. Когда я оказался совсем рядом с Колей, он наклонился ко мне и тихо сказал:

— Я вам открою одну тайну: мы хотим бежать с острова.

— Кто?

— Я и еще кое-кто из взрослых...

— Как думаете бежать? — спросил я Колю Урбановича, внимательно наблюдая за окружающей нас обстановкой.

— На лодке... Когда бомбят остров и гасят свет.

В это время к нам приближался какой-то человек, и мы разошлись. До конца работы Коля не подходил ко мне. Он, наверное, очень переживал, что рассказал мне самую большую и важную тайну. Лишь после ужина, в свободное для заключенных время, он неожиданно забежал ко мне. В руках Коля держал старые долбленки. Мне все стало ясно. Мы вышли во двор, начали ходить между деревьями.

— Ну, рассказывай, как вы хотите бежать? — спросил я.

Коля огляделся, шмыгнул носом:

— Я о воде ничего не знаю, это Володька.

— Какой Володька?

— Да тот, курносый. Нос у него перебит. В Бухенвальде его эсэсовцы били.

Это было для меня ново. Знакомый мне курносый паренек, оказывается, не только насыпает в буксы вагонов песок, но и имеет влияние на людей. Однако Володька и Владимир — это люди разные.

Знает ли курносого паренька Володька Зарудный? Он ведь тепло отзывался об Урбановиче. Я остановился. Мальчик дернул меня за рукав:

— Почему вы остановились? Стоять нельзя!

— Море! Слышишь, как бушует море?

— Слышу, — грустно ответил паренек.

— По морю на лодке не уплывешь, — пояснил я.

— Я знаю. Лодку с нашими силами не поведешь далеко.

— Вот-вот, Коля, — согласился я с ним, тем самым намекнув на наивность побега на лодке.

Однако Володя не согласился со мной и сказал:

— Об этом подробно мы еще не говорили. Сначала порежем проволоку.

— Чем же вы будете ее резать?

— Володька достал ножницы и резиновые рукавицы. Среди нас есть один с Волги, он переплывал ее от берега до берега.

— Это все хорошо на словах. А знаешь ли ты, в какой стороне твоя родина — Украина?

— Вон в той! — Коля показал рукой на запад.

— Там Франция, Коля, — сказал я ему и заметил, как он смутился. Но ничего мне не ответил.

Мы приближались к морю, волны били о берег еще грознее. Коля молчал, часто шмыгал простуженным носом.

— Кто же этот волгарь? — спросил я.

— Корж его фамилия, — посмотрев вокруг, тихо ответил Коля.

— Ты сообщишь товарищам, что завербовал меня?

— Сообщу, если согласны с нашим планом, — уточнил Коля Урбанович.

— Не возражаю, доложи им о нашей беседе. А Коржа Ивана я видел: низенький такой?.. — показал я рукой.

— Он, — утвердительно сказал Коля.

Идея побега не покидала меня все время. Я был уверен в нереальности плана побега по морю, понимал, что «заговор» этих смелых людей обречен на неудачу. Но с Колей говорить об этом не считал нужным. Я думал о том, что если курносый, их организатор, серьезно отнесется к согласию, которое я дал Урбановичу, значит, будет искать свидания со мной, и тогда я откровенно скажу ему, что думаю, как расцениваю их план. Никто, конечно, не мог согласиться участвовать в подобном побеге. На острове располагались большие пограничные заставы. На воде имелись соответствующие посты. Ну предположим, что гребцам удастся как-то обойти их. Сколько же километров они могут покрыть за ночь, чтобы утром их не обнаружили наблюдатели? А если начнется шторм?.. Обо всем этом я не стал говорить Коле Урбановичу, а при встрече с Коржом скажу.

Свой побег, о котором непрерывно думал, я намеревался осуществить только самолетом, если представится возможность захватить его на аэродроме. Вокруг идеи похищения самолета я и должен объединить нескольких людей, чтобы с их помощью претворить ее в жизнь.

То ли Коля Урбанович не совсем точно передал своим товарищам о том, как мы познакомились, то ли его вожаки так настороженно относились к каждому, кто давал согласие действовать с ними, или, может, мои взгляды, которые я обращал на того, кто был рядом с Урбановичем, а может, все, вместе взятое, вызвало у заговорщиков неожиданную для меня реакцию. Люди, намеревавшиеся бежать морем, услышав через Колю осуждение своей идеи, очевидно, отнеслись ко мне крайне недоверчиво. Наверное, досталось и Коле за то, что он выболтал тайну».

Однажды Девятаеву удалось поговорить с Володи Соколовым по душам... И он под строгим секретом рассказал, что группа его товарищей готовит побег. Совершить его они думают в момент налета советской авиа-

ции, когда охранникам будет не до пленных. По его словам, возглавлял эту подготовку некий Иван Корж. Девятаева это очень заинтересовало и обрадовало. Выходило, что существует готовая сколоченная группа для побега, остается только направить ее деятельность в нужное русло.

М. П. Девятаев:

«Но кто такой Корж? Надежный ли это человек? Обо всем этом я решил разузнать самым тщательным образом. После некоторого раздумья я сказал Володе Соколову, что есть возможность совершить побег на самолете.

— А летчик есть? — сразу просиял он.

— Есть среди нас летчик, — ответил я, — только об этом никому ни слова, а то, если узнают гитлеровцы, ему и всем нам несдобровать...

— Будь спокоен! — решительно заявил он.

Вскоре нас послали в рощу заготавливать дрова. Ко мне подошли пятеро заключенных. Один из них, очень худой, невысокого роста, с живыми горящими глазами, отозвал меня в сторонку и просто спросил:

— Укажи мне, кто здесь летчик? Я — Иван Корж. Хочу с ним поговорить.

Я решил сначала присмотреться к нему, убедиться, что не подведет, а потом уж обсуждать с ним план побега. Но весь вид Ивана Коржа был таким располагающим, этот человек вызывал такое доверие к себе, что уж при следующей встрече я признался:

— Летчик — я.

— Так бы и говорил, — улыбнулся Корж. — Это здорово! Свой летчик! Дело!..»

Корж был такой же Корж, как и Девятаев — Никитенко. Под чужой фамилией скрывался лейтенант-пограничник Иван Кривоногов. Позже он станет правой рукой Девятаева, его самым надежным помощником. Право, этот человек заслуживает того, чтобы рассказать о нем подробней.

Воевал Кривоногов недолго — две недели, но на его долю выпали весьма суровые испытания. Эти первые

дни он провел в железобетонной коробке дота. Дот — долговременная огневая точка — прикрывает бойца в первые часы сражения. Потом она становится каменной ловушкой. А в итоге, если дот не поддерживается полевыми войсками, и бетонной гробницей.

Доты — это своего рода бетонные корабли, погруженные в землю по самые амбразуры. У них даже собственные имена были: «Орел», «Быстрый», «Светлана», «Сокол», «Свободный»...

Но эти «бетонные корабли» оказались весьма недостроенными, можно только представить, каково воевать на кораблях, стоящих на стапелях. Экипажи не бросают свои корабли, гарнизоны дотов не бросали свои укрепления. Каждый из этих капониров был маленькой Брестской крепостью.

Немцы обстреливали доты из пушек, бомбили с самолетов, их штурмовали саперные эйнзатц-команды с огнеметами и взрывчаткой. Но гарнизоны держались до последнего патрона.

Вот одним таким «бетонным кораблем» успешно командовал и 24-летний лейтенант-пограничник Иван Кривоногов. Его дот входил в Перемышльский укрепрайон на реке Сан. Немецкие войска обошли укрепрайон, захватили с тыла город и ударили по дотам. Их должны были защищать специально подготовленные пулеметно-артиллерийские батальоны, но в реальности под бетонную «броню» ушли все, кто оказался поблизости. Так заместитель начальника погранзаставы Кривоногов стал комендантом дота. Гарнизон под его командование держался до последнего патрона аж до 3 июля. Армейские части отошли далеко на восток, а осажденный дот еще держал под обстрелом свой участок государственной границы. Стрельба из его амбразур заглохла только после прямых попаданий артиллерийских снарядов. Из пятнадцати бойцов гарнизона в живых оставалось только четверо раненых, полуоглушенных красноармейцев. Среди них оказался и Иван Кривоногов. Обычно пограничников немцы расстреливали сразу, считая их всех коммунистами. Но Ивану повезло. Отправили в лагерь...

Характером Иван был под стать Девятаеву — кремень, убежденный боец, справедливый воин. Он и в лагере продолжал оставаться лейтенантом-пограничником. Кривоногов не в первый раз готовился бежать из плена. Во время первой попытки он убил лагерного провокатора и даже перемахнул за периметр, но в последний момент был схвачен. После долгих истязаний и допросов немцы отправили его в концентрационный лагерь Найцвелер-Штутгоф под Страсбургом. Там его спасла неразбериха, связанная с переизбытком заключенных. Из Найцвелера Кривоногова перебросили на остров Узедом — в «Карлсхаген-2». Однако он и тут не успокоился, собрав вокруг себя группу единомышленников и начав подготовку нового побега. Так он подружился и с Владимиром Соколовым, с которым неизменно работал в паре на всех назначенных работах... Здесь же, на аэродроме, их бросили на опаснейшее дело: откапывать неразорвавшиеся бомбы, сброшенные союзниками на Пенемюнде... Работа наедине со смертью.

М. П. Девятаев:

«Заключенных гоняли засыпать бомбовые воронки, ремонтировать взлетные площадки, строить новые сооружения, рубить лес...

Однажды я обратил внимание, что некоторые заключенные одеваются теплее и на вид казались не такими изможденными. Среди них были и мои знакомые по Заксенхаузену. Заинтересовался. И когда мой сосед по нарам утром поддел под байковую куртку теплый и модный свитер, я спросил его, где он взял. Оказывается, он работал в “бомбен-команде”. Рабочих “бомбен-команды” увозили далеко за пределы лагеря, чтобы они там вытаскивали и обезвреживали невзорвавшиеся бомбы. Работа, конечно, очень рискованная. Но там можно было и пожить кое-чем.

Я тоже затесался в “бомбен-команду”. И вот машина нас везет по вязкой лесной дороге в неизвестном направлении. Здесь услышал, что наша команда — пятая по счету, четыре предыдущие взлетели в воздух.

Высадили нас возле руин. Было видно, что дома раз-

рушены недавно. Выдали кирки, лопаты, другие землеройные средства и под конвоем солдат и овчарок повели к объекту. Охранники показали, где находится невзорвавшаяся бомба, потом инструктировали, как вынимать взрыватель. Строго приказывали передавать все ценное, что будет найдено в разбомбленном доме. И мы поползли в пролом. Наша команда состояла исключительно из советских людей. Добравшись до объекта, кто-то шутя сказал:

— Это, друзья, наша территория. Сюда ни один эсэ-совец не подойдет. Без них хоть подышим вволю.

Работа действительно была необыкновенно опасная. Бомба прошла все этажи здания и застряла под полом нижнего. Ее надо вытащить и обезвредить. А это требует максимальной осторожности в каждом движении.

И здесь несколько дней работы не укрепили мое здоровье, а измотали нервную систему до предела. Каждую минуту ожидать, что тебя разнесет в клочья? Нет, так можно и свихнуться. А о побеге здесь нечего было и думать. Не пройти сквозь охрану».

Тем не менее мысли о побеге никогда не покидали его. Тем более что и команда, ватага, подбиралась своя, во многом благодаря деятельности Ивана Кривоногова.

А еще у Ивана был хороший голос, и он пел всякий раз, когда выпадал для того случай.

Пел он без музыки красивым чистым голосом, отбивая такт ногой. Пел скорее для себя, чем для других, но иной музыки в бараке не было, и все, кто был рядом, подсаживались к певцу поближе:

Крутится, вертится шар голубой,
Крутится, вертится над головой,
Крутится вертится, хочет упасть...

Девятаев очень хорошо представлял себе этот голубой шар. Конечно, это небо. И оно крутилось как голубой шар всякий раз, когда подбитый самолет падал... И тогда казалось, что само небо хочет упасть вместе с горящей машиной...

Иногда лагерный Карузо, как его прозвали слушатели, пел старинные романсы, и тогда происходило чудо:

расступались стены лагерных барачков, открывался простор воли, и каждый снова возвращался в прежнюю жизнь, становился пехотинцем, танкистом, артиллеристом, каждый вспоминал свой город и своих друзей, невест, жен...

Ямщик, не гони лошадей,
Мне некуда больше спешить,
Мне некого больше любить,
Ямщик, не гони лошадей.

И хотя каждому спешить было куда и было кого любить, но печаль этой старинной русской песни переполняла душу. И слова ее очень точно рисовали окружающую картину, выражали общее настроение:

Как грустно, туманно кругом,
Тосклив, безотраден мой путь,
А прошлое кажется сном,
Томит наблевшую грудь...

Как ни удивительно, но именно этот грустный романс вызывал яростное желание взорвать черный морок лагерного бытия, вырваться из него вместе с ямщиком тройки и помчаться с ним к родным пределам. А уж там было кого любить!

Фаина! Каково ей было ждать в полной неизвестности о судьбе мужа?! Дождется ли?

В плену Девятаев отпустил усы, чтобы выглядеть постарше и чтобы уменьшить площадь лица для изуверского бритья тупой бритвой. «Сбрею после плена, — обещал себе летчик, — а то Фая не узнает...»

Темень спящего барака. Вой сирены — это запуск очередной ракеты Фау-2. Всполохи работающего двигателя. Феерическое зрелище со зловещими всполохами огня. Чудовищный, сатанинский рев. Охранники отгоняют военнопленных от окон барака:

— Вэг! Энтфернт! Вэг риндер!

Никому нельзя смотреть. Но Девятаев успевает заметить, как в небо уходит огненное веретено. Рядом с ним курносый военнопленный в русском ватнике. Это Во-

лодя Соколов, старожил Пенемюнде. Он грозит кулаком взлетающему Фау:

— Чтоб тебе на Берлин упасть!

Его окликает голос сотоварища с нар:

— Соколов, ты довыступаешься! В карцер захотел?

Снова вой sireны. Военнопленных выгоняют на маскировку стартовой площадки. Неостывшую от ракетного пламени землю быстро маскируют фальшивыми елками, пеньками, застилают ковром искусственного дерна...

И так почти каждую ночь. Чем ближе к военной развязке, тем больше работы. Вернер фон Браун торопится. В Берлине ждут его победную реляцию — «оружие возмездия» создано! Впрочем, ждут не столько в Берлине, сколько в Вольфшанце — полевой ставке фюрера, она расположена не столь далеко от острова Узедом. Туда все чаще и чаще навевается генеральный конструктор проекта Вернер фон Браун. Все чаще и чаще предстают они вместе с главнокомандующим люфтваффе Герингом перед нервным и не очень здоровым вождем. Гитлер старается не смотреть на огромную настенную карту. На карте — Германия в плотном кольце фронтов. Рейхсмаршал Геринг делает доклад, придавая голосу оптимистические интонации:

— Мой фюрер, мы вплотную подошли к созданию «оружия возмездия». Взгляните на карту. У нас отобрали побережье Ла-Манша, но отсюда, с острова Узедом, наши ракеты смогут поражать не только Лондон, но и главную базу британского флота — Скапа-Флоу.

Геринг показывает трассы ракет на большой карте. Гитлер взволнованно прохаживается по кабинету.

— Как скоро вы сможете создать такие ракеты, — обращается он к Вернеру фон Брауну, — чтобы они могли долетать до Москвы?

— Мой фюрер, наши ракеты уже могут достигать района Ленинграда. Еще немного, и мы сможем бить с Узедома по Москве.

— Что значит «еще немного»? Вы инженер, человек точных наук, я хочу точного ответа.

— Дайте нам еще два месяца.

— Я могу дать вам и полгода. Но двух месяцев вам не дадут наши враги! Вы должны уложиться в месяц.

— Мы уложимся в месяц. Речь идет о запуске ракет не с земли, а с самолета, находящегося в воздухе. Тогда дальность полета ракеты существенно возрастает. И спецзаряд может быть сброшен на Москву.

— Мы уже создали такой самолет на базе бомбардировщика «Хейнкель-III». Он проходит испытания в Пенемюнде, — докладывает Геринг.

И снова на Узедоме воют ночные сирены. Натужный рев взлетающей махины — еще одна экспериментальная ракета прошивает атмосферу... И вдруг взрыв. Грохот! Землетрясение! Стены барака заходили ходуном, из потолочных щелей посыпался шлак-утеплитель.

Девятаев настороженно приподнимается на нарах:

— Бомбежка? Налет?

— Не... Это у них ракета гробанулась, — радостно отозвался Соколов.

Охранники поднимают барак и выгоняют пленных тушить пожар. Горят самолеты. Ракета рухнула именно на стоянку. Пленные забрасывают землей огромную воронку. Повсюду искореженные самолеты. Девятаев жадно вглядывается в приборную доску одного из них. Все надписи на немецком языке.

— Что тут написано? — спрашивает он Соколова.

— Тахометр правого двигателя.

— А тут?

— Дроссель...

Девятаев сбивает лопатой таблички с приборной доски. Прячет в карман.

С каждым днем становилось яснее, что этот клочок чужой земли — остров Узедом — станет последним прибежищем его, Михаила Девятаева, и сотен его солагерников. Если не полягут они под бомбами английских бомбардировщиков, немцы рано или поздно расстреляют всех как свидетелей их ракетного тайнства, как работников секретного полигона. Оставалось одно из двух: либо терпеливо ждать своего смертного часа, либо

бежать, несмотря на все опасные препоны. Впрочем, для Девятаева выбора не было — терпеливо ждать выстрела в затылок он не собирался. Решение было однозначное и непреклонное: бежать!

Поначалу он с надеждой поглядывал на морскую гладь, окружавшую остров со всех сторон, присматривался и к небольшой здешней гавани Пенемюнде, где иногда разгружались самоходные баржи и плашкоуты, доставлявшие на остров грузы, накрытые брезентом. Спрятаться бы под этим брезентом да и переправиться на Большую землю... Как-никак за плечами Девятаева была неплохая речная, считай, морская, подготовка, как-никак у него был диплом судоводителя, и он мог со знанием дела разработать план побега морем. Например, захватить в гавани какой-нибудь катер и под прикрытием ночи уйти к недалекому берегу. Но недалекий берег — это все та же клятая Германия, где местные рыбаки или крестьяне как законопослушные граждане Третьего рейха выдадут его при первой же возможности. Да и к катеру еще надо суметь подобраться...

Нет, воздушный путь привел бы его к своим вернее и быстрее. Выбор был сделан — захват самолета! Взлетел, а там два-три часа полета — и ты уже у своих!

От такой перспективы кружилась голова, но трезвая оценка всех «за» и «против» могла повергнуть в уныние. Во-первых, ему как летчику-истребителю надо было садиться за штурвал тяжелого и совершенно неизвестного ему бомбардировщика. В обычной жизни необходимое переучивание занимает не один месяц плюс практические полеты. А тут — сел и полетел?

Во-вторых, даже если удастся добраться до штурвала, то как разобраться с множеством приборов на панели? Ведь все таблички-шильдiki на немецком языке. Попробуй определи второпях, где тут альтиметр, а где курсоуказатель, а где тахометры и прочие «метры»?

В-третьих, чтобы подготовить тяжелый самолет к взлету и полету нужна умелая команда, которая быстро снимет стояночные стопоры, а необходимо еще доставить аккумулятор, проверить топливо, гидравлику... В-четвертых, на самолетах такого класса, как тот же

«Хейнкель-111», в состав экипажа обязательно входит штурман, который должен привести воздушный корабль к месту посадки, к посадочной полосе... Где попало, хоть бы и на крестьянское поле, на такой машине не сядешь.

Были и «в-пятых», и «в-шестых», и «в-седьмых», и прочие обстоятельства. Но сначала надо было решить «во-первых»: изучить, насколько это возможно, иностранную технику.

Думать приходилось о многом. Как, например, встретят самолет с фашистской свастикой советские зенитки и истребители? Собыют к черту. Ведь им неизвестно, что на нем летят свои, советские люди, вырвавшиеся из ада... Никому не улыбалось оказаться под огнем своих товарищей и стать жертвами недоразумения.

Изучив распорядок дня немцев на аэродроме, Девятаев решил, что самое лучшее время для захвата самолета — обеденный перерыв. Именно в это время у фашистов ослабевает бдительность и они оставляют свои рабочие места. Соколов метко заметил: «Если немец забил наполовину гвоздь, а в это время ударил звонок на обед, он бросает работу и уходит. Пообедает, а потом добьет этот гвоздь до конца».

Такая пунктуальность давала лишний шанс на успех.

Разбитые после налетов британской авиации самолеты стаскивали в дальний угол аэродрома — на свалку. Делали это рабочие команды из узников лагеря «Карлсхаген-1». Несколько раз Девятаеву удавалось попасть в состав таких команд. С жадным интересом заглядывал он в кабины разбитых «хейнкелей» и «юнкерсов», всматривался в расположение рычагов, рукояток, переключателей... Однажды удалось содрать с приборной доски несколько табличек, спрятал их в карман — знающие люди переведут на русский. Переводил Володя Соколов.

— Это «указатель высоты»... Это «авиагоризонт»... Это «напряжение бортовой сети»... «Стояночный тормоз».

Так по крупницам накапливались знания об устройстве приборной доски немецких самолетов, преимущественно бомбардировщиков, которых здесь было больше всего.

М. П. Девятаев:

«Летчику-бомбардировщику, конечно, легче было бы совершить полет на “Хейнкеле-111”. А я — истребитель. Правда, был знаком с конструкциями и особенностями пилотирования самолетов других типов, но лишь поверхностно. Только один раз за войну довелось мне совершить полет на бомбардировщике, и эта небольшая практика должна мне очень пригодиться теперь.

По ночам долго не смыкал глаз, припоминал, что еще нужно сделать для подготовки к полету. “Убедись, еще раз убедись, все ли в порядке” — эти слова инструктора авиаучилища ярко вспоминались теперь. “В авиации нет мелочей” — эту истину я и раньше знал по опыту. А в условиях такой необычной подготовки к полету, когда кругом враги, этих “мелочей” будет во сто крат больше, чем за все годы моей службы в авиации».

Историческая справка

«Хейнкель-111» — возможно, самый известный немецкий бомбардировщик Второй мировой войны. У него была характерная внешность, по которой можно было сразу его опознать: протяженное и широкое остекление кабины делало ее похожей на теплицу. Немцы его так и называли: Gewächshaus — «оранжерея». Но «оранжерейная» кабина давала летчикам хороший обзор в воздухе.

Пожалуй, Хе-111 был самым многочисленным бомбардировщиком в люфтваффе на ранних этапах войны, во всяком случае, одним из основных. Немецкие заводы выпускали и другие его модификации: и как штурмовика, и как торпедоносца. Всего было построено более 7600 «хейнкелей», что делает этот самолет вторым по массовости бомбардировщиком Германии во Второй мировой войне.

Как отмечают историки авиационной техники, «дела у него шли хорошо, пока он не столкнулся с серьезным сопротивлением истребителей во время Битвы за Британию, когда его оборонительное вооружение оказалось недостаточным. А ведь он использовался там в качестве стратегического бомбардировщика».

Универсальность этой машины напоминает везде-

сущность нашего скромного по всем параметрам У-2 (По-2). Над Арктическими морями и в Атлантике «хейнкели» играли роль морских торпедоносцев. На всех прочих фронтах — Восточном, Ближневосточном, Североафриканском — его можно было встретить в качестве среднего бомбардировщика или просто транспортника. Как и все удачные военные модели, «Хейнкель-111» пережил войну и выпускался в Испании под названием «CASA 2.111» аж до 1973 года.

Экипаж «Хейнкеля-111» состоял из пяти человек. Два мощных двигателя (1350 лошадиных сил каждый) разгонял его до скорости 435 километров в час и позволял подниматься на высоту 8500 метров. Бомбардировщик, несший почти две тонны бомб, был неплохо вооружен: 20-миллиметровая пушка, 13-миллиметровый пулемет, три 7,92-миллиметровых пулемета.

Изучение терминологии немецких летчиков едва не закончилось плачевно. При очередном обыске в бараке под тюфяком Девятаева охранник нашел коллекцию авиационных шильдиков.

— Что это? — грозно спросил ражий краснорожий обер-ефрейтор. Каким-то образом он избежал отправки на фронт и теперь выслуживался здесь, в тылу. Солслуживцы по охранной роте его также недолго любили и прозвали Ротвейлер. И он вполне оправдывал эту кличку, набрасываясь порой на пленных, как пес — с рычанием раздавая удары направо и налево. Вот и сейчас он приготовился свалить «унтерменша» на пол. Но Девятаев не растерялся:

— Изучаю немецкий язык, господин обер-ефрейтор. Учебников нет, так это вместо букваря.

Охранник одобрительно хмыкнул, а затем злорадно заметил:

— Зачем тебе немецкий? Все равно скоро сдохнешь...

Но Девятаев так не считал, он был оптимистом по натуре и верил в удачу, несмотря ни на что.

Неожиданный подарок получил он во время работы на аэродромном капонире. В один из январских дней их команду поставили разгрести снег у самолетов и маски-

ровать их. Девятаев очищал крыло самолета от снега и тут же — вблизи! — наблюдал, как экипаж привычными движениями расчехляет моторы, подключает аккумуляторную тележку к бортовой сети, подмечал, как открывается кабина.

В кабине сидел летчик, ему надо было прогреть моторы. Поднявшись на крыло, Девятаев увидел, как тот обращается с аппаратурой, проследил весь процесс запуска двигателей.

Пилот, заметив, что за ним наблюдает пленный оборванец, решил скуки ради поразить воображение «недочеловека», «дикаря», «унтерменша» слаженной работой повелителя грозной машины. Не торопясь он проводил включение и выключение агрегатов. Вот завертелся винт левого двигателя. Девятаев глубоко вздохнул. Знакомая картина, сколько раз при собственных взлетах наблюдал он это волнующее зрелище, когда лопасти пропеллера превращаются в рокочущий воздушный круг. Но то был запуск *своего* мотора, то было грозное пение *своей* боевой машины. Здесь же ревел вражеский бомбардировщик, сотрясаясь от злой мощи, и из кабины выглядывало надменное лицо противника. «Встретились бы мы с тобой в небе!» — подумал Девятаев, но на деле же заставил себя ударить в ладоши, изобразив на лице восхищение.

А летчик, видимо желая похвастаться своим мастерством, то включал, то выключал моторы, один раз даже ногой выключил и включил. Он то запускал, то глушил моторы. Сам о том не ведая, он дал Девятаеву прекрасный наглядный урок.

М. П. Девятаев:

«Его взгляд, направленный на меня, как бы говорил: смотри, русский болван, как мы запросто всё делаем! Для меня все было ясно. Мысленно я уже представлял себя на месте фрица в кабине, как вдруг конвоир огрел меня палкой по спине. Я кубарем скатился вниз, хотя удара как будто и не почувствовал — так счастлив я был от того, что теперь знал, как запустить моторы. Если бы он и десять раз меня ударил, все равно я не пожалел бы о случившемся».

Более того, именно в тот день Девятаев окончательно уверовал в свою удачу: «Угоню!» Да, он сможет поднять в воздух эту машину. Сядет за штурвал и быстро разберется что к чему. Пять лет в небесах чего-то стоят, и опыт ни голодом, ни холодом, ни побоями не вытравившь. Хватило бы сил да удачи... Теперь каждую ночь, лежа на нарах, он продумывал действия каждого из пяти членов будущего экипажа. Он решил взять на борт пять человек, из которых трое уже согласились идти с ним до конца (двум смертям не бывать, а одной не миновать!). Еще двое, скорее всего, тоже согласятся на побег, остальные же — как хотят, насколько смелости хватит. Да и перегружать машину ни к чему: каждый лишний пассажир — это дополнительный расход топлива. Неизвестно, сколько его останется в баках.

Значит, так... Сам он первым делом займет место за штурвалом, и пока остальные будут готовить машину к полету, окончательно разбирается в приборной панели, находит главные кнопки и рычаги... Тем временем трое его бойцов бегут: один к правому крылу, другой — к левому, а третий несется в хвост. Там они быстро снимают заглушки, струбцины стопоров, выбивают из-под колес шасси тормозные колодки. Их работу прикрывает пятый член экипажа с автоматом или винтовкой (как повезет), отобранной у оглушенного охранника. Потом все вместе они забираются по приставной стремянке внутрь самолета, втаскивают ее за собой и запирают входную дверь. Девятаев запускает движки и кратчайшим путем (он его уже просмотрел) выруливает на старт. Пока на КДП (командно-диспетчерском пункте) будут разбираться, кто дал самолету разрешение на взлет, то да се, он разгоняет «хейнкель» и взлетает. Стрелять по ним сразу не будут, пока не разберутся, кто сидит за штурвалом. Поэтому надо сразу снять полосатую куртку и надеть на себя что-то другое, хотя бы шинель охранника.

Еще проблема: как, чем и где убить охранника? Есть самодельный нож. Но это скорее ножик, чем нож. Им и шинель не пропорешь... Значит, автоматчика надо оглушить чем-то тяжелым. Чем? Камнем? Лопатой? Какой-нибудь подручной железякой? Но попробуй еще

подберись к нему, сытому и сильному гаду. Особенно к такому, как Ротвейлер. Тем более что охранник держится всегда в стороне и ближе пяти шагов к себе никого не подпускает. Иначе — «халът!» и выстрел на поражение. Оружие охранникам положено держать всегда на груди и со снятым предохранителем...

Посоветовался с Соколовым. Сошлись на том, что оглушить охранника надо в капони́ре, заманив его по-дальше внутрь.

— Я бросаюсь на него с обваловки капони́ра, — планировал Девятаев. — Ты кидаешься ему под ноги. А Кривоногов, как самый сильный, ударит его лопатой.

— Главное, чтобы тот крикнуть не успел или выстрелить.

— Вот именно. Поэтому предельная согласованность всех действий. И по единому сигналу. Я свистну.

— Кляп ему в рот...

— Кляп тоже нужно продумать, чтобы в нужный момент был под рукой.

— Рот шапкой заткнуть можно...

— Шапку в рот не впихнешь. Ею крик только приглушить можно.

— Ну тогда варежка у меня есть... Вот она. Драная, но сгодится.

— Я бы его, гада, голыми руками задушил, горло бы перегрыз!

— Сил может не хватить. Надо наверняка! В капони́рах огнетушители стоят. Может, баллоном его?

— Сам говоришь, сил может не хватить. Баллон тяжелый...

— Хорошо, давай проиграем с самого начала: в четырнадцать часов у летчиков обед. Экипаж «нашего» «хейнкеля» тоже уходит в столовку. Уходит в полном составе, я пронаблюдал. Обедают они тридцать-сорок минут. Так что на все про все у нас не более получаса. Как только летчики отойдут метров на триста, можно начинать.

— А если кто-нибудь останется?

— Всегда уходили все вчетвером. Закрывают дверь борта на ключ и марширен эссен! Если кто останется, добьем из винтовки.

— А из немецкого автомата ты стрелял когда-нибудь?
— Нет.
— И я нет. Надо еще пару минут, чтобы разобраться.
— Ну, из их винтовки я и так бабахну.
— Из винтовки — ясное дело. Автомат — это система. Знать надо.

Они обсуждали каждую мелочь предстоящего дела. И эти обсуждения веселили душу, грели тело, так что казалось, будто в промерзлом лагерном бараке становилось теплее. Еще немного, еще чуть-чуть... Главное, чтобы еще погода в день «Ч» была летная. Зимнее небо держало нижнюю кромку облаков чуть выше ста метров... Главное, чтобы команду из пяти бойцов не раскидали по другим участкам... Главное, чтобы никто не струсил. И еще с дюжину других «главных» обстоятельств.

С каждым из пяти «угонщиков» Девятаев провел беседу наедине, дабы не привлекать лишнего внимания.

— Твоя задача подбежать к правому крылу и как можно быстрее свинтить с закрылок стопоры. Это такие красные штуки вроде зажимов. Бросаешь их и бежишь к входной двери. Чем быстрее окажешься на борту, тем быстрее взлетим.

Он рисовал на клочке бумаги струбины, а если оказывались недалеко от самолета, показывал их в натуре...

Казалось, все идет своим чередом. Но тут произошло нечто такое, что едва не сорвало все планы побега.

Глава третья **СОЛДАТЫ НЕ АНГЕЛЫ**

Солдаты не ангелы. А пленные солдаты — тем более. Некоторые из них сбивались в свои стаи, поистине волчьи по своей хватке, жестокости... Немцы в концлагерях охотно поддерживали барачных вожakov уголовного типа. Как правило, вокруг них и крутились «шестерки», готовые выполнить любой приказ своего «шефа». Именно такие банды были весьма на руку лагерфюрерам, они их даже подкармливали, чтобы иметь «своих» людей сре-

ди пленных. Это были их глаза и уши. «Волки» не только доносили на своих товарищей по застенкам, но и учиняли порой самосуд в угоду своим покровителям. Если они приговаривали кого-то к «десяти дням жизни», то ровно через десять дней их жертва, выбранная порой по указанию коменданта, отправлялась на тот свет после систематических побоев, измышательства, пыток.

М. П. Девятаев:

«Десять дней жизни» — это лагерная формула самосуда, самочинная расправа группки бандитов-заключенных. Свою жертву они уничтожают варварским способом. Кто проявлял недовольство лагерными порядками, кто носил на груди красный («политический») винкель, кто сопротивлялся ограблению, кто сказал что-то не так — тот попадал во власть банды головорезов. Девять дней «виновного» истязали всеми способами, какие только могли придумать организаторы издевательства, а если он еще оставался в живых, на десятый день его приканчивали. Заводилы имели право бить обреченного как угодно, когда угодно и так, чтобы свои последние десять дней тот прожил только в муках, в бреду, в полубессознательном состоянии. Чем сильнее он страдал, тем выше была награда за их работу. Самые дикие инстинкты пробуждались в низких, отвратительных существах таким своеволием, такой безнаказанностью».

Особенно изгалялся некий тип по кличке Костя-морячок. Он любил напевать на одесский манер: «Я вам не скажу за весь наш лагерь, ведь «малина» очень велика, но во всех бараках очень знают и боятся Костю-моряка»...

Его действительно знали, и «черной метки» в десять дней все опасались даже больше, чем «гуманного» расстрела.

Девятаев однажды одернул его, воззвав к воинской совести. Костя-морячок сплюнул:

— А мне все равно, кому служить! Были бы водка, бабы да деньги!

И тут же схлопотал в челюсть. Нервы Девятаева не выдержали хамского глумления над тем, что ему, как и

многим другим заключенным, было дорого с детства. Барачные «волчары» тут же набросились на Михаила, сбили с ног и били до потери сознания. Когда он пришел в себя, ему объявили «десять дней жизни».

— А потом сдохнешь! — пообещал Костя-морячок, поправляя вывихнутую челюсть.

М. П. Девятаев:

«На крик Кости-морячка в барак ворвались эсэсовцы, избili меня и приговорили к экзекуции “на десять дней жизни”. Это означало, что в течение десяти дней меня будут убивать, больше этого срока я не проживу. Ежедневно меня стали избивать до потери сознания. Били чем попало от подъема до отбоя. Заставляли десять-двадцать раз брать матрац, наполненный стружками, переносить его на другую койку и быстро заправлять. Если не успел за минуту — нещадно били и заставляли снова и снова повторить эту процедуру. Потом нагружали на меня маскировочные материалы и заставляли нести на аэродром. Я и так еле передвигался в деревянных колодках, скользя по снегу и падая, а тут еще тяжелый груз на плечах. Но как-то, едва мы отошли от ворот лагеря, я почувствовал облегчение. Это Петр Кутергин, человек богатырского телосложения, поспешил мне на помощь. Он уроженец Сибири, и сам под стать сибиряку-кедру. Даже суровые условия фашистского плена его не сломили. Такой силач нам очень нужен, подумал я. Ведь придется расправляться с конвоем, чтобы захватить самолет. Когда мы посвятили Кутергина в наш план, он охотно согласился во всем нам помогать.

Примкнул к нам и Володя Немченко. Еще шестнадцатилетним парнишкой фашисты угнали его на каторгу. Сам он из Белоруссии. На чужбине все время тосковал по родному краю. Несмотря на юные годы, Володя выглядел стариком, лицо его было суровым. Во время пытки гитлеровцы выбили ему глаз и изуродовали лицо. Он до того был худ, что полосатая одежда заключенного буквально висела на нем.

— Весь в вашем распоряжении, — твердо заявил он, узнав о нашем плане побега.

Еще через день я предложил бежать с нами политруку Михаилу Емецу.

— На меня всегда рассчитывайте, во всем помогу, — сказал он.

Число людей, готовых на смерть или свободу, на которых можно было положиться, росло, наш “экипаж” увеличивался день ото дня. С помощью Володи Соколова всем нам удалось сойтись в одну команду. План был тщательно разработан. Каждый из участников знал свои обязанности при захвате самолета и в полете. Все готовились, ходили как наэлектризованные.

Никто не сомневался, что самолет мы захватим. Все теперь зависело от меня. Сумею ли я запустить машину и поднять ее в воздух? Эта мысль не давала мне покоя ни днем ни ночью. Как сожалел я, что в свое время мало уделял внимания изучению самолетов иностранных марок! Сколько раз вспоминал слова командира эскадрильи Боброва: «Нам нужно до тонкости знать технику врага. Учитесь, пока есть время, пригодится». И теперь горько раскаивался, что только бегло и мало интересовался боевой техникой противника. А сейчас — близок локоть, да не укусишь!»

А был еще один план, который горячо обсуждали и который поначалу казался всем более осуществимым. Суть: забраться в самолет во время обеденного перерыва, спрятаться в глубине грузового отсека, а когда самолет поднимется в воздух, под дулом винтовки (автомата) заставить пилота изменить курс и лететь куда надо. Если начнет сопротивляться — оглушить прикладом, а Девятаев займет его место за штурвалом. Таким образом, сразу же исключались несколько проблем: выруливание на старт через весь аэродром на глазах у часовых, взлет с полосы (он произошел бы легально), запоздавшая тревога у аэродромного начальства, упрощалось бы и многое другое. Но...

— Но, — веско возражал Девятаев, — дверь в самолет может быть заперта на ключ, а следы взлома не скрыть. Это во-первых! Во-вторых, неизвестно, полетит ли самолет именно в этот день или только на следующий. График полета никому не известен.

— Ну и что такого?! — горячились отчаянные головы. — Просидим мы в хвосте ночь. Никому в голову не придет искать нас в самолете. А что касается ключей, то в ангаре должен быть второй комплект. Откроем!

— Ну открыли, спрятались. А ищут-то всегда с собаками.

— Собаки не почуют. Тут бензин, масла всякие... Технические запахи нюх отобьют.

— В-третьих, — стоял на своем Девятаев, — в экипаже не только пилоты, но еще борттехники, воздушные стрелки... Устроить перестрелку в воздухе — это гиблое дело. Да еще по радио успеют дать тревогу, истребители вызвать...

— Но у «хейнкеля» все полеты короткие — по окружности острова. Экипаж поднимается в сокращенном составе.

— Ты в этом уверен? Ты с ними летал?

— Нет. Но по логике вещей...

— Логика даже людей может подвести. Так что говорить про «логику вещей»?

В конце концов Девятаев убедил всех спорщиков, что самолет надо брать на земле, а не в воздухе. Пусть это будет дольше, опаснее, но надежней.

Мысли о побеге, о перелете не покидали Девятаева даже в карцере. Еще ни коня ни возу, а он размышлял, какой избрать маршрут... Можно лететь над сушей, можно над морем. На первом маршруте угнанный самолет обстреляют немецкие зенитки. Нет, лучше над морем, там шансов попасть под зенитные снаряды намного меньше...

Однако до этого еще далеко.

Девятаеву было ясно, что десяти дней постоянных побоев, пыток он не выдержит. Значит, надо было ускорять дела с побегом... Через три дня непрерывных издевательств план броска на родину был готов...

Похоже, в «экипаж» удалось подобрать достойных, надежных людей, которые и под пытками не выдадут общих планов. Таких людей нашлось пятеро, и у каждого были свои счета с немцами. Так, белорусу Немченко выбили глаз на допросах. Урбанович угодил в лагерь еще мальцом — в 1941 году. Его и прозвали — Колька-малец.

Иван Кривоногов был совершенно бесстрашным мужиком. В Лодзинском лагере он убил у всех на глазах польского полица, за что и был отправлен в Заксенхаузен.

Теперь нужно было решить немаловажную проблему: чем ударить конвоира? Ничего подходящего никто не мог предложить. Члены будущего «экипажа» вооружались чем могли. Иван Кривоногов раздобыл железный прут с кольцом, довольно увесистый и удобный для нанесения удара. Володя Соколов выдрал какую-то деталь из разбитого тягача, Девятаев привязал на веревку большую гайку, как отвес, ее можно было применить как кистень... Остальные носили в котелках камни. Все готово. Осталось только выбрать удобный момент и...

В обеденный перерыв немцы уходили с аэродрома. Группа Девятаева расчищала взлетную дорожку, приближаясь к облюбованному бомбардировщику. Сейчас все решится... Вдруг неподалеку приземлился четырехмоторный пассажирский самолет «Фокке-Вульф-200» — «Кондор». Пассажиры и часть экипажа ушли, а мотор остался не заглушенным. Лучшего момента и быть не могло. Девятаев и члены «экипажа» обменялись многозначительными взглядами: «Берем?» — «Берем...»

Но захват самолета не состоялся. В тот самый момент, когда девятаевцы двинулись к «фокке-вульфу», к нему подкатил автобус с большой группой военных пассажиров. Пришлось повернуть обратно. И такие срывы происходили не раз. Но никто и мысли не допускал о том, чтобы отступить от принятого решения. Надо было ждать своего часа...

Глава четвертая **И ПРОБИЛ ЧАС!**

В начале февраля в Пенемюнде завьюжило. Ветер выл на все голоса, как души разгневанных покойников... Несколько дней подряд, как бывало в родном Торбеево, валил густой снег. Но не это тревожило Девятаева. Он опасался, что его доконают в карцере раньше, чем

удастся улететь. «Десять дней жизни», объявленные эсэсовцами, истекали 10 февраля. На работу его выводили из карцера, но каждое утро и каждый вечер продолжали жестоко избивать. Силы таяли, и летчик уже еле держался на ногах. Товарищи старались поддержать его, отрывая крохи от своего мизерного пайка, умудрялись даже по ночам передавать ему в карцер свинцовые примочки, снижавшие воспаление. Так или иначе, но Михаил, приговоренный к смерти, не раскисал, он поднимался с нар и, преодолевая боль и слабость, выходил на работу. Помимо всего прочего, его тревожила мысль, что если тайну знают трое, то это уже не тайна, что уж говорить о тайне, которую знают пятеро! Не многовато ли посвященных? Что будет, если кто-нибудь из них проговорится, даст слабинку?

Но людей, знавших о предстоящем побеге в небеса, было намного больше, чем пятеро членов «экипажа». Подпольная организация предупредила команду заключенных, которые работали вблизи взлетной полосы, что в любой обеденный перерыв, когда уйдут немцы, они должны быть готовы с максимальной быстротой подняться в самолет, который подкатит к ним. За штурвалом будет сидеть человек в полосатой одежде, и по его сигналу они заберутся внутрь. По самым скромным прикидкам такая машина, как «Хейнкель-111», могла взять на борт до полусотни исхудавших до невесомости пассажиров. Таков был первоначальный план. Правда, жизнь внесла в него свои коррективы.

Наконец, 8 февраля облачность рассеялась, с утра из-за горизонта выплыло яркое предвесеннее солнце...

— Погода летная... Сегодня или никогда! — шепнул Девятаев друзьям.

В то утро всех десятерых в сопровождении Ротвейлера повели засыпать бомбовую воронку. Все, кто знал о побеге, держались вместе, шли рядом. У всех на лицах — твердая решимость.

Девятаев положил глаз на двухмоторный бомбардировщик «Хейнкель-111». На этой новенькой модернизированной машине летал сам командир авиационного полка, дислоцированного в Пенемюнде. Летчики про-

гревали моторы, значит, машину готовят к полету. Значит, баки заправлены топливом. Ротвейлер заметил, что Девятаев все время глазееет на командирский самолет, и ударил его в спину:

— Арбайтен! Лос! Лос!

Он столкнул его на дно воронки, где Володя Соколов трамбовал грунт. Остальные лопатами швыряли в нее землю.

Приближался обеденный перерыв. Скоро немцы уйдут на обед. Надо было спешить. Как на зло, группа работала за чертой аэродрома и проникнуть на летное поле к самолетам было сложно.

— Похоже, отлет надо переносить на завтра, — мрачно сказал Соколов. — Видишь, как далеко мы от самолетов...

— Никаких завтра. Летим сегодня! — Девятаев был тверд и непреклонен. Он знал, что до его объявленной смерти оставалось двое суток. Потом его бросят на растерзание овчаркам.

Соколов как переводчик исполнял обязанности бригадира. Он мог договориться с конвоиром о переходе на другую воронку, ближе к самолетам. От него зависело теперь все.

— Володя, — повысил голос Девятаев, — шутить я не намерен! Приказываю: сейчас же веди всех к самолету!.. Иначе оба будем мертвыми...

Соколов все понял и стал что-то объяснять конвоиру, показывая рукой в сторону самолетов. Ротвейлер кивнул и подал команду построиться. Направились к четырехмоторному тяжелому бомбардировщику Хе-111, который давно облюбовал Девятаев.

Это был самолет с вензелем на фюзеляже «G. A. » (Gustav Anton). Летал на нем 33-летний ас обер-лейтенант Карл Хайнц Грауденц, принимавший самое активное участие в испытаниях Фау-2. Бывший бомбардировщик был перестроен под воздушный командный пункт и потому напичкан сложной телеметрической аппаратурой, позволявшей снимать параметры ракеты и ее траектории в воздухе. Но тогда об этой «особинке» крылатой машины никто не подозревал...

До самолета оставалось шагов триста, когда конвоир, заметив подозрительное перемигивание заключенных и то, что они без его разрешения нарушили строй, пришел в ярость. Приказал бежать бегом к ангару, сопровождая приказ ругательствами и ударами приклада.

М. П. Девятаев:

«У меня мелькнула мысль: “У ангара будем расстреляны”... До ангара было далеко, и он загнал нас в ближайший капонир. Несколько минут стояли мы в капонире перед направленным на нас дулом винтовки... Он блуждал по нам растерянным взглядом, как будто чуя свою гибель... Наконец он опустил винтовку к ноге, закурил, бросил Соколову зажигалку:

— Фойер махен! (Разжечь костер!)

Костер запылал. Фашист стал греться, приказал нам не подходить близко».

Соколов попросил у Ротвейлера разрешения посмотреть, не везут ли обед, и, получив таковое, взобрался на земляной вал капонира, посмотрел вокруг и подал остальным знак: поблизости никого нет. Девятаев мигнул Ивану Кривоногову: «Действуй!» Тот достал из-под одежды железный прут и стал подбираться к конвоиру со спины. Ротвейлер в эту минуту грел над огнем замерзшие ладони и был зачарован пляской огня. Однако чутье его не подвело. Он резко обернулся и увидел Кривоногова с занесенным железным прутом. Немец метнулся в сторону, схватив винтовку. Ее дуло смотрело в грудь нападавшего. Все решали доли секунды! И Девятаев, выхватив из котелка гаечный «кистень», ринулся на конвоира сзади, рассчитывая метким ударом по голове опередить выстрел. Ротвейлер обернулся, и это стоило ему жизни. Он успел только понять, что на него нападают с двух разных сторон, но ничего сделать уже не смог. Удар пришелся ему в правый висок, и конвоир, выронив винтовку, повалился замертво. Остальные пленные, не знавшие о предстоявшем побеге, пришли в ужас: ведь за убийство немецкого солдата всех повесят немедленно!

— Ты что, гад, натворил? — бросились они к Кривоногову. — Из-за тебя всем каюк!

Они готовы были растерзать его на месте, но тут Девятаев поднял винтовку и передернул затвор:

— Стоять! Всем стоять — не двигаться!

Теперь дело принимало иной оборот. Все выстроились в шеренгу.

— Иван, — кивнул Девятаев Кривоногову, — проводи политинформацию.

Кривоногов был немногословен:

— Спокойно, орлы! Сейчас полетим на Родину!.. Миша — летчик! А вон там — наш самолет!

Люди сразу всё поняли и воспрянули духом. В одну минуту труп ненавистного охранника зарыли в снег. Кривоногов забрал у убитого документы, часы и табак. Девятаев передал винтовку Ивану и вместе с Соколовым бросился к самолету. Остальные двинулись на стоянку, как положено, не привлекая внимания немцев, привычным строем в сопровождении «охранника», роль которого пришлось исполнять Кутергину. Тот с омерзением надел на себя шинель в пятнах крови, сапоги и кепи Ротвейлера. Шли не спеша, то и дело изображая работу.

Как только раздался удар в сигнальный рельс и весь аэродромный люд потянулся на обед, группа Девятаева быстрым шагом направилась в сторону «хейнкеля», чей экипаж тоже поспешил в столовую. Первыми подоспели Девятаев и Соколов и остановились. Входная дверь на этой эксклюзивной — «дарственной» — машине была сделана нестандартно. Для удобства высокопоставленного хозяина она открывалась над крылом так, чтобы войти в самолет можно было с широкой плоскости. Но на плоскость еще надо было взобраться. Лестницы же поблизости не было. Приподнять, посадить Девятаева у Соколова не хватало сил. Хоть плачь — близок локоть да не укусишь! Тогда он сцепил ладони на выставленном колене. Первая попытка сорвалась, вторая... А драгоценные секунды бежали... И только с третьей попытки Девятаев оказался на крыле. Но здесь его ждало горькое разочарование: дюралева дверь была закрыта на замок. Плечом не высадишь... Пришлось спрыгивать на землю

и искать подручный инструмент. На все это уходило время, столь скупо отпущенное судьбой, время обеденного перерыва... К тому же со сторожевых вышек любой караульный мог заметить подозрительную возню людей в полосатых робах возле боевой машины. По всем правилам пленные не могли приближаться к стоянкам ближе чем на триста метров. А тут — на крыле, у хвоста, возле шасси... Вот возле шасси Девятаев и нашел то, что искал, — острый стальной колышек заземления самолета. И снова повторилась мучительная процедура залезания на крыло. Влез. И тут же ударил острым ломиком под ручку. Проломил дюраль, сделал дыру, а в нее просунул руку и открыл дверь изнутри, как матерый «домушник», испарапав при этом руку до крови. Путь к пилотскому креслу был свободен! Теперь — вперед!

Девятаев вскочил в кабину, сел в левое кресло, вставил ключ зажигания — беспечный Грауденц забыл его в кабине — еще одна удача! Или еще одно издевательство фортуны? Ключ повернут, но толку никакого! Приборы не действуют!

Пробежал глазами по пилотской панели. Две кнопки с надписью «Батарея», нажал их поочередно и глянул на шкалы. Тишина: стрелки не двигались... Нажал на все кнопки сразу. Глухо... Машина обесточена... Впрочем, этот эпизод в изложении самого Девятаева выглядит более драматично:

М. П. Девятаев:

«Под широкими крыльями “хейнкеля” я вдруг почувствовал страх перед ним. Какой же он огромный! Смогу ли я поднять его в воздух? Такая машина и такие слабые у меня руки, ноги... Внизу есть отверстие — лаз, и я стал нажимать, чтобы открыть его, он, оказывается, на замке. Ключа у нас, понятно, нет. Я метнулся к бомболоку — тоже не открывается. Соколов стоит рядом, растерянно смотрит на меня, ждет.

— Подсади, — прошу его, — заберусь на крыло.

Соколов обхватил меня, я вцепился в крыло. Пальцы скользят по мокрым заклепкам. У Володьки не хватает сил. Я повис и тут же упал на землю. Увидел струбчинку — думал ею ударить по замку, но она слишком легка

для этого, нужно что-то потяжелее. Колодка! Это подойдет. (Соколов протянул ему стальной колышек заземления самолета. — *Н. Ч.*) Стукнул раз, второй, и дюралюминий подался, провалился. Всунул в отверстие руку, оттянул замок, дверца открылась. Вытащил назад — рука поцарапана, кровотоцит.

Фюзеляж, куда я проник, показался мне настоящим домом. Такого я еще не видел. Бросился в кабину. Она была просторная, выпуклая, вся из стекла. Высота, на которой я оказался, просторность кабины, огромное количество приборов, кнопок, проводков, сигнальных глазков — все ошеломило меня.

Передо мной было сиденье пилота, слева скамья, покрытая черным дерматином, наверное для штурмана. Я опустил на сиденье и провалился в него так, что мои ноги задрались вверх. Летчик под себя непременно подкладывает сложенный в мешок парашют, у меня парашюта не было. Какой-то ящик попался мне на глаза, я швырнул его на сиденье, сел сверху. Достая ногами до рычагов, руками — до доски приборов, теперь могу опереться спиной о кресло.

— Снимай чехлы! — это команда Володьке, который стоял на земле, подо мной, и слышал, как я стучал, хозийничал в пустой гулкой машине.

Володька быстро сорвал чехол с одного мотора. Лопаста винта перед глазами, рычаги под ногами, ручка управления в руках — этого для летчика достаточно, чтобы и в таких условиях овладеть собой, сосредоточиться, почувствовать себя сильным. Я нашел насос, несколько раз качнул горючее, потом установил зажигание и, помня, как делал это, рисуясь, немецкий офицер, за которым я наблюдал недавно, нажал на кнопку стартера.

Никакого движения. Мотор молчит.

Как же это я забыл, что позади меня есть маленький рубильничек и что именно с его помощью нужно пустить аккумуляторный ток к моторам и приборам? Я обрадовался, что вспомнил это, и, обернувшись, уверенно включил его. Снова нажал на стартер. Ни одна стрелка не шевельнулась. Тока не было.

Почему же я не начал с присоединения аккумулятора? Какие примитивные ошибки! Ведь там, за бронеспинкой, стоит целая аккумуляторная батарея, которой пользуются при запуске моторов. Только в этом причина!

Я бросился к бронеспинке, отклонил ее. Там было пусто. Клеммы свисали, аккумуляторов не было.

“Провал!” — резануло по сердцу. Перед глазами проплыла виселица и болтающиеся на ней десять трупов».

Это была катастрофа! Без аккумуляторов движки не запустить. Бежали секунды, и каждая могла стать роковой, последней в жизни... Вот-вот мог вернуться штатный экипаж. Что же делать?

А ведь это только первый сюрприз, за который придется расплачиваться головой. Девятаев вдруг враз обессилел, откинулся в кресле, как дряхлый старец. Попробовал подняться и не смог. Собрав последние силы, кое-как подполз по наклонному полу кабины к дверце, с трудом открыл ее и крикнул друзьям:

— Аккумуляторов нет!.. Ищите скорее! Может быть, где-нибудь рядом!..

Соколов и Кривоногов бросились со всех ног к ангару. Минут через пять они прикатили к самолету тележку с вспомогательным аккумулятором для запуска моторов. Это было спасение! Это был дар Фортуны, которая им явно покровительствовала. Девятаев воспрянул духом. Он не зря наблюдал за немецкими аэродромными техниками. Вон за той откидной дверцей находятся разъемы токоприемников бортовой сети. Сам подключил аккумулятор, затем щелкнул рычажком питания: стрелки на циферблатах дрогнули, ожили! Михаил даже вскрикнул от радости:

— Живем!!!

Ему стало жарко, несмотря на то что в неотапливаемой кабине стоял февральский холод. Он сбросил с себя лохмотья бывшей шинели и запихал их в пустое парашютное гнездо пилотского сиденья. Теперь в нем можно было удобно устроиться. Сам же остался в полосатой куртке зэка.

— Расчехляй моторы! — крикнул он Кривоногову, не отрываясь от приборов. Он искал тумблер включения масляного насоса.

— Готово! — доложил Иван, который четко и последовательно делал все так, как его инструктировали. Он уже успел вытащить колодки из-под колес шасси, снять трубки с элеронов и рулей. И остальные члены экипажа сновали как заправские авиаторы, хотя никто из них до этого и близко не стоял возле самолета. И вроде бы всё сделали так, как объяснил им Девятаев. Но с трубки Пито¹, которая торчала из фюзеляжа, чехольчик никто не сдернул, хотя Девятаев не раз напоминал о ней Кривоногову. Этот дюралевый отросток принимал на себя давление воздуха, позволяя прибору точно определять скорость самолета. Слава богу, что он успел в суете вспомнить о ней и еще раз отправить Ивана. Мелочь? А как дорого бы она обошлась в полете...

Теперь, кажется, все!..

Он глянул в сторону КДП: там все было спокойно. Обед шел своим чередом. И все аэродромные службы не проявляли никакой тревоги. Только женщина-стартерша в черном зимнем комбинезоне настороженно поглядывала в сторону «Хейнкеля-111», не выпуская из рук ракетницу.

Что она заметила? А если поднимет тревогу? Может, снять ее из винтовки? Но тогда точно несдобровать... Пускай живет... Сами с усами.

Так, первым делом проверить, есть ли топливо в баках. Глаза отыскивали шильдик «Kraftstoffanzeiger» — топливомер. Стрелка за зеленым сектором — баки полны. Жизненно важная информация. Есть надежда уйти на полный радиус... А где топливный насос? Где эта «Kraftstoffpumpe»? Пумпе, помпа, насос? Нет, не зря заучивал немецкие термины! Вот тебе и «помпа». Нажал кнопку, и топливо пошло к моторам. Порядок. От винта!

---

¹ Трубка Пито — статическая система чувствительных к давлению приборов, которая используется в авиации для определения воздушной скорости самолета.

М. П. Девятаев:

«Нажимаю на стартер. Левый мотор взревел. Заработал и правый. Все моментально оказались в кабине. “Всё в порядке”, — думал я. Но ликовать рано. «Спокойнее, спокойнее», — говорю себе. Пока прогревались моторы, еще раз проверил, все ли готово для полета, бегло ознакомился с контрольными приборами. “Спешить в авиации не надо ни при каких условиях. Все предусмотрено”, — вспомнил я слова инструктора казанского аэроклуба Саши Мухамеджанова. Еще и еще раз осмотрел каждый прибор, прислушиваясь к звукам работающих моторов. К тем приборам и агрегатам, назначения которых не знал, опасался прикасаться».

Девятаев тронул машину с места, и «хейнкель» стал медленно выруливать на взлетную полосу. Но тут пришлось остановиться: два немецких самолета один за другим совершили посадку и стали двигаться им навстречу. Ясное дело, диспетчер никак не мог согласовать это движение. Диспетчер и понятия не имел, что в четкий график взлетов и посадок вдруг вклинится «хейнкель» командира полка.

Девятаев немного уклонился, пропустив встречные самолеты, и тут же приказал своему «экипажу» спрятаться поглубже в фюзеляж, чтобы никто не маячил в иллюминаторах в полосатой одежде. Во время рулежки он во всем копировал манеру немецких летчиков. Одно только сделал не по местным правилам: установил самолет от стартера-финиша метров на двести дальше, чем следовало. Женщина-стартер выстрелила из ракетницы, подавая сигнал. Но какой? То ли разрешает взлет, то ли запрещает.

М. П. Девятаев:

«Женщина в темном комбинезоне стоит на старте и, поднимая флажок, принимает “юнкерсов”. Она пока не обращает на меня внимания, ей некогда. А я не буду приближаться к ней: возле нее телефон — прямая связь с дежурным по аэродрому.

Чтобы выиграть время, я гоню свой самолет по направлению к ангарам и возвращаюсь к старту, когда сел

последний “юнкерс”. Не ожидая разрешения на взлет, срезаю угол поворота, выскакиваю на бетонку и — моторы на полную мощность!

Винты загребли воздух.

Но в кабине я как на экране. Моя нижняя белая рубашка сразу бросается в глаза, а рулить нужно по дорожке, по которой пробегают “мессершмитты”, возвращающиеся с боевого вылета. Свернуть же с бетонки невозможно, там увязнешь. Мне остается только пригнуться на сиденье, втянуть голову в плечи, словно спрятать себя в самом себе.

Летчики, проносясь на истребителях мимо, выглядывают из своих кабин, замечают что-то необычное — полуголый пилот в нательной рубашке, но, вероятно, не успевают хорошенько разглядеть меня. При встречах с самолетами я разгоняю машину, чтобы скорее проскочить мимо.

Над аэродромом появляется группа “юнкерсов” — они пришли с фронта и по одному будут приземляться на ту бетонированную полосу, по которой мой самолет должен разбежаться».

Надо успеть взлететь раньше, чем они пойдут на посадку! Девятаев довел обороты мотора до полной мощности. Самолет, дрожа, подался вперед, но тормоза удерживали его на месте, а ручка управления, до отказа взятая на себя, не давала ему скапотировать. Не уменьшая газа, плавно отпустил тормоза. Машина рванулась вперед по бетонной дорожке, быстро набирая скорость. Пора отводить штурвал от себя в нейтральное положение, чтобы ускорить подъем хвостового оперения самолета... Но что это?! Машина не реагирует на движение штурвала! «Хейнкель» идет послушно, ускоряя свой стремительный разбег, но от земли не отрывается. Вот тебе раз — новая закавыка! Что делать?

М. П. Девятаев:

«Чувствую по мере увеличения скорости и пробега какое-то повышенное, ненормальное давление на ручку управления самолета. “Неужели ошибка?” — мелькну-

ла мысль. Изю всех сил давлю на штурвал и ничего не могу сделать. Как быть? Штурвал начинает давить мне на грудь. Моторы ревут — газ до упоров, винты образуют сплошной вращающийся диск, а самолет бежит на трех точках.

Налегаю на штурвал всем корпусом, сильно упираюсь ногами. Чувствую, что самолет отделился от земли и тут же из-за отсутствия подъемной силы с шумом падает с небольшой высоты то на левое, то на правое колесо шасси. Снова повторяется отрыв, и снова — падение. И взлетная дорожка кончается. Неужели не смогу взлететь? Да, до конца взлетной полосы самолет уже не взлетит... Что же делать? Сделать прерванный взлет?.. Нельзя из-за близости морского берега.

— Братцы! Один раз помирать!.. Держитесь!..»

Девятаев резко убрал газ. Машина по инерции стремительно мчалась под уклон. Десятки метров отделяли ее от морской береговой черты. Он знал, что пускать в ход тормоза на больших скоростях — смертельный номер: перевернется самолет, скапотировует, но нельзя было и медлить: секунда-другая — и четырехмоторный бомбардировщик врежется в морские волны.

Ноги инстинктивно нажали на педали тормозов. Это был запрещенный маневр: самолет по инерции устремился вперед, а хвостовое оперение угрожающе приподнялось, теперь в любое мгновение тяжелая машина могла совершить смертельный кульбит.

«Все кончено», — беспощадно определил разум и заставил убрать ноги с тормозов — будь что будет. Хвост резко опустился и с грохотом ударился о бетон. Теперь самолет снова бежал на трех точках, бежал с бешеной скоростью навстречу убийственному обрыву в море. Можно ли его остановить? Девятаев опять нажал на тормоза — задымились шины, машину повело на кувырок — и снова отпустил их, как и в первый раз. Результат все тот же: машина продолжает свой стремительный бег. Еще миг — и «хейнкель» нырнет в море.

В таких ситуациях инстинкт срабатывает быстрее мысли. Девятаев со всей силой вжал левую педаль тор-

моза и прибавил обороты правому мотору. Самолет резко повело в левый разворот с немыслимым креном вправо. Консоль правой плоскости взрезала землю, а колесо левого шасси поднялось вверх. Этот отчаянный пируэт «хейнкель» совершил у самой кромки обрыва. Винты работали, поднимая тучи пыли, которая застилала обзор, но все же Девятаев увидел, как море надвигается справа, несмотря на то что самолет съехал с полосы и правое колесо оставило глубокий след в грунте. Что теперь будет? Ну же... Ну же... Машина покачалась на двух точках — на правом колесе и хвостовом костыле — и нехотя, с сильным треском опустилась на левое колесо. Замерла.

Таких бешеных разворотов история авиации еще не знала. А если и знала, то это были не развороты, а катастрофы. Так разворачиваются разве что гоночные автомобили...

Треск левой стойки шасси озадачил: неужели сломалась? Но самолет ровно стоял на всех трех точках в двух метрах от обрыва над морем. Радость была недолгой. Надо было немедленно понять, почему самолет не поднимается в воздух? Что не так? Что давило на ручку управления?

— Володя! — крикнул он Соколову, стоявшему рядом. — Проверь хвостовое оперение: не остались ли где красные струбцины?

Соколов соскочил на землю и бросился к хвосту. Вскоре вернулся:

— Нет там никаких красных струбцин!

Что же тогда мешало подняться? Но думать об этом не было времени. Его теребили тощие руки пассажиров-невольников:

— Миша, взлетай же скорее! Немцы бегут!

Он и сам видел, как к ним бежали солдаты, оставив свои зенитные орудия и самолеты. Бежали, слава богу, без оружия. Видимо, хотели помочь экипажу «неисправного» самолета. Девятаев не торопился: пусть отбегут подальше от зениток, а он сейчас снова вырулит на старт и еще раз попробует взлететь. Правда, для этого придется проделать весь взлетный путь в обратную сторону на глазах всполошенных немцев. Взлетать же отсюда, с конца

полосы, взлетать в обратном направлении, по ветру, было бессмысленно. Раз уж самолет не смог подняться против ветра, то по ветру и вовсе шансы резко уменьшаются. К тому же впереди немало препятствий: ангары, радиомачты, лес...

Немцы подбегали все ближе и ближе: сорок метров, тридцать, двадцать...

— Миша, взлетай! Погибнем ведь к чертовой матери! — кричали из глубины фюзеляжа. Они уже не просили, они приказывали. И, заподозрив летчика в измене, кто-то уже приставил к его спине лезвие штык-ножа.

— А ну, гад, взлетай или... — рыжий парень приставил штык под лопатку пилота. — Ты что творишь, гад?! Ты почему не взлетаешь? Сдать нас, сука, хочешь?!

Девятаев сквозь зубы бросил Кривоногову:

— Ваня, успокой товарища.

Кривоногов уговаривать рыжего не стал, просто дал ему в ухо, свалив на пол кабины. Отобрал штык.

— Лезь, падла, в хвост и держи свои нервы при себе!

Остальные пленные помогли отогнать паникера подальше от пилотской кабины.

А немцы уже подбежали... Тяжело дыша, они окружали машину...

М. П. Девятаев:

«Через плекс кабины продолжаю наблюдать, как фашисты окружают самолет, не подозревая, что в нем не их летчики, а заключенные. Что-то кричат. Меня бросило в дрожь, волосы зашевелились на голове. Но не от страха, а от ненависти к проклятым мучителям... Живым они меня не возьмут, но если придется умереть, то дорого заплатят за наши жизни!

— За Родину! — крикнул я товарищам и, подавшись вперед, с силой сжимая штурвал и сектора газов, даю полный газ моторам, отпускаю тормоза. Самолет словно конь ринулся вперед на максимальной скорости, врезался в толпу гитлеровцев, давя их колесами шасси, рубя их лопастями винтов. Иван Кривоногов, как будто желая помочь самолету, кричал во весь голос:

— Руби их, гадов!.. Топчи сволочей!..»

Пока немцы опомнились и сообразили, что с самолетом что-то не так, пока били тревогу, захваченная машина, не уменьшая скорости, неслась, обгоняя ветер, по бетонированной дорожке к полосе старта. Не было никаких гарантий, что она взлетит со второго раза. У намеченной точки Девятаев развернул самолет против ветра, но уже не так лихо — с большим радиусом и с меньшей вращательной силой. Надо взлетать, пока по самолету не открыли огонь. И взлетать успешно. Третьего раза не будет. Либо в воздух, либо в море... Была не была!

Вопреки всем правилам взлета Девятаев дает полный газ — сразу же, на старте, — и отпускает тормоза. Все как в первый раз: «хейнкель» с душераздирающим ревом несется к морю...

Соколов влез в прозрачный обтекатель штурманской кабины — в самом конце носа, а Кривоногов с Кутергиным встали рядом с пилотом. Все замерли: что будет?!

Но проклятый «немец» ведет себя как и в первый раз — взлетать не хочет. «Ручка» штурвала не идет на себя — застыла в среднем положении, и кажется, что никакая сила не сдвинет ее ближе к груди.

— Ребята, навались! — просит летчик, и Кривоногов с Кутергиным со всей яростью наваливаются на штурвал.

Двое-трое не один. Не веря себе, Девятаев почувствовал, как хвост машины оторвался от дорожки... Теперь бомбардировщик бежит только на колесах шасси, а это значит... Это значит, что теперь есть шанс подняться в воздух. Теперь все заметили, что пол машины выровнялся. Ну же! Ну же!.. Газ на пределе, и скорость тоже — бегущая земля превратилась в смазанную линию. Подпрыгнули, еще раз, еще раз, еще... И на последнем толчке — отрыв от земли! Машина в воздухе! Море под самыми крыльями, но все-таки ниже их, колеса шасси едва не касаются белых гребней, но все же не касаются... Море и земля плавно уходили вниз, облака столь же медленно приближались... Самолет летел!!! И моторы работали ровно и мощно. Девятаев вовремя вспомнил, что моторы на предельной мощности долго работать не могут, и тут же сбавил обороты винтов. Впился глазами в панель: где курсоуказатель? Взлетная полоса выводила

самолеты на северо-запад, а лететь надо было совсем в другую сторону.

Тем временем до всех остальных воздушных беглецов дошло, что самолет летит, что ненавистная земля, остров смерти, остается позади. Все закричали «ура!». И кто-то затанул от наплыва чувств старую морскую песню — на новый лад:

Раскинулось море широко,
И тучи чернеют вдали.
Товарищ, летим мы далеко,
Подальше от этой земли.

Другие грянули «Интернационал» хрипылыми голосами:

Это есть наш последний
И решительный бой...

И лишь Володя Соколов разухабисто голосил свое:

Прости, прощай, подруга дорогая,
Прости, прощай, быть может, навсегда!

Он даже приплясывал на дюралевом полу:

Не забывай, подруга дорогая,
Про наши встречи, клятвы и мечты...

Вслед беглецам запоздало били зенитные батареи, экипажи дежурных истребителей поднимали свои «мессеры» в погоню. Но это все — вслед, но это все запоздало. Впереди же голубел простор воли, и с каждой минутой их машина уходила в него все дальше и выше...

Кривоногов и Кутергин, оставив руль, самозабвенно дирижировали пением «Интернационала». Но штурвал в руках Девятаева вдруг сам по себе стал переходить в положение набора высоты, навалился на грудь, еще минута — и самолет сорвется в штопор, вонзится в море...

— Давите на ручку!! Зачем отпустили!! — заорал он, оборвав торжественное пение.

Все поняли, что с самолетом происходит что-то неладное. Кривоногов и Кутергин бросились к Девятаеву

и стали давить на ручку управления с таким усердием, что «хейнкель», сделав «горку», перешел в пикирование. Новая беда и почти неотвратимое ныряние в море. Холодный пот пробил всех при виде, как стремительно приближается ледяная вода... Самолет почти падал, точнее — летел, как гарпун, готовый вот-вот вонзиться в серую гладь Балтики.

— Отставить! Перестаньте давить! — крикнул Девятаев.

Помощники отпустили ручку и стали ее слегка придерживать.

— Вот так, так хорошо!

У самого взморщенного ветром моря, едва не окунув в воду колеса шасси, самолет послушно выровнялся и принял горизонтальное положение. Зону смертельной опасности миновали. Надолго ли? Что еще поджидало их в небе? Ведь сумасшедший полет только начинался...

«Хейнкель» летел над белым морем облаков. И никаких примет: где север, а где восток?.. Хорошо еще, что ясно, где верх, а где низ...

М. П. Девятаев:

«Теперь я уже более спокойно подавал друзьям команды. Плавно начал набирать высоту и, поднявшись на 150—200 метров, перешел в горизонтальный полет. На сердце отлегло, а друзья все еще находились под впечатлением только что миновавшей опасности, они на все смотрели испуганными глазами, следя за каждым моим движением. А я продолжаю изучать рычаги управления, к которым все еще боялся притронуться. Правее сиденья нащупал рукой какое-то маленькое колесико. Повернул его несколько раз по ходу полета и почувствовал резкое уменьшение нагрузки на руки. Самолет плавно стал изменять направление в сторону земли. Радости моей не было границ. Это колесико оказалось штурвалом триммера руля высоты, который до сих пор был поставлен на посадку. Вот почему не взлетал самолет! “Хейнкель” стал послушным, управлять им стало легко одному.

— Отпустите руль, — команду помощникам, — больше мне не нужна помощь».

Они летели... Что там полет валькирий! Это было нечто иное — надмирное, величественное, торжествующее, грозное... Только мощная музыка органа могла бы передать тревожное мужество этих минут. И если бы я снимал фильм о Девятаеве, я бы обязательно наложил полет бомбардировщика на волны органного переливов с их ликующими выкриками и долгим басовитым рокотом, напоминающим гул воздушных моторов. Вот она, эта музыка, услышьте ее... Вот он, этот самолет, увидите его...

Высота 150 метров для любого бомбардировщика считалась предельно малой и потому была предельно опасной для него. Любая оплошность, ошибка на полтора метра была практически смертельной, ибо на принятие правильного решения оставались считанные секунды. Но именно этот нереальный «эшелон» высоты и спасал сейчас Девятаева, его друзей от другой смертельной опасности: истребители, посланные в погоню, искали его выше кромки облаков. Немецкие асы прекрасно понимали, что «хейнкели» на такой малой высоте не летают. Но Девятаев доказал обратное...

Глава пятая

«НАВЕДИТЕ МЕНЯ НА ВОСТОК!»

Пенемюнде... Офицерская столовая. Командир Хе-111 майор Густав фон Брюме не торопясь допивал кофе.

— Густав, кто это у тебя сейчас, как ворона, взлетел? — спросил его комендант, стоя у окна с дымящейся чашечкой.

— У меня никто взлетать не должен.

— Как это не должен, когда я своими глазами сейчас видел! Проверь своих!

— Лео, ты испортил мне обед.

Брюме выбежал на стоянку, где только что стоял его самолет. Он ошарашенно огляделся: на бетонке одни чехлы, брошенная стремянка, деревянные колодки и аккумуляторная тележка. Он не мог осознать случившееся:

ладно, чемодан на вокзале украли, но украсть самолет?! Такое не укладывалось в голове... Пока он соображал, протяжно завывали занудные сирены, возвещающая воздушную тревогу.

Комендант авиабазы кричал в микрофон:

— Гюнтер, догнать «хейнкель» и уничтожить! Его угнали эти русские сволочи!

Обер-лейтенант Гюнтер Хобст с Железным крестом воздушного аса прогревал в кабине истребителя мотор.

— Вас понял! — отвечал он, прижимая ларингофоны. — Куда они полетели? Направление?

— Они скрылись по направлению взлетной полосы. А там... Скорее всего... — Комендант бросился к висевшей на стене карте Балтийского моря. — Скорее всего, двинут в Швецию. Тут им полчаса лета, и никто не со-
бьет.

— Вас понял! Прошу разрешение на взлет!

— Взлет разрешаю! Да лети же ты, наконец, черт побери!

Комендант проводил глазами истребитель Гюнтера Хобста и снова вернулся к карте, у которой стоял начальник штаба авиабазы.

— Ну куда они могли полететь, как не в Швецию? — рассуждал он. — Они же не такие идиоты, чтобы переться на свои зенитки, на свои истребители.

— И все же на всякий случай надо предупредить Дитриха, — сказал начальник штаба. — Он прикрывает конвой из Восточной Пруссии.

— Да, пожалуй, ты прав. Срочно свяжи меня с ним...

Оба переходят в помещение радиостанции. Радист передает наушники коменданту:

— Майор Дитрих на связи.

— «Коршун», «Коршун», я «Гольфстрим». Важное сообщение. Если встретишь в воздухе наш Хе-111, немедленно атаковать и сбить. Бортовой номер двести семьдесят восемь. На фюзеляже эмблема Гюнтера — вензель «А» и «G». Ты меня понял?

— «Гольфстрим», я «Коршун». Вас понял: атаковать и уничтожить Хе-111, бортовой номер двести семьдесят восемь, с эмблемой «А. G».

«Коршун» поднялся в небо. Но на этом ЧП на острове не закончилось.

Все работы на Узедоме и в Пенемюнде были прекращены. Рабочие команды заключенных конвоиры в спешном порядке пригнали в лагерь. Узников построили на аппельплаце и заставили стоять по стойке смирно. Между рядами измученных людей рыскали охранники со списками и производили переключку, которая до того повторялась много раз подряд. Не отозвались десять человек.

— Где спрятались эти негодяи?! — допытывались лагермейстеры у заключенных. — Будете стоять до тех пор, пока не скажете! Все, кто знает и не говорит, будут повешены!

На ни в чем не повинных людей сыпались палочные удары, пощечины, тумаки... Русских выводили из строя и жестоко избивали прикладами, топтали ногами, угрожали расстрелом, если они не скажут, где находятся те, которых не хватает по спискам. В ответ — ледяное молчание. Никто не произнес ни звука, не издал ни одного стога.

Все знали, где находятся их десять пропавших товарищей. Все. Лагерь с быстротой молнии облетела весть о побеге группы русских военнопленных на захваченном бомбардировщике. Еще лучше знали об этом гитлеровцы, но старались не произносить эти слова, боясь надоесть и других на подобный побег. В каждом русском доходяге им мерещился теперь затаившийся летчик, который при первом же удобном случае ворвется в кабину самолета и улетит. Поэтому охранники делали вид, что ничего такого не случилось, что отсутствующие спрятались где-то на острове якобы с тем, чтобы потом переплыть пролив... Это была официальная версия исчезновения десятых пленных.

Тяжело было стоять раздетым и голодным людям под проливным дождем со снегом, но в этот раз им было легче переносить истязание, почти у всех глаза светились радостью: «Наши-то утерли нос фашистам! Выходит, и мы кое-что можем»... Они гордились успехом Девятаева и его команды как своим собственным, восхищались дерзостью товарищей: среди бела дня на глазах у сотен

охранников захватили новейший бомбардировщик и улетели на родину! По всем понятиям выходило, что они уже там — долетели!

Всю ночь заключенных держали на плацу, пока не получили указания из Берлина. Потом снова начались зверские расправы, вымещение злости на невинных людях. Стойко и мужественно держались заключенные, перенося пытки, голод и издевательства.

Спустя годы из немецких архивных источников стало известно, как развивались события на острове после угона «хейнкеля».

...На пятый день после побега Девятаева и его товарищей в Пенемюнде неожиданно приехал сам рейхсмаршал Герман Геринг. Ввиду серьезных разногласий по использованию ВВС, которые с 1943 года начали происходить у него с Гитлером, маршал все чаще разъезжал по аэродромам Германии, «чтобы посмотреть в глаза этим молодчикам-летчикам», пояснял он, а также «задавать им перцу», показывая, что он, Герман Геринг, все еще при полной власти... А тут этот неслыханный случай кражи бомбардировщика с родного аэродрома.

Приехал Геринг в черном «мерседесе». На «зиг хайль» командира авиаполка ответил небрежным жестом руки. Группенфюрер СС (генерал-лейтенант) Булер, прибывший с маршалом, тоже проигнорировал салют майора.

Схватив командира полка за отвороты френча, Геринг тряс его изо всех сил и кричал, задыхаясь от гнева:

— Вы — дармоед, дебил, саботажник!.. Кто разрешил вам брать пленных русских летчиков в команду аэродромного обслуживания?!

Чуть позже он орал и на летчиков:

— Вы — сволочи и негодяи! Вы дали украсть бомбардировщик каким-то вшивым русским военнопленным! За это поплатятся все... Не надейтесь, что кому-то удастся увильнуть!

Сопровождавшие Геринга авиационные генералы не промолвили ни слова в защиту своих подчиненных. Геринг бесновался, как сумасшедший. Когда командир части попробовал что-то объяснить, маршал заорал на него:

— Придержите свой язык, вы, пособник беглецов! С этой минуты вы, майор, лишены своего поста и разжалованы в рядовые. Вы и ваши дерьмовые летчики еще почувствуете мою руку! Раньше, чем зайдет солнце, все вы будете расстреляны. Я назначаю военный суд люфтваффе...

Началось скоропалительное следствие, которое рьяно проводил группенфюрер Булер. Он сорвал с коменданта концлагеря погоны и орденские ленточки, объявил его арестованным и преданным военному суду. Та же участь постигла нескольких солдат из лагерной охраны и авиационной части. Арестованные были посажены в карцер, а командир части — под домашний арест. Лишь пилот «фокке-вульфа», преследовавший Хе-111, сумел оправдаться: он не имел боеприпасов, так как только что вернулся из боя.

Закончив следствие, Геринг, крихтя, полез в «мерседес», крикнув своему водителю:

— Пошел! Увези меня прочь из этой навозной ямы!..

На следующий день в Пенемюнде приехали эсэсовские военные судьи. Бывший комендант лагеря, четыре эсэсовца из охраны и несколько солдат были приговорены к расстрелу. Их тут же посадили в грузовик и увезли в неизвестном направлении. Лишь командир авиачасти был освобожден из-под домашнего ареста по личному приказу Гитлера, когда тот узнал о «цирке», устроенном Герингом в Пенемюнде.

Полет продолжался в самых неблагоприятных условиях. Его очень усложняло незнание чужой машины. Девятаеву пришлось не только вести самолет, выдерживая курс, но и изучать машину в полете, выяснять, какая кнопка на приборном щитке для чего предназначена. Вот это, ясное дело, высотомер — «Höhenmesser», или альтиметр. А это «Landeklappen» — закрылки. Курсоуказатель и авиагоризонт он угадал сразу, они в любом самолете стоят, вот только называются по-немецки заковыристо: «Kursanzeige» и «Künstlicher Horizont». А впрочем, вполне понятно: «курс» и «горизонт»...

А это что за хрень такая? Ишь как длинно-то, сразу и

не прочтешь: «Drehzahlanzeige für rechten Motor». «Пехтен мотор» — это правый мотор. А! Это же указатель оборотов правого мотора! Запомним!

Любая ошибка грозила катастрофой. «Vorsichtig!» — «Осторожно!». «Vorsichtig!» «Vorsichtig!» «Vorsichtig!».. Теперь все зависело от выдержки русского летчика, его собранности и смекалки.

— Володя! — призывал Михаил Соколова. — Ищи кран уборки шасси! Как по-немецки «шасси»?

— «Fahrwerk». Фахверк.

Тем не менее убрать шасси так и не удалось, кнопка с надписью: «Fahrwerk reinigen» (убрать шасси) на глаза упорно не попадалась, и «хейнкель» летел как «юнкерс»-лапотник — с растопыренными стойками. Встречный воздушный поток вращал колеса, снижал скорость...

Покидая Пенемюнде, Девятаев засек взлет истребителей. Обгоняя друг друга, «фоккеры» разлетелись в разных направлениях, видимо, намереваясь атаковать беглый «хейнкель» со всех курсовых углов. Отбиваться было нечем. Правда, из штурманского обтекателя торчал универсальный пулемет МГ-42, но были ли к нему ленты?

Стал набирать высоту. Вдруг Соколов, наблюдавший за воздухом, вскрикнул:

— Миша! Самолет!

М. П. Девятаев:

«Оглянувшись, я увидел “фокке-вульф”. С минуты на минуту он мог открыть пулеметный огонь. Но не успел он догнать нас, как наш самолет вошел в облака. Преследователи потеряли нас из виду. Но мы оказались в ужасно критических, опасных условиях “слепого” полета. Если в обычном полете нелегко справиться с незнакомой машиной, то нетрудно понять, каково мне было теперь... В кабине стало темно, как ночью, даже широкие крылья были еле-еле видны. Сделал плавный левый разворот с целью ввести в заблуждение преследователей. Время тянулось медленно. Дрожь охватила меня. Состояние было такое, как перед смертью... Впиваюсь глазами в приборную доску; стараюсь как можно плавнее вы-

полнить разворот, но несоразмерные действия моих неуверенных, дрожащих рук и ног только ухудшают режим полета. Самолет вошел в скольжение...»

Вид облаков сквозь фонарь боевого самолета совсем иной, нежели тот безмятежный облачный ландшафт, наблюдаемый из иллюминатора рейсового самолета. Для военного летчика он полон особого смысла и особенной тревожной красоты. Облака — это не только укрытие для твоего самолета, они могут таить и смертельную опасность: ведь вражеская машина может вынырнуть из них с неожиданностью шуки в реке. Заоблачные равнины, наконец, это может быть то последнее, что останется в глазах убитого летчика...

И вдруг стало светло... Самолет быстро сваливался на левую плоскость. Резким движением штурвала Девятаев перевел его в нормальный полетный режим. Теперь бы снова уйти в облака, спрятаться там от воздушной погони... Но слепой полет для неопытного пилота опасен. Потеряв ориентировку — авиагоризонт вышел из строя? — Девятаев снова пикирует в море. Потом вовремя уходит в облака, и все повторяется снова и снова... Укачавшиеся «пассажиры» молча принимали все превратности воздушной судьбины... Будь что будет...

Да, в слепом полете, в облаках, можно легко сорваться в штопор. Лучше не рисковать. И Девятаев принимает решение лететь под нижней кромкой облаков, как он часто делал на санитарном «тихоходе» У-2. А в случае угрозы сразу же скрыться в небесном тумане. Облака рваные. Самолет то входит в белесую пелену, то вдруг снова открываются белые гребни Балтийского моря. С каждой минутой такого полуслепого полета лететь становилось все сложнее и сложнее. Метеоусловия резко ухудшались, облачность опускалась все ниже, придавливая «хейнкель» к воде. А вот уже и моря не видно. Оно слилось с облаками, и теперь самолет как бы застыл в перевернутой белой чаше. Вот уж точно: ни дна ни покрывки... Высотомер все время показывал снижение. Наконец стрелка остановилась на делении «0» метров. Полет над

самой водой. Но где она, эта вода?! В такой непроглядности и на столь малой высоте можно врезаться в любой остров, благо их на Балтике как пшена на лопате. Маяк можно задеть, вышку, мачту... Что же делать?

Девятаев принимает решение: во что бы то ни стало пробить облачность, иначе всем крышка. Конечно, над облаками их могут засечь истребители, посланные в погоню. Но ведь и полет вслепую может оборваться в любую минуту.

«Слепой» полет опасен сам по себе. Хорошо, когда ты можешь ориентироваться по приборам. А когда приборов нет, то есть они есть, но ты их не нашел, и это значит, что их перед глазами нет. Облака для летчика все равно что лес для пехоты — возможность спрятаться. Но когда глаза застилает ватная пелена, то маскировка уходит на второй план. Тут главное, чтобы в этой белой «слепоте» не свалиться в штопор. И Девятаев решительно потянул ручку на себя. Стрелка альтиметра снова поползла вверх...

М. П. Девятаев:

«Начал набирать высоту. Еще темнее стало в кабине. Все мое внимание сосредоточено на приборной доске. Самолет послушно метр за метром поднимает нас вверх. Но нам кажется, что мы вот-вот врежемся в землю... Прошло пять минут, а коварное облако становится все плотнее. Мы ждем, когда оно кончится, а ему нет и, кажется, не будет конца. Вокруг сплошная ночь. Руки и ноги уже одеревенели от напряжения. Сколько времени мы летим вслепую, не представляя, где верх, где низ, — десять, двадцать, тридцать минут? Не знаю. Каждая минута нам представляется вечностью...»

Вдруг, как свет в конце тоннеля, на миг блеснул солнечный луч, и снова наступила темнота. Но и этого мгновения хватило, чтобы убедиться, что полет нормальный. Еще немного, и самолет вырвется из облаков. Но как же тянутся эти секунды ожидания... На вылете из облаков «заслезились» заклепки. Самолет в холодной испарине.

Пробили слоистые облака и «всплыли» из океана серой пасмури в ослепительный солнечный мир с пронзительной синевой неба и голубоватой белизной облаков.

— Солнце! — вскрикнули все в один голос, когда «хейнкель» вырвался из серого сумрака и крылья его вспыхнули серебром в ярких солнечных лучах. Люди, измученные немилосердной игрой, в которой неминуемая смерть вдруг сменялась нечаянной удачей, восприняли этот взрыв света как величайшее торжество жизни.

Солнце!

У многих повлажнили глаза, кое-кто украдкой смахивал слезу задубелыми пальцами, прятал мокрые щеки от глаз товарищей... Солнце...

Жаркие лучи пробивались сквозь плексиглас и словно материнские руки согревали под полосатыми куртками худые тела смертников. Кажется, впервые за все минуты этого сумасшедшего полета пришла твердая уверенность: вырвались, а значит — проживем еще... Но ликовать было рано. Теперь любой встречный самолет, будь он немецким или советским, мог атаковать «хейнкель». На его широких крыльях чернели тевтонские кресты в белой обводке. Но и они не спасут, если из Пенемюнде уже дали оповещение по всему воздушному пространству: сбить одиночный «хейнкель» с бортовым номером таким-то. Советские же летчики, естественно, сразу среагируют на опознавательные знаки люфтваффе. Так что опасаться приходилось и своих и чужих... Но главное — определиться с курсом: куда летим?

Швеция — рядом. Но приземляться в Швеции Девятаев не хотел. Во-первых, шведы, несмотря на провозглашенный нейтралитет, тайно помогали Германии и с рудой, и с редкоземельными металлами, весьма сочувствовали Гитлеру в его движении на восток, мало ли как воспримут они их незаконный по всем международным понятиям перелет. Во-вторых, Швеция — капиталистическая страна, а это значит, что на родине к ним проявят известное недоверие... Нет, лететь надо к своим — через линию фронта и сразу же садиться, пока не сбили советские зенитки... Хорошо бы еще знать, где она, эта линия фронта...

Девятаев взглянул на часы, захваченные у убитого конвоира, сориентировал их по солнцу и понял, что держит курс вовсе не на восток, как ему казалось, а на северо-запад, на Британские острова. Тут же развернул машину на восток. Благо бензина в баках достаточно: топливозаправщики не поскупились. Пожалуй, до Москвы хватит. Хватит, если свои не собьют. Эх, карту бы найти да толкового штурмана к ней.

— Ребята, ищите карту, — обратился он к «экипажу», — она должна быть где-то в кабине. Наведите меня на восток!

Карту и в самом деле нашли. Но это была карта Западной Европы, на ней даже Польши не было. А войска-то наши давно уже там. Эх, теперь опять придется лететь по солнышку — лапоть влево, лапоть вправо...

«Ну уж мимо Родины не пролетим!» — подбадривал себя Девятаев.

В прорыве облачности вдруг обозначился караван немецких судов, шедших под прикрытием истребителей. Их летчики успели засечь беглый «хейнкель» и тут же повернули к нему.

Им ничего не стоило сбить безоружную машину. Девятаев не сомневался, что истребители получили сообщение по радио о беглом «хейнкеле» и теперь шли на расправу.

— Всем укрыться в фюзеляже! — приказал он своему «полосатому экипажу». «Мессершмитты» прошли над «хейнкелем» в 20—30 метрах. Видны были даже обозленные лица асов. Секунда-другая — и полоснут по кабине из всех своих пулеметов. Девятаев даже съехался, ожидая смертельного удара в спину. Но... Никто не стрелял.

И вдруг над облаками вспыхнула радуга — зимняя радуга! — а под ее аркой засияло гало — ложное солнце. Радуга — это всегда к счастью. Мама так говорила. Акулина Дмитриевна... Где она — мама?

Пенемюнде. У рации — комендант в наушниках. Он жадно ловит каждое слово пилота истребителя, догоняющего беглый «хейнкель». За его штурвалом из-

вестный — полковник Вальтер Даль, кавалер Железного креста 1-й степени и еще множества высших наград. Он докладывает:

— «Гольфстрим», я «Коршун»! Вижу цель. Бортовой номер совпадает. Атакую!

Они идут друг другу лоб в лоб, и Девятаев ясно видит, что немецкий истребитель лег на боевой курс. Сейчас грянет очередь, и... Но что это? Истребитель не стреляет. Он проносится так близко, что на секунду летчики видят лица друг друга.

Молчание в эфире убивает коменданта, он яростно жмет тангенту рации:

— «Коршун», немедленно атакуй его! Можешь его не опасаться! У него нет боеприпасов.

— «Гольфстрим», у меня тоже нет боеприпасов! Я только что вышел из боя пустым.

— Мерзавец! Они же уйдут!

Истребитель Вальтера Даля развернулся и ушел к каравану.

Девятаев так и не узнал, почему в него не стреляли. Закончились боеприпасы? Так иди на таран. Но на исходе войны идти на таран асу Даля никак не хотелось. Опять судьба была милостива к Девятаеву. Поиграла до нервной дрожи и отпустила. До следующего — которого уже по счету? — испытания.

Глава шестая

ЖЕСТКАЯ ПОСАДКА

Оба пропеллера исправно рубили воздух. «Хейнкель» шел на восток с хорошей скоростью, и вскоре вдали показался плоский берег Балтийского моря. Какой-то залив, кто его знает — какой? Не важно, главное, что под крыльями проплывала суша, земля... Чья земля? Да кто ж ее знает...

Девятаев вглядывался в незнакомую местность, расчерченную на узкие и ровные земельные полосы. Мелькали красночерепичные крыши — то ли немецких, то ли уже польских домиков.

М. П. Девятаев:

«Впереди ясно обозначилась линия фронта. Грудь распирает от радости и счастья: еще немного — и мы будем на родной земле, среди своих, советских людей! Но радость сменилась новой тревогой. Откуда-то неожиданно вынырнул “фокке-вульф” и привязался к нам. Фашистский летчик, летевший со стороны фронта, наверно, был удивлен: что за странный тип летит к линии фронта с выпущенным шасси? Он поднялся выше нас и нахально стал заглядывать ко мне в кабину. Очевидно, его удивление было еще большим, когда он увидел за штурвалом немецкого самолета летчика в диковинной полосатой форме. Он все кружился и смотрел на меня как на обезьяну. А у нас дух захватывало от его любопытства. Сейчас, думаем, даст сразу со всех пулеметов, и конец нам. Жизнь наша висела на волоске. Когда фашист в третий или четвертый раз повис надо мной, вокруг нас стали рваться снаряды зениток. Это советские батареи встречали вражеские самолеты. “Фокке-вульф” оставил нас и пошел на запад».

Вот уж точно: беда одна не приходит. А тут целый хоровод бед, не успеваешь провожать одну, как подоспевает другая. Белые облачка рвущихся зенитных снарядов вспыхивали вокруг «хейнкеля» то тут, то там. Осколки врезались в кабину, в фюзеляж, дырявили плоскости.

Соколов сидел в соседнем кресле и нервно напевал:

Прости, прощай,
Подруга дорогая.
Прости, прощай,
Быть может, навсегда...

Девятаев не выдержал, крикнул Соколову:

— Заткнись! И без тебя тошно!

Он бросал машину из стороны в сторону, пытаясь сбить зенитных наводчиков. Соколов петь перестал, но при этом твердил как заклинание:

— Только б не попали! Только б не попали! Только б не попали...

Попали!

Самолет вздрогнул от сильного удара. И тут же за спиной Девятаева закричал Кривоногов:

— В правом крыле пробило дыру больше метра!

Ему вторил Кангунов:

— Правое шасси перебило!

Новый вскрик Кривоногова:

— Двоих ранило!

— Миша, садись скорее, пока наши ястребки не прилетели!

Легко сказать: «садись быстрее». Садиться на целину можно только на брюхе. А тут левая стойка шасси торчит. Как ее убрать? Блефовать так блефовать — сломать ее к чертовой матери ловким ударом о землю. Задача для мастеров воздушного цирка. Но деваться некуда — была не была! Уж такой сегодня день... Может, и в этот, десятый раз, повезет?!

Девятаев крикнул в грузовой салон:

— Внимание! Иду на посадку! Держитесь друг за друга — тряханет сильно!

Переваливаясь с крыла на крыло, самолет терял высоту... Под крылом — полупрозрачные зимние леса. Вот перемахнули через перелесок. Пошла земля... Земля, изрытая артиллерией мировой войны.

А вот и поле — стелется под крыльями... Теперь — Господи, помоги!

Девятаев делает резкий короткий зигзаг в метре от земли, подламывает стойки шасси. Теперь самолет скользит на брюхе, подминая под себя кусты, островки снега, раскисший грунт крестьянского поля. В салоне все летит вверх тормашками.

— Сели!!!

Проехав с грохотом и треском по земле днищем, «хейнкель» навсегда замер, завершив свой последний полет. Но его пилот и пассажиры были живы.

Девятаев вытер испарину с лица скомканной робой и тут же натянул ее на себя — холодно, однако. «Пассажиры» с синяками и ссадинами пустились в радостный пляс, обнимали друг друга, горланили песни. Некоторые бросались на землю и целовали ее.

Девятаев прикрикнул на них:

— Тише, черти полосатые! Я не знаю, где мы сели. Может быть, тут немцы... Вон, похоже, нас уже окружают. Снять пулемет! Уходим в лесок...

По дальнему краю поля растянулись черные фигурки солдат. Кто они — определить было трудно. Один за другим беглецы бросились к рошице. Кривоногов и Соколов несли снятый с турели курсовой авиационный пулемет. Девятаев бежал с немецкой винтовкой, доставшейся от охранника.

— Хальт! — кричали из оцепления. — Хенде хох!

— Ну точно, к немцам вляпались! — плюнул в сердцах Девятаев. — Эх, не дотянули малость... Пулемет к бою!

Все залегли. Девятаев прицелился:

— Подпустим поближе...

Из подступающей цепи донеслось:

— Фри-и-цы, сдавайтесь, мать вашу! Гитлер капут!

— Наши! — просиял Кривоногов.

Он вскочил из-за пулемета, запрыгал, заорал:

— Братцы, мы свои! Не стреляйте! Мы от немцев сбежали! Не стреляйте!

Подбежавшие пехотинцы с удивлением разглядывали черные кресты на крыльях изрешеченного «хейнкеля», истощенных людей в грязных полосатых робах...

— Самолет угнали?! Ну вы даете...

— Качай их!

Так на руках солдаты и отнесли всех девятаевцев в ближайшую польскую деревню — Голлино, доставили прямо в полковую столовую. Благо полк был выведен с передовой на отдых во второй эшелон и продовольствия было вдоволь. Здесь же располагались позиции дальноточной артиллерии Войска польского. Жаль только, летчиков не было. Те оценили бы все в полной мере...

В столовой было шумно и весело, как на большом нечаянном празднике.

М. П. Девятаев:

«Мои друзья по перелету находили земляков, беседовали с ними о родных местах. Иван Кривоногов встретил солдата из Горьковской области. Володя Немченко

оживленно разговаривал с белорусом, сибиряк Петр Кутергин обнимался с бойцами из Новосибирской области, Михаил Емец делился своими переживаниями с украинцами. Нас окружили казахи, татары, узбеки, грузины. Все они были для нас как родные братья.

И вот уже не верится, что два часа назад мы были во вражеском плену, будто все пережитое нами — кошмарный сон».

А в покинутом Пенемюнде творились невеселые дела...

Только с годами стало известно, что угнанный Девятаевым самолет Хе-111 был подарен Вернеру фон Брауну лично авиаконструктором Эрнстом Хейнкелем. Подарен специально для проведения исследовательской работы в ракетостроении. И потому на его довольно обширном борту располагалась целая лаборатория аппаратуры дистанционного слежения за стартом и полетом ракет. Все параметры взлетающих «фау» фиксировались самописцами, и, таким образом, бумажные ленты содержали бесценную для Вернера фон Брауна телеметрическую информацию. Заменить летающую лабораторию было нечем: «хейнкелей»-бомбардировщиков было много, но среди них не было воздушных постов по управлению ракетными стартами и изучению траекторий. Таким образом, Девятаев надолго (если не навсегда) прервал напряженную испытательскую работу, сорвал и без того критические сроки создания «оружия возмездия», на которое так рассчитывала гитлеровская клика. Вот почему так страшен был гнев фюрера и его приспешников. Вероятно, Девятаева внесли в список личных врагов Гитлера.

Неизвестно, насколько пригодился этот информационный клад советским ученым. Но хочется думать, что и наши специалисты-ракетчики кое-что из него почерпнули...

А пока в заброшенном капонире эсэсовцы вкопали три столба. К ним привязали начальника лагеря, начальника охраны и командира угнанного самолета майора фон Бреме.

Пока военный капеллан в фиолетовой накидке чи-

тал им выдержки из Евангелия, командир расстрельного взвода завязывал приговоренным глаза черными повязками. Потом скомандовал:

— Ахтунг!

Взвод вскинул винтовки.

— Файер!

Залп. Тела расстрелянных обвисли на столбах.

Так пришло на остров смерти первое возмездие...

Пока беглецы в наброшенных ватниках и шинелях отогревались у печки, пили из жестяных кружек горячий чай и отводили душу в разговорах, командир полка, молочавый, но, судя по наградам, бывалый майор, докладывал по полевому телефону в штаб дивизии:

— Здесь они, товарищ полковник, у меня. Десять человек, из них три офицера... Так точно! Охрану у самолета выставил. Да только ему уже больше не летать — весь в решето и винты погнуты... Есть отправить! Понял вас — под конвоем.

Майор положил трубку, вошел в столовую:

— Ну всё, орлы, хорош чай пить! Вас в штабе дивизии ждут. Построиться для перехода!

В штаб дивизии их провожали под конвоем. Но никто не придавал этому особого значения. Просто шли рядом свои родные бойцы и показывали дорогу... Полковник, вышедший им навстречу, был поражен изможденностью беглецов, их неимоверной худобой. Выстроившись в шеренгу, они, как положено, представлялись ему. Теперь они были не пленными, теперь они были военными людьми, даром что вместо гимнастерок все еще были облачены в полосатые лагерные робы. Первым шагнул вперед Михаил:

— Гвардии старший лейтенант Девятаев.

За ним представился Кривоногов:

— Лейтенант Кривоногов.

Затем все остальные:

— Лейтенант Емец.

— Красноармеец Соколов.

— Красноармеец Кутергин.

— Красноармеец Урбанович.

- Красноармеец Сердюков.
- Красноармеец Олейник.
- Красноармеец Адамов.
- Красноармеец Немченко.

Полковник вглядывался в их полумертвые, но все же счастливые лица, и никак не мог поверить, что эти доходяги смогли захватить, поднять в воздух тяжелый бомбардировщик и перелететь через линию фронта...

— Сначала в госпиталь! — распорядился он. — Потом все остальное.

«Все остальное» началось после госпиталя, когда беглецы были переданы в армейский отдел Смерша для дальнейшего разбирательства.

М. П. Девятаев:

«После побега мною, моими друзьями по экипажу особо не восторгались. Скорее наоборот. Мы подверглись довольно жестокой проверке. Длительной и унижительной...»

Теперь все казалось нелепым сном: летели из одних застенков к своим, а попали в другие застенки — и тоже к своим. И то, что охранники и следователи — свои, советские, было еще более тягостным. Если бы на них кричали немецкие лагермейстеры, тогда понятно. А свои-то за что?! Тем не менее беглецы из Пенемюнде старались сообщить полезные для командования сведения.

Из протокола допроса Ивана Кривоногова:

«Аэродром был большой. На нем в основном проходили испытания новых моделей самолетов и летающих снарядов “Фау-1”, “Фау-2”, были самолеты Хе-111, Ю-88, До-217, истребители “Фокке-Вульф”, реактивные истребители... Самолетов на аэродроме было до 30 единиц...»

Из протокола допроса капитана М. К. Курманова, командира 2-го батальона 1067-го стрелкового полка 311-й стрелковой дивизии 61-й армии 1-го Белорусского фронта, в расположении которого сел самолет, пилотируемый Девятаевым:

«8 февраля 1945 года примерно в 14 часов я заметил, что с северо-запада деревни Голлин, где находится штаб 2 батальона, летит немецкий двухмоторный самолет. Примерно в 3—4 километрах от деревни Голлин на высоте 300 метров самолет был обстрелян одиночными артиллерийскими выстрелами (по-видимому, советской зенитной батареей), затем шел снижаясь. Над деревней Голлин самолет шел на высоте 150 метров, затем стал резко снижаться, выпустил шасси и сел на поле между двумя высотками. При этом от толчка шасси подломилось, и самолет на шасси пополз на «брюхе» по земле. В это время оторвалось хвостовое оперение и правый мотор. Сразу после посадки я послал людей к самолету. Еще до того, как мои люди подошли к самолету, один человек вышел из самолета и пошел в сторону шоссе на Шлоппе (ныне польский город Члопа. — *Н. Ч.*), затем из самолета вылезли еще двое и пошли примерно в том же направлении, но отошли недалеко, т. к. были остановлены охраной.

Остальные семь человек, прилетевшие в самолете, оставались в машине и вылезли оттуда тогда, когда к самолету подошли красноармейцы. Летчик самолета (русский) объявил, что он ранее служил в авиации вместе с Покрышкиным, а сейчас бежал из немецкого плена на самолете.

Все прилетевшие на самолете чувствовали себя спокойно, рассказывали о своем пребывании в плену у немцев, об издевательствах немцев над ними.

Летчик самолета объяснил причину посадки тем, что не хватило бензина, и при этом заявил, что он думал, что на месте посадки не найдет русских. Однако после посадки выяснилось, что бензина в самолете еще много.

В момент пролета над деревней Голлин оба мотора «Хейнкель-111» работали исправно. Один из прилетевших заявил, что после приземления он выбросил из самолета винтовку, однако мы эту винтовку не нашли».

Узедом не раз бомбили и англичане, и американцы, но — увы! — до цели так и не добрались: громили ложные аэродромы с бутафорскими «самолетами». Точные

координаты этих «неуязвимых» целей сообщил Девятаев, когда его вызвали к командующему 61-й армией генерал-лейтенанту Белову:

— Немцы прятали свои стартовые столы в лесочке, что проходил в двухстах метрах от кромки моря. Деревья этого «леса» крепились на платформах, стоявших на роликах, и после старта «фау» платформы сводились вместе так, что секретные объекты мгновенно исчезали из поля зрения авиации.

Белов вызвал командующего армейской авиацией, показал на карте «лесок» — и бомбардировщики, советские и британские, почти пять дней подряд молотили стартовые площадки, или, как их называли, «заповедник Геринга» и в хвост и в гриву.

А человек, представивший бесценную информацию, все еще пребывал в кабинетах Смерша.

Смершевцы, искушенные в самых тонких хитростях абвера, не могли поверить в угон самолета с секретнейшего аэродрома, фактически с ракетодома. «Хейнкель» это все же не автобус — сел да поехал. С трудом в это верили и профессиональные летчики (жаль, полковника Покрышкина не спросили). Ну не мог летчик-истребитель, сев за штурвал тяжелого бомбардировщика, поднять его в воздух, пилотировать в сложных метеоусловиях, совершать противозенитные маневры, а потом сесть на необорудованную полосу, точнее — голое поле. Все, как один, твердили: не мог, не мог, не мог... А Девятаев смог! Вот только никто не хотел верить в его победу над врагом, непогодой, хитроумной авиатехникой, над всеми превратностями судьбы.

Легко представить такой диалог в отделе Смерша.

Подполковник и капитан обмениваются мнениями:

— Абвер совсем охренел... Придумали хохму: забросить внаглую — самолетом! — целую диверсионную группу! Десять человек под дурака нам всучить. И самолета не пожалели!

— Для диверсантов они тощеваты будут, — возразил капитан. — Живые скелеты.

— Так на то и расчет, что мы их пожалеем и примем

как несчастных и родненьких! На свою голову. Чуют немцы свой конец вот и идут на любые авантюры. Вот вам подарочек — целый самолет предателей. То есть якобы беглецов. Наверняка все из власовцев. У него ведь, гада, у Власова, и своя эскадрилья есть, нашими же летунами укомплектованная.

— Нестыковочка одна есть. Под это дело немцы бы обычный самолет взяли, да еще полусписанный. А здесь новейшая машина, да еще черт знает какой аппаратурой напичканная.

— Так это они для таких простаков, как ты, старались. Ясно же, что старый самолет не жалко. А тут вроде как побег — настоящий. Им же тоже правдоподобие нужно.

Капитан отмалчивался.

— Ну что молчишь? — наседали на него коллеги. — Тебе голова, чтобы жевать, дана? Включи мозги! Не бывает столько счастливых случайностей подряд: охранника замочили — никто не заметил, самолет им на полосе бросили, а баки под пробку заправили, и аккумуляторы в ангаре, как по заказу, оказались. А потом их истребитель перехватил, но стрелять почему-то не стал, и так далее... Все это сказки Венского леса. В жизни так не бывает!..

Из рапорта начальника отдела Смерша 61-й армии полковника Мандральского:

«Допросы задержанных ведем в направлении изобличения их принадлежности к разведывательным органам противника. Наибольший интерес из числа прилетевших представляет летчик, пилотировавший “Хейнкель-111”, Девятаев...»

Глава седьмая

АБВЕР ЗДЕСЬ НИ ПРИ ЧЕМ...

Кабинет начальника Смерша. Девятаев понуро сидит на стуле. Военный следователь расхаживает по кабинету, то натягивая на правую кисть черную кожаную перчатку, то стягивая ее...

— Слышь, старшой, я тебя понимаю. Конец войны, всем жить хочется. Вот ко мне сейчас очень много из за-вербованных приходят сдаваться. С повинной приходят. Так, мол, и так, подписали вербовку, чтобы только через линию фронта перебраться. К своим, значит, попасть. И я понимаю: это такая форма побега из плена. Понимаю... Мы таким минимальные сроки даем: пять лет — и гуляй Вася! И ты «детский» срок получишь. Только честно скажи: подписал вербовку? Ну подписал ведь... При-знайся!

— Нет. Никуда меня не вербовали. Ничего не подписывал.

Полковник натянул черную перчатку и — ударил Девятаева в подбородок.

— Не мужское это дело — безоружного бить, — выдохнул Девятаев.

— Не мужское дело Родину продавать!

И снова удар в лицо...

От этого можно было повредиться в уме: снова немецкий лагерь! Даром что *бывший* немецкий. Но те же бараки, вышки, нары, колючая проволока. Правда, были и отличия: кормили несколько лучше, в коридорах висели советские плакаты: «Дойдем до Берлина!», «Добьем фашистскую гадину в ее логове!»... Здесь, в фильтрационном лагере, фильтровать умели и довольно быстро отделяли зерна от плевел. Всех бойцов, прилетевших на борту «хейнкеля», быстро проверили и отправили на фронт в линейные части. Хорошо что не в штрафные, и на том спасибо. А вот Девятаева и двух его офицеров, Кривоногова и Емеца, оставили в лагере до конца войны. До самого победного мая изучали их «подноготную», но так ни в чем уличить не смогли.

В жизни такое бывает: один, казалось бы, неповторимый эпизод вдруг повторяется в зеркальном отражении. За полгода до побега Девятаева агенты абвера, переодетые в советскую военную форму, попытались угнать с военного аэродрома Гродно учебно-тренировочный истребитель. Об этом мало кто знает, несмотря на то что

сей эпизод приведен в романе Владимира Богомолова «Момент истины»...

Итак, читаем служебную записку из Особого отдела 3-го Белорусского фронта:

«Весьма срочно!

Спецсообщение

Сегодня, 19 августа (1944 года — *Н. Ч.*), в 11:35 двое неизвестных в офицерской авиационной форме, проникшие на гродненский военный аэродром, захватили подготовленный к учебно-тренировочным полетам истребитель спарку УТИ ЛА-5. При этом ими был убит техник-лейтенант Алиев, пытавшийся предотвратить захват.

Несмотря на меры, предпринятые тремя шоферами 904-го БАО, выгнавшими свои бензозаправщики на летное поле, и стрельбу по самолету из пистолетов и карабинов, неизвестным удалось поднять машину в воздух и взять курс на северо-запад. Открытый с опозданием зенитно-пулеметный огонь результата не дал.

Согласно команде, переданной по радио, звено истребителей, находившееся в воздухе восточнее Сувалок, перехватило угнанный самолет и пулеметными трассами сбоку предложило ему изменить курс для возвращения на аэродром. Ввиду отказа подчиниться открытым после этого огнем на поражение спарка была подбита, загорелась и, потеряв высоту, врезалась в лес западнее Кросна, в 12—14 км от линии фронта.

В район падения самолета направлены поисковые группы, в составе которых офицеры контрразведки и авиационные специалисты.

Дежурный по аэродрому капитан Рудаков и комендант старший лейтенант Мякишев командованием от занимаемых должностей отстранены. Со всем личным составом частей, дислоцированных на гродненском аэродроме и других аэродромах 1-й и 4-й воздушных армий, проводятся беседы о необходимости постоянной ужесточенной бдительности. Охрана аэродромов по периметру увеличена вдвое, выход на летное поле строго контролируется, на местах стоянки самолетов и ко всем капонирам выставлены усиленные наряды, во-

оруженные автоматами и ручными пулеметами, для круглосуточного охранения.

Нами и параллельно командованием проводится тщательное расследование. Выяснилось, что неизвестные, захватившие самолет, проникли на аэродром еще вчера вечером, предъявив на КПП форменные офицерские удостоверения личности и направление из отдела кадров 1-й воздушной армии, оказавшееся, как установлено произведенной проверкой, поддельным.

Как явствует из показаний сержанта Павлова, проверявшего на КПП документы у неизвестных, они по некоторым признакам словесного портрета имеют сходство с проходящими по чрезвычайному розыску агентами, причем один из них, говорящий с заметным украинским акцентом, предъявлял удостоверение личности на фамилию Панченко или Пашенко. Таким образом, есть основания полагать, что лица, захватившие самолет, являются разыскиваемыми по делу “Неман” агентами, которые после выполнения задания абвера попытались вернуться в Германию.

Подробное сообщение о захвате и уgone спарки УТИ будет вам направлено в порядке, установленном для донесений о ЧП, незамедлительно.

Красногладов».

Вроде бы, все похоже, но у Девятаева все было намного сложнее и... успешнее!

Лишь один раз Девятаеву удалось покинуть фильтрлаг. Случилось это в сентябре 1945 года.

Михаил сидел на нижних нарах, чинил, вооружившись дратвой и шилом, прохудившийся сапог. И напевал знакомую песенку:

В небе тает точка самолета.
Буду ждать я летчика из полета...

Фаина! Ждет ли из затянувшегося полета своего летчика? Почти год не приходили к ней его письма. Да и от-

куда они могли приходить? С Узедома? Даже отсюда, из фильтрационного лагеря, не разрешают писать... И все равно он обнимет ее однажды. Девятаев верил в это, как верил в успех своего немыслимого побега. Теперь он твердо знал: все начинается с веры...

Вдруг его выкликнули:

— Девятаев! На выход! С вещами!

Подхватив тощий солдатский вещмешок, Девятаев направился к выходу, где его поджидал конвоир.

«Может, на свободу?! Домой?! Все уже проверили?! Все подтвердилось?!» — роились сумбурные мысли.

Начальник фильтрационного лагеря пожилой полковник НКВД с трудом оторвал взгляд от вороха бумаг на столе. Он был немало наслышан о невероятном побеге из плена этого парня. Так вот ты каков?! Недаром Москва тобой интересуется...

— Гвардии старший лейтенант Девятаев по вашему приказанию прибыл!

— Вы временно поступаете в распоряжение инженера-полковника Сергеева. Он ждет вас в Пенемюнде.

— В Пенемюнде?! — изумился Девятаев.

— Сегодня отправитесь туда спецбортом.

Его перевезли снова на остров Узедом 12 сентября 1945 года.

Вот она, знакомая до нытья в сердце взлетная полоса с ее обрывом над самым морем... Тощие дюны обрамлены скудной зеленью.

Дул сильный ветер-боковик, и военный «дуглас» с трудом приземлился в Пенемюнде. Что за проклятое место, к которому так крепко привязала его судьба! Как будто мстит за строптивость, за самоуправство, за отчаянную лихость... Зачем он снова здесь?

Старший лейтенант в сине-красной фуражке НКВД подвел Девятаева к коренастому широкоскулому полковнику в новехонькой шинели с голубыми просветами на погонах. Это пока еще никому не известный авиа-конструктор Сергей Королев, прикрытый псевдонимом Сергеев. Его тоже только что доставили из лагеря, в котором он отбывал свой несправедливый срок.

Девятаев в солдатской шинели без погон, в шапке с опущенными ушами, которые спасали его от промозгло-го ветра, представился:

— Гвардии старший лейтенант Девятаев.

Инженер-полковник первым протянул ему руку:

— Сергеев... Ну пойдемте посмотрим, чем тут немцы занимались. Будете моим гидом. А вы куда? — обратился он к энкавэдэшнику, который двинулся за ними следом.

— Я обязан сопровождать поднадзорного.

— Я сам буду его сопровождать! — резко ответил Сергеев. — Вы свободны.

— Но у меня приказ, товарищ полковник!

— А я приказываю вам, товарищ старший лейтенант, оставить нас вдвоем ввиду важного государственного дела, о котором вам знать не положено.

— Я вынужден буду доложить своему начальству!

— Докладывайте хоть господу богу, только убирайтесь к чертовой матери!

Старший лейтенант, обескураженно козырнув, отпратился в караульный домик.

М. П. Девятаев:

«В начале сентября 45-го меня из лагеря опять привезли на остров Узелом, где меня почти трое суток подробнейшим образом расспрашивал некий Сергей Павлович Сергеев. Я ведь оказался едва ли не единственным живым свидетелем испытаний “оружия возмездия” фашистов, наблюдал вблизи запуск ракет “Фау-2”, как они взлетали, падали, как выглядели ракетные установки, платформы для их перевозки, шахты... Сведения по тем временам, конечно, весьма ценные. Вот он пристрастно меня и слушал».

Ветер осеннего шторма поднимал песок, обнажая порой кусочки янтаря. Пригибаясь от сильных порывов ветра, Королев и Девятаев шли по разбитым, замусоренным, некогда ровнехоньким и чистехоньким — шишка не должна была лежать! — дорожкам.

— Ненавижу вертухаев! — с чувством сказал Сергеев, поднимая воротник шинели. — Шесть лет ходил с ними

по Колыме и другим веселым местам. Полгода как на волю выпустили.

— Вас-то за что?

— За связь с вредителями.

— А меня за измену родине...

— Да наслышан уже, как ты родине изменял... — усмехнулся Королев. — Хороша у нас компания подобралась: один вредитель, другой предатель. Ну рассказывай, что тут немцы делали?

— Ракеты взлетали вон из того сектора. Там у них стартовые столы стояли. А мы их маскировали.

Пригибаясь от ветра, они уходят в ельник. Девятаев вращает едва приметный маховик, и платформа с фальшивыми деревцами отъезжает в сторону, открывая зев ракетной шахты.

Неожиданно из бетонного укрытия выскакивает оборванный, густо обросший черной щетиной немецкий солдат и дает очередь по русским офицерам. Королев и Девятаев падают, укрываясь за пеньками. Королев достает пистолет, стреляет. У Девятаева оружия нет.

Выстрел. Еще один!

Солдат исчезает в бункере.

Королев и Девятаев осторожно встают. Королев прячет пистолет в кобуру.

— Вот, впервые в жизни стрелял по живой цели, — говорит он.

— Это живая цель сначала по нам стреляла, — поправляет его Девятаев. — Надо быть осторожнее. Тут еще недобитки скрываются.

За бункером — груды искореженного металла. Оба подходят к закопченным обломкам ракеты Фау-2.

— Вот видишь, что нам американцы оставили... — вздохнул Королев. — Те еще союзнички! Всех конструкторов во главе с Вернером фон Брауном к себе вывезли. А нам только мусор оставили.

Он подбирал все найденные бумажки, прятал их в полевую сумку.

— У них здесь был научно-испытательный ракетный центр. Если бы наше бюро перед войной не разогнали, у нас тоже такой был бы...

Королев внимательно осматривал обгоревший двигатель Фау-2. Так палеонтологи по одной ископаемой кости пытаются представить древнее животное в целом.

— Сними-ка мне эту штуковину!

Девятаев помогает открутить заинтересовавшую конструктора деталь.

— В Казань отправим! Ты ведь тоже из Казани? — спросил Сергеев.

— Так точно, жена там живет, — улыбнулся Девятаев.

— Казанский моторостроительный завод знаешь?

— На Дементьевке? Рядом с парком «Крылья Советов»? Да кто же его не знает?! — радостно воскликнул Девятаев, никак не ожидавший, что полковник окажется его земляком.

— А при нем спецтюрьма есть для инженеров и конструкторов. Вот я там, в этом ОКБ, в «шарашке» значит, всю войну пропахал. Мы с Глушко, ты такого не знаешь, вместе разрабатывали реактивный двигатель для «пешки»...

— Знаю я такую машину — Пе-2... А я в Казани тоже сидел, только в другой тюрьме — в Плетеневской.

То, что они оказались казанцами, да еще сидельцами в местных тюрьмах, сблизило их, как родных братьев. Перешли на «ты», несмотря на погоны.

А та «железяка», открученная Девятаевым для Королева, до сих пор хранится в музее Казанского авиазавода.

Историческая справка

Осенью 1941 года на территорию завода успели эвакуировать из Воронежа и Москвы два моторных завода, а также Московский агрегатно-моторный завод.

Объединенное предприятие получило название скромное, никому ничего не говорящее название — «Завод № 16». Но сколько всего тайлось за этим названием!

В годы войны Завод № 16 выпускал моторы ВК-105 различных модификаций для боевых самолетов. В 1941—1946 годах было собрано свыше восемнадцати тысяч моторов, что составляет половину всех собранных авиационных моторов.

На этом же заводе была смонтирована первая в СССР установка для стендовых испытаний моторов с превращением энергии в электрический ток. Это было очень важным подспорьем для всего завода и резко повышало его производственную мощность. Теперь две трети энергии, вырабатываемой авиадвигателем во время испытаний, преобразовывались в электрическую энергию, поступающую в электросеть завода.

И еще один казанский приоритет: впервые в авиационной промышленности СССР была создана рентгеноустановка для визуального просвечивания моторных блоков.

В моторостроительном производстве был смонтирован «принудительный» конвейер для сборки двигателей. Через каждые пятьдесят минут с него сходил готовый двигатель.

Так в тяжелых условиях войны в Казани рождались новые технологии. Помимо всего прочего — специалисты это поймут! — в механических цехах создали механизированные поточные линии, а в термическом цехе ввели в эксплуатацию печи для цементации коленчатых валов и для закалки гильз блоков. Но самая засекреченная часть завода располагалась в Особом конструкторском бюро двигателей. Особым оно было потому, что его курировали органы НКВД — 4-й спецотдел. Под его эгидой работали враги народа Сергей Павлович Королев и Валентин Петрович Глушко.

Глушко возглавлял Спецбюро с 1940 года. А Королев был заместителем главного конструктора по летным испытаниям. Это был их личный фронт, фронт научно-исследовательских работ.

В 1945 году за образцовое выполнение правительственных заданий Казанский авиазавод был награжден орденом Ленина.

А на территории бывшего ракетодома в Пенемюнде стоит памятный знак в честь героического полета русских пленников. На нем выбиты имена Девятаева и девятих его соратников. Немцы пока не тронули этот памятник. Оставили, видимо, себе в назидание...

Вконец промерзшие на ветру Королев и Девятаев укрываются в пустом капони́ре.

— Вот отсюда мы и стартовали, — говорит Девятаев. — Даже кострище наше сохранилось. А вот этой штукой долбанули вахтмана...

— Я тебе верю, Михаил. Но, прости, пока ничем не могу помочь...

Королев снимает с погона эмблему-крылышки и прикалывает ее к пустой петлице девятаевской шинели:

— Вот. Возьми на память.

Девятаев разводит костерок. Королев, весьма довольный осмотром ракетодома, достает из кармана шинели фляжку, наливает в колпачок-стаканчик коньяк:

— Ты вот сумел вырваться. Молодец! Теперь мне предстоит то же самое — вырваться...

— Куда?

Королев показывает рукой в небо:

— Туда! Подальше от этой земли, как в песне поется. Ну, давай — за удачу!

Выпили, согрелись.

— Может, вертухая позовем? — предложил Королев. — Замерз, поди, нас поджидая. Эй, старшой, давай к нам на огонек!

Энкавэдэшник прибежал легкой трусцой. Ему налили. Королев кивнул ему:

— За удачу!

— За победу! — крикнул старший лейтенант. — Вчера Япония подписала акт о капитуляции! Победа-а-а!!!

Он достал пистолет, Королев тоже. Пальнули в небо и налили еще — до последней капли — из фляжки. А Девятаев стоял и плакал. Быть может, впервые в жизни...

Историческая справка

Трофеи — детали ракет, из которых впоследствии была собрана целехонькая Фау-2, — доставили в Казань. Ее двигатель, кстати, до сих пор хранится в Казанском технологическом университете как феномен конструкторской мысли. Два года спустя, в ноябре 1947 года, состоялся первый пуск трофейной ракеты, восстановленной советскими и пленными немецкими конструкторами.

торами. Она пролетела 207 километров, отклонившись от курса на добрых тридцать километров, и разрушилась в плотных слоях атмосферы... Еще через год на полигоне Капустин Яр прошло успешное испытание уже первой советской ракеты, которая (чего, говорят, не любил признавать Королев) была полной копией Фау-2. В 1957 году СССР запустил на орбиту первый искусственный спутник и получил возможность донести ядерный заряд до любой точки земного шара. За десять лет советские ученые в области ракетостроения вырвались далеко вперед, оставив в хвосте даже американских коллег, коими руководил тот самый Вернер фон Браун, вывезенный вместе с чертежами из Пенемюнде.

Глава восьмая

СЛЕДСТВИЕ ВЕДУТ ЗНАТОКИ...

А потом с друзьями-конвоирами он снова вернулся в фильтрационный лагерь. Дальняя дорога их сдружила, и бойцам было даже странно, что такого душевного и своего в доску человека надо снова отправлять в зону, за «колючку».

Допросы продолжались каждый день. А иногда вызывали и ночью.

Его пытались уличить во лжи: не мог летчик-истребитель без специальной подготовки пилотировать тяжелый самолет. Приглашали бывалых летчиков из ближайших авиачастей в качестве экспертов. Те внимательно выслушивали рассказ Девятаева и недоверчиво качали головами. Тощий изможденный человек, весом всего в 38 килограммов, не мог поднять в воздух тяжелый самолет неизвестной конструкции, вести его, уклоняться от погони, совершать противозенитные маневры, а затем посадить его на необорудованной площадке. Не мог, и все! Это не укладывалось ни в какие понятия, тем паче — инструкции.

Смершевцы, разумеется, верили летчикам, а не подозрительному лагерному доходяге.

Девятаев выходил из себя, рассказывал, как он предвзвешенно изучал «хейнкель», называл авиаприборы

по-немецки и объяснял, что заучивал их названия по шильдикам. Но это еще больше укрепляло следователей в их подозрениях: «Хорошо обучали тебя в абвере, гада. Все запомнил».

Следователи не за страх, а на совесть изучали всю его подноготную. Припомнили и учебу отца в Копенгагене, всплыла и не подтвержденная «связь с немецкой разведкой» в 1937 году. В свете новых подозрений та давняя история с пропавшими переписными листами приобретала весьма зловещее звучание. А ответы на запросы следователей в гвардейский полк покрышкинской дивизии, как назло, не приходили и не приходили. То ли полк расформировали, то ли фельдгегерская почта так работала?..

И было такое же ощущение, как в Кляйнекёнигсберге, когда в туннеле подкопа наткнулись на канализацию, когда все они, так и не состоявшиеся беглецы, чуть не с головой окунулись в зловонную жижу...

По рабочей версии следствия, дело Девятаева представляло таким образом: летчик преднамеренно выпрыгнул с парашютом над вражеской территорией, где действовали подразделения власовской армии. Попав в их ряды, он согласился пройти обучение в лодзинской спецшколе абвера. Затем прошел дополнительную подготовку по пилотированию тяжелых самолетов типа «хейнкель». Его готовили для операции по массированному забросу диверсантов в тыл Советской армии под видом побега на самолете. Но советские зенитчики сорвали эти планы, подбив самолет и заставив Девятаева совершить вынужденную посадку.

Разработчиков этой версии не смущало, что бежавшие «доходяги» были настолько истощены — они весили меньше десятилетнего подростка, — что никакие диверсантские дела были им просто не под силу. Все это мелочи, главное — выстраивалась довольно логичная версия.

Допрашивали Девятаева опытные следаки — со знанием дела. Допрашивали, как это было принято, по классической схеме: сначала «злой» следователь угрожает всеми карами, запугивает, давит на психику, затем его сменяет «добрый» следователь, который старается «помочь» подследственному выйти из данной ситуации

с минимальными потерями. У Михаила уже был печальный опыт бесед с дознавателями на «Черном озере» в Казани, поэтому он благополучно уходил из хитроумно расставленных сетей.

— Пойми и не обижайся, — увещевал его «добрый» следователь, — как мы можем верить тебе, когда ваш брат летун не раз перелетал к немцам за милую душу да еще шел служить во власовские эскадрильи? Откуда я знаю, кто ты такой и как попал в плен? Верить тебе на слово? На голубом глазу?

— Я не прошу верить каждому слову. Прошу лишь занести в протокол то, что я говорю. А говорю я как на исповеди.

— Я не поп, и ты не грешница с сеновала! Я следователь и верю только документам. А иногда и свидетелям. У тебя нет ни того ни другого.

— Документы мы оставляем в части перед вылетом на задание. Документировать полет, извините, не было времени. А свидетель у меня есть. Это мой ведущий майор Владимир Бобров. Он видел, как меня сбили, и может это подтвердить.

— Может, если остался в живых. То, что тебя сбили, я и без него могу в это поверить. Но как ты оказался у немцев — живой, здоровый, с оружием в руках? Есть директива о том, как следует действовать летчику, приземлившемуся на вражеской территории. Уходить в леса, искать партизан, отстреливаться до последнего патрона, а последнюю пулю — себе. Ты нарушил все пункты и сдался врагу.

— В плен я попал полуживой.

— Справка от врача есть? — усмехался «добрый» следователь.

— Я в десятый раз сообщаю, что летал на «аэрокобре», а она, зараза, не прощает, когда летчик ее покидает. Бьет хвостовым оперением до смерти. И меня шандалахнуло, поэтому приземлился как куль — без сознания. Таким меня и нашли и пистолет первым делом забрали.

— Ага, а потом тебе дали нюхнуть нашатыря, и ты очухался. А потом заботливые фрицы дали глотнуть тебе шнапса, и ты пошел. Кому горбатого лепишь? Зна-

ешь, сколько я таких историй наслушался? Вон, посмотри вокруг, сколько таких в «бессознательном» состоянии в плен попали! Тысячи и тысячи! И у каждого либо «патроны кончились», либо сознание подвело. Всех, как одного, подобрали контужеными и в лагерь принесли. Никто и рук не поднимал... Вот я и говорю: один поступок может рассказать о человеке больше, чем тысяча слов.

— Так я и совершил такой поступок! Самолет угнал, товарищей спас!

— Верю! Верю... Я, братец ты мой, виню не тебя, а себя за то, что верю. Понимаешь это? Себя виню, а не тебя. Ты врешь, выкручиваешься, это понятно, это естественно. Но когда я стану тебе верить всерьез, я потом себе этого не прошу... Работа у меня такая — не верить! Почему я тебе должен верить, когда боевые летчики, не чета тебе, капитаны и майоры, как один, говорят, что угнать чужую незнакомую машину без подготовки — невозможно. «Хейнкель» не мотоцикл, сел, крутанул и поехал. То есть полетел...

— Но я же готовился, присматривался, изучал.

— Не ты готовился, а тебя готовили. И готовили, видимо, неплохо, раз сумел перелететь... Запомни: у каждого святого есть прошлое, у каждого грешника есть будущее. Так моя бабушка говорила. И была права. Я всегда даю своим подследственным шанс на будущее. Второй шанс у каждого из вас есть. А вот насчет третьего шанса — дудки! Поэтому давай колись!

Но Девятаев не «кололся», да и виниться ему было не в чем. Кривоногову тоже не верили. Никому из членов его «экипажа» не верили.

— Все вы в сговоре! — подменял «доброго» следователя «злой». — Насмотрелся я, наслушался про «ВВС — страну чудес»... Отвечай: где тебя готовили и кто готовил? С каким заданием перелетел линию фронта?

— Готовили меня в Оренбургском училище летчиков имени Чкалова. И перелетел я по-чкаловски. Как учили командиры...

— Ты давай не выпендривайся! Вас тут таких — армию можно укомплектовать. И все невиновные. Один

невиновней другого. Вы тут немцам служили, а мы — Родине. Вы им сапоги разношивали, чтоб шагать по нашей земле удобнее было. А наши бойцы свои сапоги до дыр истаптывали, пока до немецкой земли дошли... Есть разница? Вот в чем конкретно твоя работа состояла?

— Мы на аэродроме воронки землей засыпали.

— Ага! Чтобы немецким самолетам было сподручно взлетать и наши войска бомбить! Врагу подсоблял!

— Если чем и подсобил, так все это покрыл девятью сбитыми самолетами. И десятый им еще угробил, — не сдавался Девятаев.

— Насчет девяти самолетов — это мы еще выясним. А вот то, что ты казачок засланный, сомнений у меня почти нет. Как, впрочем, и доказательств тоже. Но найдутся добрые люди — выведут тебя на чистую воду!

— Выводить меня некому и не на что! — стоял на своем «самый старший из всех лейтенантов», как называл его в шутку Иван Кривоногов. Где он теперь? Тоже «фильтруется» или уже «отфильтровался»?

— Колись давай, колись! — наседали очередной следователь. — Куда летел? С какой целью? Какая задача была поставлена перед диверсионной группой?

Девятаев вел свой очередной бой, который навязала ему его слепая фортуна. Пытался пробить глухую стену государственного неверия с той же отвагой и стойкостью, с какими преодолевал все препоны на своем воздушном пути из Пенемюнде. И пробил. Почти пробил. Почти убедил, что он не засланный казачок. Не сказали ему ни «да», ни «нет». Но и это уже было победой. Смершевцев невольно подкупали та прямота и та уверенность, с которой он держался на допросах. Глаза не бежали...

— Ладно, пилот, закрываем шарманку, — сказал «злой» следователь. — Ни вашим ни нашим. Дело тебе шить не будем. Поезжай домой. Но про службу забудь. И про небо тоже...

Лязгнули буфера теплушек. Ну и прощай клятая неметчина, прощай Германия, чужая сторона, со всеми своими Гитлерами и Герингами, со своими рыжими и ражыми лагерфюрерами и прочими чурбанфюрерами, с

лаем овчарок и криками «Шайсе!» («дерьмо»), «Халът» и прочими «женде хохами». Век бы тебя не видать со всеми твоими «заксенхаузенами» и «узедомами»!

Брест, первый родной город, перекресток дорог, милая уху белорусская речь... В Белоруссии войну начинал, в Белоруссию и после победы вернулся!

В Бресте состав из Германии долго менял колесные пары, подходящие для широкой русской колеи. В теплушках гадали: куда дальше? Большинство сходились на том, что поезд пойдет через Минск на Смоленск и далее на восток, в Сибирь, может быть, через самую Москву. Другие считали, что от Смоленска повезут на север, в сторону Ярославля и Архангельска. Девятаев мечтал о казанском маршруте, но вслух ничего не высказывал. Ошиблись все. Едва поезд встал на нормальные колеса, паровоз двинулся в сторону Пскова и пригнал эшелон в город Невель.

Старинный русский городок, преддверие Белоруссии, весь в храмах, монастырях, часовнях и синагогах, полудеревянный, полукаменный, изрядно побитый немецкими бомбами. На перрон небольшого вокзальчика выпустили сразу всех пассажиров — почти пять тысяч бывших военнопленных, а ныне «спецпоселенцев».

М. П. Девятаев:

«Встречали нас, как героев: музыкой, цветами и поцелуями. Секретарь обкома партии тогда еще Старорусской области речь произнес, пожелал трудовых успехов... Приезжих разделили на команды и отправили кого куда... Нашу команду привезли в село Топки. Документы отобрали. Все с нас сняли. Даже часы — ребята подарили — и те забрали. Не положено!»

Поселили бывших военнопленных в бывшем лагере для довоенных «зэков» — посреди глухотных псковских болот. Девятаев и в глаза не видел таких гиблых мест. Остров Узедом со своей скудной природой мог считаться почти что тропическим курортом. А тут еще издевательский транспарант над въездной аркой: «Добро пожаловать!».

Пожаловали. Местное начальство принесло извинения за колючую проволоку. Мол, осталась с прежних времен, а теперь Топки вовсе не лагерь — не расстраивайтесь! — а обычное спецпоселение. Конвоя здесь не будет, можете свободно перемещаться из барака в барак, а кому надо в село прикупить продукты или что-нибудь из одежды, начальник колонии всегда выпишет спецпропуск при наличии хороших производственных показателей.

— А что за производство? — поинтересовались из толпы.

— Производство у нас хорошее, здоровое, весь день на свежем воздухе... Деревья будем валить для скорейшего восстановления народного хозяйства. Напоминаю: у нас здесь не тюрьма и не лагерь. Можно иметь деньги, без ограничений получать посылки и передачи с дозволенными вложениями... Свидания с близкими тоже никак не ограничиваются. Но подъем-отбой как в армии. А перед сном — святое дело — переключка.

Сто двадцать дней Девятаев с товарищами валил лес. Освоил новую профессию — сучкоруба. Кормили так себе, но лучше, чем в фильтрлаге, не говоря уже о «Карлсхаген-2».

Как ни хотелось ему увидеть Фаю, но вызывать ее в такую даль и в такую неприглядную юдоль не хотелось. В закрытом спецпоселении Девятаев провел несколько недель, получил подтверждение в восстановлении в офицерском звании и вместе с ним — свидетельство о демобилизации. Война закончилась. Кому был нужен летчик-истребитель с подмоченной репутацией?..

М. П. Девятаев:

«Проработал я там четыре месяца. А потом документы мне вернули и определили младшим лейтенантом в артиллерию — это на тот случай, если снова призовут. А пока разрешили нам разъезжаться по своим домам...»

В Казань он ехал в потертой солдатской шинели без погон, с солдатским же вещмешком.

Сбитый летчик... Возвращался с войны без орденов, без регалий, без трофейных подарков. Да к тому же раз-

жалованный до самого младшего офицерского звания: был старшим лейтенантом, стал младшим... Одна отрада была — Победа. И сделал он для нее немало. И сделал он для нее все, что смог.

Впрочем, была и вторая отрада — Фаина. Она ждала его в Казани. Но псковские поезда напрямик на Казань не ходили. В Арзамасе была пересадка. Три ночи и три дня провел Девятаев в вагоне. Спал плохо — по ночам снились лагерные кошмары — кричал, пугая соседей-попутчиков.

Эти ночные крики мучили его все последующие годы. «“Мордвин”, прикрой! Атакую!» — это было самое безобидное, что слышала Фаина. Но она понимала: это печать войны. Многие фронтовики в своих тревожных снах поднимали в атаку роты или укрывались от вражеских самолетов.

...Девятаев добирался до родного дома почти трое суток. Но добрался!

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ РАЗБОР ПОЛЕТОВ...

Глава первая **ЖИЗНЬ С НУЛЯ**

Казань начала 1946 года была такой же, как в предвоенные годы... На треть каменная, на две трети деревянная. Почти деревенский рубленый дом в одном из глухих городских переулков с палисадником, сарайчиками, поленницами ничем не отличался от сотен подобных жилищ. Но это дом советского героя... Только непризнанного.

Девятаев без шапки, в армейской шинели без погон проходит через коммунальную кухню, где коптили керосинки, гудели примусы. Он идет слегка покачиваясь, задевая столы.

— Пьяный, что ли? — ворчит соседка.

Фаина случайно вышла ему навстречу.

— Миша! — ахнула она и бросилась ему на шею. Ощупывала его радостно и тихо голосила: — Наконец-то, родной мой!.. Дождалась! Руки целы, ноги целы, голова на месте!

— Лучше прийти с пустым рукавом, чем с пустой душой, — слегка отстранил ее муж. На его лице ни тени радости. Оно окаменело.

Вслед за Фаиной выбежала из комнаты и мама. Акулина Дмитриевна верит и не верит своим заплаканным глазам: Мишенька, сынок, вернулся! Хоть один живым вернулся... Из десятирех сыновей только трое вернулись под отчий кров. Остальные полегли на полях войны. Святая женщина...

Фаина хлопотала у примуса, ставила кастрюлю под пельмени и радостно приговаривала:

— Живой! Господи, счастье-то какое! Будем жить! Остальное приложится...

За накрытым наспех столом, за чаркой разведенного спирта она заводит давнюю песню, с которой началось их знакомство:

Скрылась в небе точка — самолета.
Буду ждать я летчика
Из полета...

Девятаев скупно улыбался. Фаина обняла его за шею:

— Ну вот и дождалась я своего летчика из полета!..

Улыбается и мать пилота, Акулина Дмитриевна. Отмолила сына у бога. Лет двадцать назад вот так же отмолила она Мишаню от черной оспы. Теперь Господь снова милость свою оказал. Пронес над бедой похуже всякой оспы...

Первым делом Девятаев отправился в речной порт.

Капитан порта, старый знакомец, известный речник, обрадовался:

— Петрович, у тебя же вроде речной диплом был. Давай к нам! У нас столько вакансий! На буксирах работать некому.

— А возьмете?

— Чего же не взять, коли ты до армии сам тут капитан. Документы с собой? Заполняй анкету! Та-ак... Давай сюда.

— Из крестьян... Образование среднее специальное... Не подвергался... В белой армии не служил... Замечательно! А это что? В плену был...

— Я до плена три года воевал. Четыре ордена получил.

Начальник порта смущенно закашлял в кулак:

— Понимаешь... Все подходит... Но у нас кадровая инструкция... Пойми, мил человек, не я ее писал...

Михаил все понимал, не спорил, молча ушел, не прощаясь.

Тогда он решил отправиться в родное Торбеево. Может, там какая работенка подвернется?

Земляки встретили его уважительно. Был в плену, не был, это их не волновало. Главное — воевал, и главное — свой, торбеевский, почти родной. Угощали-потчевали, душу грели добрыми словами, а с работой помочь не смогли. Не было в Торбеево никаких предприятий, которые бы обеспечивали своих работников зарплатой. И председатель торбеевского сельсовета обескураженно разводил руками:

— Не взыщи, Петрович! И рады бы тебя принять да пока некуда...

Он все понял, все своими глазами видел: послевоенная разруха кругом.

И все же родная земля помогала, как могла. Мама... Она тоже пыталась облегчить жизнь сына...

М. П. Девятаев:

«Маме говорю: “Давай козу зарежем, продадим, буду богатый, верну”. Она говорит: “Что ты, сынок! Вон бабы масло возят в Москву. А жулики у них и масло, и деньги отбирают. А ты здоровый, давай езжай с ними”.

Дали мне в исполкоме пропуск в Москву. Бабы в селах скупали масло, потом для желтизны добавляли морковный сок, всё хорошенько смешивали и замораживали. Потом на поезд и в Москву. А там на трамвае на Сухаревский рынок. Я в форме, бабы не боятся. Пока продают, я туда-сюда хожу, посматриваю.

Потом на какой-то швейной фабрике в Подмоскovie бабы брали белые нитки, краску. Нитки красили и пучками в Торбеево продавали. Это выгодно очень было, мокшанки раскупали цветную нитку на вышивки.

Помню, мы долго шли где-то по оврагам, по полянам, переночевали где-то. У кого-то купили целый мешок ниток, ворованные, наверное, были. Потом и мне часть ниток дали. Мать продавала».

Это не всегда законное предпринимательство помогало лишь держаться на плаву. А как плыть дальше? Главной надеждой на выживание все-таки была Казань, и он решил вернуться туда. Казань не Торбеево, столица, где-нибудь что-нибудь да обломится.

Однако и там по-прежнему никто не спешил трудоустраивать сбитого летчика. Более того, Девятаеву стала угрожать статья за тунеядство: кто не работает — тот не ест. Безработных в Стране Советов по определению быть не может. Страна возрождается, повсюду нужны рабочие руки, а тут крепкий мужик слоняется, дела себе найти не может. За тунеядство судили, давали срок. Не хватало еще снова за решетку угодить... Надо хотя бы формально где-то числиться. И Девятаев снова отправился к речникам. Выдайте, ребята, хотя бы трудовую книжку, чтобы в суд не вызвали. В порту пробыл полдня. Домой вернулся таким же непроницаемо мрачным, каким и уходил. Сели обедать. Фаина деликатно молчала, боясь неосторожным вопросом задеть душевную рану. Михаил не смог долго таить в себе новость. Вдруг обнял жену и... зарыдал. Она никогда не видела его слез, он никогда в жизни, даже в самых жестоких обстоятельствах не позволял себе ни слезинки, ни жалобного вздоха... А тут содрогался от глухих рыданий, как школьник.

— Миша, что случилось?

— Фая, меня... меня... меня на работу приняли...

Это был взрыв всегда старательно подавляемых чувств. Прорвало! Выплеснулось! То, что не смогли сделать немецкие лагермейстеры — выдавить хоть слезинку из русского летчика, — сделали местные чиновники. И все же он пробил эту кадровую блокаду. Его берут на работу... грузчиком. Пока грузчиком. А потом, если он «проявит» себя, переведут в ночные сторожа (в ночные дежурные по причалу). Таковы были условия для офицера, «запятнавшего» себя пребыванием в плену. Заметим попутно, что в клятой-проклятой царской России за офицером, попавшим во вражеский плен, оставались все его привилегии: чин, жалованье, выслуга, мундир... А у Девятаева и тысяч ему подобных все получалось как в частушке времен Гражданской войны:

Раньше был я прапор, золоты погоны.

А теперь я смазчик, лезу под вагоны...

Девятаеву не надо было лезть под вагоны. Он взваливал на спину мешки с рожью, цементом, тюки и перета-

скивал с грузовой баржи на берег. При этом прихрамывал, задавая простреленной ноге непосильную нагрузку.

Но он, никому ни на что не жалуясь, по-прежнему разгружает баржи, таскает кирпичи, катит железные бочки.

Тут сами собой вспоминаются строчки эмигрантского поэта:

Мы те, кто когда-то носили погоны...
Сегодня же мы носим мешки на плечах.

Да, грузчик. Самый обычный грузчик. Но с капитанским дипломом.

Однажды заметил, как опасно подходит к причалу буксир. Столкновение почти неизбежно. Грузчик Девятаев перепрыгивает на судно, перехватывает у рулевого штурвал (на руле стояла девушка) и в последнюю минуту отводит форштевень от кормы баржи.

Вот и остается сесть в укромном уголке дебаркадера и закурить «Беломорканал»... Есть о чем подумать. А что думать-то? Все не так уж и плохо. Главный приз своей судьбы он уже выиграл: жизнь! И еще один: небо, авиация... И еще один: Фаина! Что еще для счастья нужно? Слава, восхищение, портреты, ордена? Без всего этого вполне можно обойтись. Здоровье бы только поправить, ногу подлечить...

Работать грузчиком в порту с каждым годом становилось труднее. Всякий раз, когда вскидывал на спину кладку с кирпичами, изувеченная нога отдавала острой болью. Тяжело шагать по сходне, того и гляди в воду свалишься...

Дома Фая растирает ему израненную ногу, корит:

— Найди себе что-нибудь полегче... Нельзя же так ногу перетруждать. Она и так у тебя битая-перебитая. Давай инвалидность оформим. Все легче станет.

— Я не инвалид!

— Ты же сдохнешь под этими кирпичами!

— Вот и сдохну. Пусть видят! Может, поймут что-нибудь.

— Мишенька, а обо мне ты подумал?! Я-то как без тебя буду? Всю войну тебя ждала!..

Девятаев обнимает жену, утешает... Вдруг Фая, его железная подруга жизни, заплакала. Потом повинулась:

— Ты только не сердись. Я тут к начальнику порта ходила. Рассказала ему все про тебя. Он тебя помнит. Обещал работу полегче найти. Будешь дежурным по дебаркадеру.

Так он стал ночным дежурным по дебаркадеру, фактически ночным сторожем. Зарплата не прибавилась, но жить стало полегче.

Девятаев не сдавался. Он писал Сталину, Молотову, Берии... Но никто ему не ответил. Даже обычной отписки из секретариата не прислали. Кто-то поставил на его личном деле, на его личной судьбе убийственный штамп: «Был в плену». Более того, за его домом установили негласную слежку. Но как не таились сыщики, Фаина их углядела. Очень расстроилась, не сразу поделилась своими опасениями с мужем.

— Ну что они смогут выследить? — недоумевала она. — С кем ты встречаешься? Кто к нам ходит? Да никто к нам не ходит. Чураются как зачумленного...

М. П. Девятаев:

«Полторы навигации был ночным дежурным по вокзалу, потом устроился прорабом — монтировать портовые краны. Но и тут мне “шили” дела о “вредительстве”: то дескать соль в раствор подсыпал, то дрова рабочим раздал...

Те годы были потяжелее концлагеря...»

Только в 1949 году Михаилу Девятаеву удалось вернуться в речной флот. Не сразу, но со временем доверили ему полусписанный портовый буксир-толкач «Огонек». Посудина постоянно нуждалась в ремонте, постоянно что-то в ней ломалось. Но Девятаев и на этой калоше умудрялся выполнять и перевыполнять план. А когда в марте 1953 года страну потрясла весть о смерти вождя, то и «Огонек» вместе с остальными судами приспустил флаг и гудел (точнее, громко сипел) вместе со всеми казанскими фабричными, паровозными, корабельными гудками. Так эпоха извещала о своем большом переломе.

ме. Но жизнь не переменялась в одночасье. Девятаев по-прежнему капитанил на буксире, с грустью поглядывая на проплывавшие мимо многопалубные белые лайнеры. Мечтал о капитанском мостике хотя бы городского речного «трамвайчика».

Тем временем в семье появился второй сын — Саша, Александр. Если первенец Алексей был назван в честь «настоящего человека» летчика Алексея Маресьева, то второй сын был удостоен имени трижды Героя Советского Союза летчика Александра Покрышкина.

— Пока мне эскадрилью не нарожаешь, не остановимся! — в шутку говорил Фаине глава семьи. Но дальше «личный состав эскадрильи» продолжился дочерью. Имя ей дала Фаина — Нэлли.

Жили они в маленькой квартирке на улице Лесгафта — в центре Казани, в районе озера Нижний Кабан. Как-то за завтраком из тарелки довоенного еще репродуктора грянул торжественный голос Левитана: «Передаем важное правительственное сообщение. Работают все радиостанции Советского Союза!..»

Фаина перекрестилась:

— Господи, неужели опять война?!

Голос Левитана сдержанно ликовал: «Впервые в истории человеческой цивилизации на орбиту Земли выведен искусственный спутник... Это стало возможным благодаря самоотверженному труду советских ученых и золотым рукам наших рабочих. Это подвиг всего великого советского народа!»

На коммунальной кухне ликование. Сосед, одноногий инвалид, спрашивает Девятаева:

— Это что за спутник такой? На кой он нужен-то?

— Для науки, Емельяныч, нужен. Космос изучать.

— Летаet-то уж больно высоко. А как свалится? Бензин кончится — и на башку!

— Не свалится. И бензина у него нет. Сам сгорит. В космос, видишь, прорвались...

— Это вроде как День Победы?! Ну, тогда налей!

Само собой припомнилось: Пенемюнде, злой осенний ветер срывает с дюн песок; костерок в капонире, полковник Сергеев: «Ты вырвался, и я должен... За удачу!»

— Вырвался! Прорвался! Молодец, Серега! За тебя! За космос!

«Я тоже прорвусь! По новой... Не впервой...»

Глава вторая
**«С НЕБА УПАЛА
ШАЛЬНАЯ ЗВЕЗДА...»**

К дебаркадеру речной пристани швартуется большой пассажирский теплоход. Буксир Девятаева, упершись в борт, помогает ему встать поближе к стенке.

С берега по трапу бежит, размахивая газетой, начальник порта:

— Девятаев! Где Девятаев?!!

Капитан «Огонька» руководит швартовкой. Несмотря на восторженные крики начальника, не сразу прерывает это ответственное занятие.

— Мишка! Михаил! Михаил Петрович! Смотри, что тут про тебя написано! Читай! Вот — на первой странице! И где — в самой «Правде»! Читай.

Девятаев читает:

— «Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении...» — голос его срывается.

Начальник порта выхватывает из рук Девятаева мегафон и кричит так, чтобы слышали все, весь теплоход:

— ...«Гвардии старший лейтенант Девятаев Михаил Петрович за проявленные в боях за нашу советскую Родину мужество и самоотверженность удостоен звания Героя Советского Союза»!

Девятаев прикрыл глаза козырьком беловерхой фуражки... Вот и прорвался...

М. П. Девятаев:

«Когда вышел указ о награждении меня “Золотой Звездой”, я от нервного потрясения весь покрылся... язвами, как рыба чешуей! 80 процентов тела было поражено. Выпали волосы. Ужас! Не знали, как меня лечить. Спасибо, один профессор посоветовал: тебе, Миша, нужен температурный шок. Была поздняя осень, я прыг-

нул в ледяную воду, после чего долго пробыл на сквозняке. Несколько дней горел в жару, температура за 40, но хворь, действительно, как рукой сняло...»

А потом был вызов в Москву, приглашение в Георгиевский зал Кремля. Первый секретарь ЦК КПСС Н. С. Хрущев приколот на грудь Девятаева «Золотую Звезду» Героя.

На банкете по случаю новоиспеченных героев кто-то из секретарей легким кивком головы указал Девятаеву на Королева:

— Вон иди его поблагодари. Это он перед Никитой Сергеевичем ходатайствовал.

И Девятаев подошел к «полковнику Сергееву»:

— Здравия желаю, товарищ полковник! Спасибо за содействие!

Королев узнал его сразу, просиял. Крепко обнял:

— Миша, будь проще! Я для тебя всегда Сергей.

— Нет: Палыч. Сергей Павлович.

— Ну, пусть будет Павлович. Давай «Звезду» твою окропим!

Опустили «Звезду» в бокал с шампанским. Девятаев достал из нагрудного кармана речного кителя эмблему — пропеллер с крылышками, ту самую, что подарил ему на память в Пенемюнде «полковник Сергеев».

— За удачу!

— За удачу! Ну, вот теперь мы оба с тобой прорвались!.. По горизонтали. Только мне еще выше предстоит... По вертикали! Понимаешь меня?

— Понимаю!

После правительственного указа, после высокой награды на Девятаева обрушился поток всесоюзной славы. В казанских школах его наперебой принимали в почетные пионеры, повязывали красные галстуки, его выбирали в президиумы всевозможных собраний, фотографировались с ним при каждом удобном случае, брали интервью, просили автограф... Фаина не на шутку забеспокоилась: столько женщин вокруг, не увели бы мужа. Но Михаил не давал поводов для подобных опасений.

Но дальше — больше...

Вот к дебаркадеру Казани швартуется чудо техники — теплоход на подводных крыльях «Ракета». С борта на причал сходит начальник порта и приглашает Девятаева посетить судно.

— Ну, пилот, принимай крылья! Только подводные. Кому, как не тебе, летчику, крылатым кораблем управлять?! «Ракету» будешь водить! Понял? Ра-ке-ту! Так что давай собирайся на курсы в Сормово! Капитаном вернешься!

Девятаев с радостью отправился на курсы. Учиться он любил и учился всю жизнь. После курсов получил в управление не просто «Ракету», а новейшее судно из того же крылатого класса — «Метеор».

Белый теплоход «Метеор» мчит по Волге на подводных крыльях. Для многих это зрелище все еще необычное и фееричное: из-под форштевня вздымаются пенные отвалы зеленоватой воды. За кормой — столь же белопенная широкая кильватерная струя. В ходовой рубке в белом капитанском кителе и с «Золотой Звездой» Героя на груди стоит вчерашний грузчик и швартовщик — Михаил Петрович Девятаев. В его руках почти самолетный штурвал. Он зорко следит за проносящимися катерами, яхтами... Не задеть бы! Стоит гордый. Щурит глаза от солнца...

Надо сказать, что речные километры порой намного коварнее, чем морские мили. И вахты капитана-речника более напряженные, чем у капитана морского судна. Во-первых, речной фарватер, не в пример морскому, изобилует мелями, барами и прочими выступами дна, у моряков же под килем совсем другие глубины. Во-вторых, тот же «Метеор» намного чаще вынужден расходиться со встречными судами — баржами, танкерами, сухогрузами, пассажирскими лайнерами. А любое расхождение судов чревато столкновением: река не шоссе, и трассы здесь очень зыбкие, и скорости почти автомобильные. Опыт летчика-истребителя, умение быстро схватывать обстановку, держать в поле зрения сразу несколько целей, быстро принимать правильные решения, не раз вы-

ручали капитана Девятаева в ходовой рубке. За четверть века своей службы на волжских трассах он не допустил ни одной аварии, ни одного навигационного происшествия.

Но что там, на трапе, ведущем в рубку? Шум, возня, крики.

— Да нельзя сюда! — сердится боцман. — Нельзя, говорю! Посторонним вход запрещен!

— Посторонним нельзя, а мне можно!

Что там за наглый тип прется?! Девятаев уже хотел было строго прикрикнуть, но тут в ходовую рубку вошел... Иван Кривоногов!

— Здорово, Миша! Прокати по старой памяти!

«Метеор» делает неожиданный зигзаг: это капитан, оставив на секунду штурвал, крепко обнял старого друга.

— Какими судьбами, Ваня?

— Да вот узнали из газет, что ты на Волге капитанишь. Приехали с женой на тебя посмотреть! Ну хорош! Ну орел! Даром что речной!

Потом они обедали в ресторане на Речном вокзале Казани. Выбрали столик на четверых: Девятаев с Фаиной и Кривоногов с женой Марусей.

— Вот дождалась меня, несмотря ни на что... — представил Иван боевую подругу. — Хоть и сообщили, что пропал без вести.

— И моя дождалась!

Тут и тост сам собой родился. Девятаев поднял хрустальный бокал:

— За вас, девочки! Вы — наши крылья!

Осушили бокалы до дна. Глядя на них, ресторанные оркестранты заиграли песню, любимую всеми фронтовиками:

Майскими, короткими ночами,
Отгремев, закончились бои.
Где же вы теперь, друзья-однополчане,
Боевые спутники мои?

Под эту песню и завели речь о судьбах друзей — тех, с кем совершили полет века. Позже Девятаев о той беседе, о той незабываемой встрече расскажет в своей книге.

Глава третья
**«ГДЕ ЖЕ ВЫ ТЕПЕРЬ,
ДРУЗЬЯ-ОДНОПОЛЧАНЕ?...»**

Девятаев всегда интересовался судьбой своего «экипажа». Искал, расспрашивал, находил и заносил всех в книгу своей памяти:

«Иван Павлович Кривоногов живет в Горьком (ныне Нижний Новгород. — *Н. Ч.*) и работает товароведом в речном порту на Волге. Прибывая на своем “Метеоре” из Казани в Горький, я всегда с ним встречаюсь и бываю у него в гостях. Он все такой же энергичный и смелый, каким был на Узедоме. Правда, пережитые пытки, лишения и издевательства врага подорвали его здоровье, но дух не сломлен, и глаза по-прежнему излучают задорные огоньки и могучую жизненную силу.

В апреле 1957 года, после того как о нашем перелете было напечатано в центральных газетах, откликнулся Михаил Александрович Емец, работавший бригадиром в колхозе им. Ворошилова Синевского района Сумской области. Вскоре у нас состоялась встреча в Москве.

Долго и настойчиво искал я остальных товарищей. Удалось найти Федора Петровича Адамова, который работает в РТС в селе Ильинка Литвиновского района Ростовской области.

Владимир Соколов, Петр Кутергин и Иван Олейник погибли в боях за Родину. Мне неизвестны судьбы Владимира Немченко (Тимченко) из Тереховского района Гомельской области, а также Трофима Герасимовича Сердюка из Гулькевичского района Краснодарского края, как и Николая Урбановича из Горловки.

Один за другим находились и старые друзья-однополчане, и товарищи по фашистской каторге, ставшие для меня родными братьями. Первым приехал поздравить меня с высокой наградой мой командир, боевой друг и товарищ, образ которого вдохновлял меня все дни, проведенные в жуткой неволе, — Владимир Иванович Бобров. От него я узнал много интересного о своих однополчанах, об их героических подвигах в боях с фашистскими стервятниками, о боевом пути нашей части,

отмеченном многими блестящими победами. Владимир Иванович Бобров и сейчас командовал авиационной частью, воспитывал молодых летчиков, вооружал их своим богатым боевым опытом.

В Москве я встретился с Иваном Мефодьевичем Пазулой. Мог ли я думать, расставаясь с ним в концлагере Заксенхаузен, что через тринадцать лет встречу с ним в столице нашей Родины?! Оказывается, ему удалось бежать из концлагеря. Теперь Иван Мефодьевич работал лаборантом Института нефти Академии наук СССР. Пополневший и полысевший, он по-прежнему оставался таким же волевым и жизнерадостным человеком, отдающим все свои силы любимому делу.

Сергей Вандышев приехал ко мне на встречу в Москву вместе с женой Кирой, о которой он столько рассказывал мне в плену. Как оказалось, из Кляйнкёнигсбергского лагеря гитлеровцы отправили его в лагерь Луккенвальде, неподалеку от Берлина. В этом застенке томились тысячи советских, французских и английских военнопленных. В ночь на 22 апреля 1945 года советские военнопленные этого лагеря совершили массовый побег. Вандышев вернулся в свой авиаполк, стал командиром эскадрильи и участвовал в штурме Берлина.

В Киеве состоялась моя встреча с Алексеем Ворончуком. Туда же приехал на нашу встречу его замечательный друг и боевой товарищ Алексей Федирко, проживающий в Умани.

Но самая волнующая встреча, о которой я и думать не мог, неожиданно произошла в октябре 1957 года. Советский комитет ветеранов войны пригласил меня в Москву на встречу бывших узников концлагеря Заксенхаузен. Встречались люди, вместе переживавшие нечеловеческие муки и лишения, вместе боровшиеся против ненавистного врага, не раз спасавшие друг другу жизнь. После освобождения с 1945 года они ничего не знали друг о друге. И вот теперь, встречаясь здесь, в Москве, пожилые мужчины бросались друг другу в объятия, целовались и плакали...

Я прибыл, когда в актовом зале уже шел доклад о лагере смерти, о борьбе советских патриотов в содружестве

с иностранными антифашистами против поработителей. Меня избрали в президиум. Я внимательно всматривался в лица сидевших в зале бывших узников Заксенхаузена. Вдруг мой взгляд остановился на одном человеке, сидевшем во втором ряду с левой стороны, и сердце у меня заколотилось от волнения... Он тоже смотрел на меня, тяжело дышал и нервно вертелся в кресле, то и дело протирая платком глаза. “Похоже, он тоже волнуется”, — подумал я. Еще пристальнее всматриваюсь в его лицо... “Неужели он? — стучит мысль. — Возможно ли с того света ему явиться сюда?” Нет, зрение и память не обманывают меня, ведь я на всю жизнь запомнил черты этого лица! Да, это он — лагерный смертник, политрук Андрей Дмитриевич Рыбальченко!.. Он меня тоже узнал, приподнялся, готовый броситься ко мне, но сдержался.

И вот мы уже стиснули друг друга в объятиях, у обоих льются слезы... И мы не можем произнести ни слова. Но и без слов мы понимали друг друга и думали об одном и том же...

— Значит, жив! — повторял я.

— Улетел!.. Молодец! А говорил: “Не сумею”... — улыбался Рыбальченко. Как знакома была мне его улыбка...

Мне не терпелось поскорее узнать от Андрея Дмитриевича о том, что произошло с ним и Николаем Степановичем Бушмановым после нашей разлуки. Ведь я давно похоронил их... С болью в сердце переживал их печальную, трагическую участь, с благодарностью вспоминал все, что сделали они для меня и многих других товарищей. Ведь вскоре после того, как я прибыл на аэродром, туда привезли другую партию заключенных из Заксенхаузена. Некоторые из них уверяли меня потом, что своими глазами видели, как политрука и полковника в день их отправки увели в крематорий вместе с еще пятью смертниками...

Когда мы приехали в гостиницу, я узнал от Рыбальченко, что он живет в Майкопе, а Николай Степанович Бушманов в Свердловской области. Как же им удалось спастись? Оказалось, что гитлеровцы, прежде чем казнить их, попытались с помощью провокаторов, которых подсаживали к ним под видом таких же обреченных на

смерть, выпытать, кто еще из участников подполья продолжает вести борьбу. Но добиться им ничего не удалось. Бушманов и Рыбальченко выиграли время и дождались освобождения.

“А насчет крематория товарищи тебе правильно сказали... — вспоминал Рыбальченко. — В скором времени после твоего отъезда нас, семь человек, действительно вызвали из строя и увели. Кроме нас было еще три еврея и два поляка. Их повесили на наших глазах, а нас вернули назад. Это была обычная пытка, которой они хотели сломить наше упорство и заставить развязать языки. Но мы предпочитали смерть предательству, держались и вели себя до конца так же, как при тебе... А вот как они держались при мне, я знал. Я был счастлив, когда встретился с такими друзьями, а теперь счастлив втройне, что они живы”.

Пять дней мы жили с Андреем Дмитриевичем в одном номере гостиницы и все время вспоминали то одно, то другое из пережитого, называли общих друзей и знакомых.

“А помнишь?.. А помнишь?..” — перебирали мы в памяти события тех окайнных дней.

— А ты помнишь того белокурого голубоглазого датчанина, Оскара Вернера, коммуниста, что приносил коробки с продуктами? — спрашивал Андрей Дмитриевич.

— Фамилии не помню, — отвечал я, — но его самого, как живого, вижу перед собой. Ведь эти его коробки стольким людям жизнь спасли, в том числе и мне!»

В 1958 году Девятаев побывал в гостях у Андрея Дмитриевича в Майкопе, а в 1961 году приехал к нему снова. Съездил и к Николаю Степановичу Бушманову в Свердловскую область. Дружба, скрепленная кровью и муками в гитлеровских застенках, взывала к памяти, к продолжению встреч до тех пор, пока в живых останутся хотя бы двое. Ведь именно святая фронтовая дружба и взаимная братская выручка помогли им вынести все выпавшие на их долю тяготы и лишения, одержать победу над самой смертью. И это не просто слова. Это — откровение победителей.

Наверное, никто из бывлых фронтовиков так не радовался нечастым встречам, никто не провозглашал таких искренних, таких сердечных здравиц друг за друга, как девятаевцы. На одной из таких встреч все долго аплодировали отставному полковнику Владимиру Боброву, который произнес за столом не просто тост, а тост в стихах:

Поднимем тост за ВВС,
Страну невиданных чудес.
Потом стакан за два крыла,
За ВТА, ИА, ДА¹.
Потом за звезды, ордена
И за бывлые времена.
Не чокаясь — за тех ребят,
Что ждут нас у небесных врат.
За НЛ-10², ветрочет
Нальем еще в стакан в зачет!
За УМП, СМУ, ПМУ
Еще рюмашечку одну!
За шум турбин, и гул винтов,
За ХВВАУЛ, Ейск, за Балашов³,
За тех, кто в руки брал штурвал,
Стрелял, бомбил и курс считал.
За инженеров, «бортачей»,
РП⁴, радистов и врачей.
За тех, кто мог любить и ждать,
Растить детей и не роптать.
А в заключение, без затей:
Чтоб чаще обнимать друзей!

— Слова, как говорится, народные! — заключил свой замечательный тост Бобров. — А исполнение — прина-
родное!

— Володя, спиши слова!

— Спишу, но дорого стоить будет!

Вот так общались те, кто прошел сквозь адский огонь,
грозовые облака и дюралевые трубы.

---

¹ В Т А — военно-транспортная авиация, И А — истребитель-
ная авиация, Д А — дальняя авиация.

² Задачник по аэронавигации.

³ Названия военных авиационных училищ и городов, где они
расположены.

⁴ «Бортачи» — члены экипажа, летно-подъемный состав,
борт-механики и др. Р П — специалисты радиоприводных станций.

В 1961 году навигация на Волге открылась раньше, чем обычно. «Метеор» Девятаева совершал плановый рейс по маршруту Казань — Горький. Навстречу шел большой пассажирский теплоход «Козьма Минин». Теплоход подает прерывистые гудки, а потом долго и протяжно басит. Девятаев снимает трубку УКВ-телефона, выходит на связь с капитаном «Минина»:

— Что у вас там случилось? Помощь нужна?

— Человека в космос запустили! Нашего человека! В космос! Только что на землю вернулся!

— Кто вернулся? Что за человек?

— Юрий Гагарин! Включи радио!

Девятаев врубил сирену. Достал ракетницу и стал палить в воздух: зеленая, красная, белая...

— Радиста на мостик! — распорядился он по трансляции.

Прибежал радист.

— Пиши радио: «Москва. Кремль. Сергею Павловичу Королеву. Сердечно поздравляю с великой победой! Мы прорвались! Капитан Девятаев».

Неизвестно, получил ли эту радиограмму Королев в потоке других поздравлений. Но хочется верить, что получил, все вспомнил и помянул добрым словом «гида» по Пенемюнде.

Как ни плотны были рейсы из Казани в Горький, все же выпадали свободные дни, чтобы общаться с Волгой не с высоты капитанского мостика, а напрямую, вплавь... Они любили выбираться вдвоем на городской пляж. Загорали там до черноты. Но и загар не скрывал шрамов, исполозовавших тело бывшего летчика.

Девятаев любил прыгать с вышки — ласточкой.

— Хоть пару секунд, а все равно лечу! — усмехался он, скрывая тоску по небу, по штурвалу самолета...

— «В небе скрылась точка...» — улыбалась Фаина.

Любовались отцом и подросток сыновья — Леша и Саша.

Парни тянулись за отцом на вышку, чтобы тоже испытать радость недолгого свободного полета — от трамплина к воде. Они с малых лет знали, что их папа — ге-

рой, гордились им, и это было важной составляющей девятаевского счастья. Но удивительное дело: почему-то сыновья известных летчиков чаще становятся медиками, чем пилотами. Именно так вышло и у Девятаева. Но об этом другой сказ...

Зима для речника время относительной передышки: Волга скована льдом, и «Метеор» стоит в затоне до открытия весенней навигации. Январь — время отпусков. Но в отпуск Девятаев так и не собрался: январь 1966 года выпал ему черным месяцем. Как, впрочем, и великому множеству его сограждан. 14 января голос диктора с искренней скорбью сообщил: «Сегодня на пятьдесят девятом году жизни скоропостижно скончался выдающийся конструктор космических кораблей Герой Социалистического Труда академик Сергей Павлович Королев...»

Впервые мир узнал это великое имя. Смерть рассекретила «полковника Сергеева», генерального конструктора.

Девятаев горестно недоумевал: как же так, всемогущие советские врачи, медики-академики не смогли спасти такого человека, как Королев? Ведь операцию ему делали великие светила — академик Петровский и главный хирург Советской армии Вишневский.

Дома включил телевизор: во весь экран — портрет Королева в черном обрамлении. Спокойный умный взгляд... Девятаев поклонился портрету в пояс:

— Спасибо тебе, великий человек!

Невольно вспомнилось Пенемюнде. Осень 1945-го, пронизывающий ветер с моря и тот костерок в капониере, который они разложили, чтобы согреться. И «полковник Сергеев» со своей плоской фляжкой, сделанной под карман шинели. После третьего тоста — «За тех, кто в небе!» — Королев неожиданно признался:

— А ведь я тоже летчик. Только безмоторный. На планерах летал.

— Ну, это еще труднее, чем с мотором. Так что вы настоящий пилот.

— Ну, тогда за нас! — и «Сергеев» запел красивым баритоном:

Потому, потому, что мы пилоты,
Небо наш, небо наш родимый дом!
Первым делом, первым делом — самолеты.
Ну а девушки? А девушки потом!

В тот же скорбный день Девятаев выехал ночным экспрессом в Москву. С Казанского вокзала он сразу же нырнул в метро и через четыре остановки был уже у цели — Дома союзов. У входа в Колонный зал стояла на морозе предлинная очередь. Тысячи москвичей и не москвичей пришли сюда, чтобы проститься с замечательным человеком, «ракетным гением». Шансов попасть внутрь у Девятаева практически не было, даже несмотря на «Золотую Звезду» Героя Советского Союза... Лишь на следующий день Девятаев из плотной толпы тех, кто не смог войти в Колонный зал, увидел, как из Дома союзов выносили траурные носилки с урной, в которой покоился прах Королева. Михаил медленно поднял ладонь к козырьку черной капитанской фуражки, надетой несмотря на мороз.

В ту минуту ему подумалось, что Сергей Павлович Королев был одиннадцатым членом его бессмертного экипажа. Подумалось, что они вместе проделали тот немислимый воздушный путь с острова Узедом, только одному выпал Байконур, а другому — Казань...

А потом был под большим портретом Королева. Столы ломились от яств. Соседом Девятаева оказался пожилой врач. Познакомились. Помянули.

— И что же кремлевские врачи такого человека не спасли? — с горечью спросил Девятаев.

Врач ответил не сразу — после хорошей стопки коньяка:

— Спасли бы... Но интубацию не смогли сделать.

— Почему?

— Надо было в рот кислородную трубку вставить, а у него челюсти до конца не открывались. Ему в тюрьме на допросах обе челюсти сломали. Срослись неправильно...

Девятаев горестно крикнул:

— Эх, ну ладно, меня били... Но чтоб такого человека истязать?! Это ж кем быть надо?!

Он налил полный стакан коньяка и опрокинул его. Забыть! Все забыть: и фильтрационный лагерь, и протокол № 221, и протокол № 222... Да разве такое забудешь? Но ведь была, была та польская деревушка Голлин, где он посадил свой трофейный «хейнкель», и были слезы радости на впалых щеках его товарищей.

Эх, родился бы у него третий сын, назвал бы Сергеем...
Прощай, Палыч!

Глава четвертая

ПРОЛЕТАЯ НАД ГНЕЗДОМ КУКУШКИ...

Мне трижды довелось пролетать над теми местами, где проходил маршрут Девятаева, — над Балтикой, мимо острова Узедом. И каждый раз возникали одни и те же мысли: «А ведь Девятаев летел именно здесь, мимо этих островов, вот только судов внизу было меньше.

Веками люди рвались в небо, пытались подняться в него с высоких башен, не догадываясь, что путь в поднебесье ведет с полей. С летных полей.

Самый памятный, самый приближенный к девятаевскому полету был у меня вылет на самолете-разведчике дальней морской авиации «Ту-95 РЦ». Вот когда проняло, когда многое стало ясно, когда небо в тебя (или ты в него) проникло целиком и безраздельно...

Легендарный Ту-95, созданный по заданию Сталина как межконтинентальный бомбардировщик, был принят на вооружение ВВС СССР в 1956 году и все еще служит в Воздушно-космических силах Российской Федерации. Беспримерное авиационное долгожительство! И беспримерны рекорды для винтовых самолетов, поставленные этим воздушным гигантом. Ту-95 — самый скоростной в мире самолет с винтовым двигателем, его четыре движка позволяли ему пролететь без посадки свыше 30 тысяч километров. Михаил Девятаев, безусловно, знал о таких машинах, но полетать на них ему не довелось. Хотя когда я в шутку спросил, смог бы он поднять такую махину в воздух, он улыбнулся и сказал:

— Если бы при таких обстоятельствах, как в феврале сорок пятого года, наверное, смог бы!

Слава богу, что аэродром дальней авиации Кипелово, что на родной вологодской земле, ничем не напоминает аэродром в Пенемюнде. И время, несмотря на разгар холодной войны, вполне мирное...

С погодой повезло. Видимость, как говорят летчики, — «миллион на миллион».

Вон там, слева по борту, медленно, словно тяжелая баржа, проплывает плоский лесистый остров Узедом, второй по величине остров Германии. И, наверное, самый таинственный в европейских водах.

Давным-давно, еще школьником, видел я фильм, в котором герой, спасающийся от врагов на самолете, забирается в одноместную кабину под ноги летчику. Кадр настолько зримо передавал гнетущую тесноту, что представление о замкнутом, давящем пространстве и сейчас еще вызывает во мне судорожную попытку высвободиться неведомо из чего.

Полет на дальнюю разведку длился очень долго. В конце концов стало клонить в сон. Я не посмотрел тогда на часы, потому что посчитал приступ сонливости минутной слабостью. К тому же приступ этот был настолько сильным, что поднять руку и сдвинуть рукав казалось делом немыслимой трудности. Видимо, это случилось довольно давно, потому что, когда я уговорил себя прилечь на полчаса (иногда это помогает снять сонную одурь), щека заскребла о шинельное сукно щетиной, отросшей уже в полете.

Я лежу в узком проходе между пилотскими креслами на своей шинели и дышу через кислородную маску. Подо мной ролик-эскалатор. Его ребристая резиновая лента подвозит обитателей головной кабины к нижнему люку в том случае, если кто-то ранен, обездвижен, а машину, подбитую в бою, нужно срочно покинуть. Дальше срабатывает парашютная автоматика... Лежать на таком ложе неуютно уже от одной мысли, что кто-то случайно может нажать пусковую кнопку транспортера. Знаю, что никто не нажмет, но все-таки... Перед самыми глазами — ступ-

ня правого пилота в черном ботинке. Наверное, вот так же лежал на полу бомбового отсека «Хейнкеля-111» кто-то из десяти беглецов и мучительно гадал: долетим или не долетим?

Однако клонит в сон не только меня... Что-то уж очень неподвижны оба пилота. И веки у командира опущены слишком низко. И кисти его как-то безучастно покоятся на черных рукоятках. Ну конечно же! Это не руки покачивают штурвал, а сам штурвал качает их! Я привскакиваю. Сна как не бывало.

— Товарищ майор!..

К счастью, крик тонет в гуле турбин. Майор Харламов, задрав голову, переключает на верхнем приборном щитке тумблеры. Вот он снова опускает руку на штурвал и замирает в прежней позе. Сон, развеянный внезапным приступом страха, наваливается с новой силой. Но теперь я знаю, как с ним бороться. Надо все время чем-то будоражить себя, подхлестывать любыми эмоциями — страхом, стыдом, восторгом... Да-да, и восторгом тоже! Он совсем еще свеж, и чтобы вызвать его, нужно вспомнить лишь самое начало полета, то, что было утром...

А утром был затерянный в болотах аэродром. Березы обступали стоянки, и над кронами высились серебристые вертикали с огромными, в размах человеческих рук, звездами. Краснозвездные кили, составленные один к одному, сливались в сплошную гребенку, конец которой уходил к синеватой кромке леса.

Бой начинается с разведки. Чтобы отыскать где-то в океане корабли «противника», определить их мощь, курс, координаты, поднимутся сейчас с исполосованной шиной бетонки два самолета.

Они стоят расчехленные и почти голубые от отраженного в плоскостях неба. Мощные крылья закинута назад, как руки конькобежцев; узкие стремительные тела, хорошо развитое оперение — все выдает в них выносливых летунов.

Если представить работу людей, подготовивших этот вылет, в виде пирамиды, то в основании ее сольется труд механиков и синоптиков, политработников и медиков, шоферов спецмашин и связистов, буфетчицы, наконец,

что торгует березовым соком и шоколадом в военоторговском магазине, — всех, кто живет в серокирпичном военном городке. На вершине же этой пирамиды будут они — морские летчики.

Михаил Девятаев не был морским летчиком. Летать над морем, над безбрежным пустынным пространством, где дорогу не покажет «ни камень, ни крест», как поется в известной песне, это особое пилотское искусство. Девятаев им не обладал, но все же летел — без штурмана, без карты — «по солнцу». Выбора не было, как не было и дороги назад...

Право, все величие его подвига, всю остроту его риска я осознал не за столом рабочего кабинета, а там, в воздухе, над морем, на борту самолета-разведчика.

Незабываемое утро вылета на морскую разведку... В лесу кричала иволга. Из открытого окна плывет мелодия телевизионной сводки погоды. И только неровный гул, слышимый с аэродрома, да обрывки строевых песен, доносящихся из-за перелеска, напоминают о том, зачем существует в здешних болотах городской оазис.

Через пять минут экипажи, выстроившиеся под крестами винтов, сменяют морские фуражки на шлемофоны, займут свои места в самолетах.

В разведку как в разведку, разве что еще парашюты, надувные оранжевые жилеты да термосы с чаем, подкисленным апельсиновым экстрактом.

— По машинам!

Выруливающий перед нами самолет на секунду заклонил хвостом солнце.

Плавно и прочно замкнулся в днище входной люк с зарешеченным иллюминатором.

Пальцы командира корабля забежали от тумблера к тумблеру, от кнопки к кнопке — так бегает руки органиста по многорядью клавиатур. И самолет, точно огромный орган, отозвался мощным рокотом. Месса для двух воздушных винтов и двенадцати поршней...

Легкий звон турбин перерастает в шипящий свист, свист — в вой, вой — в рев, рев — в грохот... Изнемогая от собственной мощи, воздушный гигант выруливает на старт, подрагивая, как осаженный конь, на стыках бе-

тонных плит. Миг перед разбегом. Отпусти тормоза его колес — и он с места прыгнет в небо. Но вот грохот турбин пронизывает тонкий, почти ультразвуковой свист; легкий рывок — и мы катимся по бетонке. Взлетная полоса уносится назад, все убыстряясь и убыстряясь... В считанные мгновения жизни дано человеку испытать столь упоительную скорость, еще не оторвавшись от земли. (Девятаев при своем взлете испытывал совсем иное чувство — чувство надвигающейся опасности: его взлетная полоса обрывалась над морем.)

Резкий толчок — и тряска переходит в плавный полет.

Я устроился в самом конце самолетного носа, в прозрачном обтекателе штурманского отсека. Ноги в кабине на глухом полу, а тело распростерто над застекленной бездной. Радостно и жутковато смотреть вниз, не видя никаких приспособлений для полета. Аэрофлотовскому пассажиру неведомо это головокружительное зрелище — наплывающая на тебя Земля. Да, это именно Земля: горизонт открывается не линией, а дугой — зримой выпуклостью планетного шара. Кроме летчиков-высотников так видят землю только космонавты. Но у меня преимущество: из моего прозрачного колпака обзор не ограничен никакими иллюминаторами, я вбираю в себя столько пространства, сколько могу охватить взглядом.

Поджимаю ноги и вдруг замечаю, что стою на коленях перед заснеженными лесами, перед деревянными северными городами, где «мостовые скрипят, как половицы», перед невидимыми отсюда людьми. Торжественный восторг подступает к горлу — вот бы где принимать присягу!

Море с нашей высоты выглядит взморщенным голубым киселем. В тени облаков оно темно-синее. А вот и первые льдины. Очень скоро голубое исчезает под белым — пошла сплошная заснеженная равнина. Балтика еще не освободилась от зимнего ледяного покрова. Видел ли Девятаев льдины тогда — в феврале 1945-го? Теперь не спросишь. Но, наверное, видел. Море в этих широтах освобождается ото льда, наверное, в марте — апреле.

Кстати говоря, поначалу Девятаев планировал свой полет на март. Но происшедшие события ускорили его.

В полдень тревожно замигал прибор, предупреждающий о приближении чужих истребителей. Майор Харламов трясет меня за плечо:

— Готовь кинокамеру. Сейчас пожалуйт... Экипажу усилить осмотрительность!

Командир корабля выключает автопилот и переходит на ручное управление. Мало ли какой маневр понадобится совершить в следующую секунду?

Две точки в густой синеве растут, светлеют и, наконец, взблескивают на солнце — истребители настигают нас. Наш стрелок-радист на всякий случай разворачивается в сторону хвоста, из-под которого жалом скорпиона торчат стволы скорострельных пушек.

— «Фантомы»!

Красноперые остроносые машины идут вровень с нашими крыльями. Их треугольным силуэтам, печально известным в небе Вьетнама и Камбоджи, Лаоса и Синайского полуострова, не нужны опознавательные знаки. Они уже сами по себе — клейма агрессии.

Юркие и совсем небольшие — одним нашим крылом можно накрыть две-три такие машины, «фантомы» похожи сейчас на хищных пираний, которые вьются возле огромной рыбы и никак не могут к ней пристроиться. «Фантомы» то зависают над нашей машиной, то выплывают откуда-то из-под самых винтов. Им легко продолжать эту опасную игру: под боком родная база. Нам же, случись что, тянуть до своей земли тысячи миль.

Харламов снова включает автопилот: машину надо вести «по ниточке». Правый пилот слегка нервничает — руки на штурвале, в любую секунду он готов взять управление на себя, отвести машину от удара. Командир же корабля вытаскивает из-за подлокотника газету и хладнокровно разворачивает: дескать, дела ему другого нет, как по сторонам глазеть. Летчик «фантома», бородатый негр (его хорошо видно сквозь фонарь), понимает этот жест по-своему и показывает нам сквозь стекло обложку с голливудской красоткой.

«Фантомы» ушли. Но это только кажется: просто они взяли очень большой угол расхождения.

Однажды подобные игры привели к тому, что «фантом» все-таки задел советский самолет, тяжело повредил ему крыло. О том, какой ценой стоило командиру корабля подполковнику Свиридову привести машину на родной аэродром, рассказ особый...

А ведь и у девятаевского самолета крыло было пробито зенитным снарядом. Об это ему кричал Кривоногов: «Дыра в правом крыле. Больше метра!» — а сам заворуженно следил, как с закрылков срываются комочки горючего. Пробоина захватывала краем баки третьей топливной группы. Короткое замыкание — и...

Чем дальше удаляемся мы от прямой, ведущей на аэродром, тем чаще попадаете на глаза красная рукоять выброса спасательных плотов. Вспомнился совет начальника парашютно-десантной службы: «Приводнившись, парашют не бросайте, в резиновой лодке он, даже мокрый, хорошо защищает от ветра». Я слушал его, улыбаясь: если еще вчера ты втискивался в вагон метро на «Маяковской», то в завтрашнее плавание по океану на резиновой лодке верится очень слабо. В конце концов, Ален Бомбар переплыл океан и без парашютного шелка...

Мы пробиваем облачный слой с такой скоростью, что кажется, за нами в белой пелене должна остаться рваная дыра.

«Цель»! Она открылась сразу, как только мы прошли последнее облако. В считанные секунды проносится самолет над кораблем, но лишь четырехсотая доля одной из них нужна штурману для того, чтобы запечатлеть цель на фотопленку; лишь десятые доли одной из них нужны оператору, чтобы передать информацию. Ради этих мгновений и тянулись долгие часы нашего полета.

Если пролить горючее по всему нашему маршруту, то получится ручеек протяженностью в добрую сибирскую реку. Дотечет ли он до посадочной полосы? Это зависит от того, насколько экономноотрегулирует его поток бортинженер, насколько точно прочертит его русло штурман, насколько подходящую для турбин по забортной температуре высоту выберет командир. Наш главный союзник — попутный ветер. Я снова переползаю в штурманский отсек.

Мир перевернут, или это мы летим вверх ногами? Внизу — почти небесная голубизна с белыми льдинами-облаками, вверху — фиолетовая бездна. Даже солнце, отраженное водным зеркалом, сияет внизу.

Едва повернули на восток, как солнце, за которым мы все время неслись, продлевая себе день, мигом ринулось к горизонту. Вечер кварцевой голубизны. В закатных лучах киль самолета отливает блеском натруженного, отшлифованного небесами лемеха. Тьма постепенно густеет и вскоре становится такой, что кажется, будто винты вязнут в ней, и потому турбины жгут горячее вдвойне. Самолет не летит, а пробивается сквозь ночь.

Над сушей темнота стала прозрачной: огненные точки земли, неба, приборной доски сливаются воедино — нас вбирает в себя сплошная звездная чаша.

Вот уже плывут под крыльями большие, еще не уснувшие города: мириады огней поблескивают на черном бархате. Его невозможно ни с чем сравнить, вид ночного города из поднебесья. Огненные россыпи городов можно пересыпать из ладони в ладонь, как золотой песок. Но у каждого из них есть свой световой рисунок, ночной герб, по которому опытный штурман всегда отличит Ригу от Таллина, Вологду от Мурманска. Хотя каждую ночь рисунок непременно меняется.

«Мир вашему дому!» — тяжелый крест ночного самолета благословляет безмятежный город.

Попутный циклон подгонял нас весь обратный путь. Лошадиные силы турбин и струи воздушных потоков донесли самолет к аэродрому даже не запасному, а к базовому.

Мы покидаем обжитую высоту круто и потому сразу гложнем: рев турбин превратился в шелест осенних крон. Выпущено шасси. Встречный поток раскручивает колеса, но, кажется, самолет это делает сам. Он предвкушает бетонную полосу, ласковую, как земля.

Девятаева же земля встретила совсем не ласково и в прямом, и в переносном смысле слова. Она корежила самолет, корежила души беглецов-счастливицев. Но все же приняла их живыми...

Вот как сложились их судьбы.

В конце марта 1945 года, после проверки и лечения, семеро из десяти участников побега (Соколов, Кутергин, Урбанович, Сердюков, Олейник, Адамов, Немченко) были зачислены в одну из рот 777-го стрелкового полка (по другим данным — в 447-й стрелковый Пинский полк 397-й стрелковой дивизии) и отправлены на фронт (даже Немченко, потерявший один глаз, уговорил отправить его на фронт в качестве санитаря стрелковой роты). Трое офицеров — Девятаев, Кривоногов и Емец — до конца войны оставались вне зоны боевых действий, ожидая подтверждения воинских званий.

Рота, в которую были зачислены семеро из десяти беглецов, участвовала в штурме города Альтдама. 14 апреля во время форсирования Одера погибли Соколов и Урбанович, был ранен Адамов.

По сведениям Девятаева, Кутергин, Сердюков и Немченко погибли в бою за Берлин за несколько дней до победы, а Олейник погиб на Дальнем Востоке, в войне с Японией. Из семерых остался в живых только Адамов, он вернулся в поселок Белая Калитва Ростовской области, стал шофером. Емец после войны вернулся в Сумскую область, стал бригадиром в колхозе.

И еще одна важная деталь. Перед освобождением острова все военнопленные лагеря «Карлсхаген-1» были уничтожены. Не пощадили эсэсовцы и своих прихвостней вроде Кости-морячка и прочих бандитов. Так что Михаил Девятаев трижды избежал гибели: от рук садистов, вынесших ему приговор «десять дней жизни», от рук эсэсовцев, уничтожавших узников «Карлсхагена», и от воздушных асов, искавших его за облаками.

Глава шестая **РАЗБОР ПОЛЕТОВ**

Девятаев не раз бывал в Германии. И его там хорошо знали. Однажды немецкий тележурналист пригласил его на встречу с Матиасом Рустом, летчиком-любителем, который умудрился преодолеть все зоны советской

противовоздушной обороны, посадить свою хрупкую спортивную «Сессну» на Большом Москворецком мосту в Москве и накатом доехать до Красной площади. Этот невероятный полет наделал в свое время немало шума. Генеральному секретарю ЦК КПСС Михаилу Горбачеву этот скандальный полет оказался на руку: он снял с должности тогдашнего министра обороны, главкома ПВО и еще около двухсот неугодных ему генералов и офицеров, которые не одобряли курс генсека на одностороннее разоружение. Кто-то из комментаторов этого события сказал: «Если бы Руста не было, его надо было бы выдумать». Но выдумывать ничего не пришлось. Реальность оказалась фантастичнее любого вымысла. Было много суждений о том, что полет Руста организовали спецслужбы США или Англии. Но потом все же пришли к выводу, что Матиас Руст с детства страдал шизофренией и как все шизофреники был «миллиметристом», то есть мог с точностью до миллиметра координировать свои действия в пространстве. Только этим и можно было объяснить его невероятную посадку на мосту среди потока машин и автобусов.

В конце концов, Рустом занялись врачи-психиатры. Но это уже другая история. Важно то, что некоторые западные и особенные немецкие журналисты истолковали это событие как некий авиационный реванш за полет Девятаева из Пенемюнде. Дескать, вот вам адекватный ответ: вы угнали немецкий самолет с секретного аэродрома, а мы посадили немецкий самолет рядом с Кремлем. Разумеется, эти два события никак нельзя ставить ни рядом, ни в противовес. С одной стороны, побег обреченных людей из ада, с другой — воздушное хулиганство на грани уголовного преступления. Если их что-либо и роднит, то это ряд удач, больших и малых, который выстроила авиационная фортуна.

Михаил Петрович Девятаев как никто чувствовал фальш «подвига» гамбургского «аса» и поэтому от встречи с Рустом отказался. Много чести этому юнцу с его фанатериями.

А вот от приглашения Йоханнеса Штейнхоффа не отказался, принял его и встретился с одним из самых зна-

менитых асов люфтваффе. Йоханнес Штейнхофф был одним из самых результативных асов Третьего рейха, одержал 176 побед в воздушных боях. Оберст люфтваффе, кавалер Рыцарского креста Железного креста с дубовыми листьями и мечами, и прочая, и прочая, и прочая... Много сделал для создания военно-воздушных сил Западной Германии, дослужился до звания генерала авиации люфтваффе. Вполне заслуженный военный деятель Европы конца XX века.

Ко всему прочему, Штейнхофф в последний год войны служил на Узедоме и хорошо знал обстоятельства девятаевского полета. Некоторые историки считают, что его тоже хотели отдать под суд, но за него вступился сам фюрер. Штейнхофф крепко пострадал по другой причине.

8 апреля 1945 года во время взлета с аэродрома Ахмер его «Мессершмитт -262» потерпел аварию. Самолет загорелся, на его борту стали взрываться боеприпасы. Наземный персонал каким-то чудом смог спасти Штейнхоффа, но получил тяжелейшие ожоги и выписался из госпиталя только в конце 1947 года. Авария оставила ужасные следы на его лице, были обожжены щеки, уши и веки. Из-за сильных ожогов и повреждений век Штейнхофф не мог закрывать глаза, и ему приходилось спать практически с открытыми глазами. Лишь в 1969 году английские военные хирурги провели сложную пластическую операцию и, что называется, «сделали» ему новые веки. Но самое удивительное, что за все эти годы Штейнхофф не потерял своего летного мастерства.

Историю этого аса Девятаев знал, и был приятно удивлен, когда бывший немецкий ас преподнес ему хрустальную вазу с надписью: «Самому храброму летчику мира». Такое признание бывшего противника дорогого стоит...

Жизнь круче любого приключенческого романа. Прошло полвека со дня девятаевского бегства из ада, и вот уже другой ад — афгано-душманский, и вот почти такой же дерзкий и удачный воздушный побег из Кандагара в августе 1996 года. Годом раньше самолет Ил-76 был перехвачен в небе Афганистана истребителем МиГ-21

движения «Талибан» и принужден совершить посадку в районе Кандагара под предлогом досмотра груза.

Более года (378 дней) члены экипажа самолета находились в плену в очень тяжелых условиях, мучаясь от жары, от нехватки воды и плохой пищи. Психологическое состояние экипажа тоже было очень тяжелым: они всерьез опасались за свою жизнь... Талибы были скоры на расправу.

Командир воздушного корабля Владимир Шарпатов смог убедить талибов, что весьма ценный самолет требует периодического технического обслуживания. В Кандагаре не было собственных специалистов, поэтому экипажу было позволено время от времени под вооруженным конвоем поддерживать самолет в работоспособном состоянии.

При очередном техобслуживании экипаж запустил двигатели и взлетел, воспользовавшись ослаблением бдительности на аэродроме. Была пятница, день особо ревностных молитв. Конвоиров, которых на борту было меньше, чем обычно, удалось обезоружить и связать. Почти всё, как на аэродроме в Пенемюнде! Возможно, риска было чуть меньше: ведь самолет был свой, родной, его не надо было изучать в полете, но все же — весьма узнаваемый почерк!

Разумеется, и полковнику Башко тоже было проще вырваться из плена на самолете, чем Девятаеву. Он же хорошо знал свою машину, ему легче было ориентироваться над сушей, за ним никто не устраивал погони... Но во всех случаях и его, полковника Башко, и командира лайнера Ил-76 Шарпатова могли догнать пули, посланные влгонку, а в случае отказа авиационной техники и вынужденной посадки на чужой территории всех их ждала бы одна печальная участь. Но все же Девятаев рисковал намного больше, да и моральные, физические затраты на выполнение полета были несравнимо выше. Так или иначе, но эти имена в одном геройском ряду: Иосиф Башко, Михаил Девятаев, Владимир Шарпатов...

Аэродромные службы Кандагара пытались воспрепятствовать взлету тяжелого транспортного лайнера, но

безуспешно. Самолет-истребитель поднять в воздух не успели. Топлива на полет хватило, так как самолет перед рейсом в Кабул был заправлен с расчетом на обратный рейс, и топливо не было слито.

Для большей скрытности Ил-76 уходил из Афганистана на запад — в Иран (а не на север, в Россию через Среднюю Азию), уходил, как и хорошо известный нам «Хейнкель-111», на предельно малых высотах. Авиадиспетчеры Ирана пропустили самолет в свое воздушное пространство, который затем беспрепятственно прилетел в аэропорт Шарджу (Объединенные Арабские Эмираты).

В ночь на 19 августа 1996 года российские летчики вернулись в Казань, где проживал в то время Михаил Петрович Девятаев.

Неизвестно, встречался ли он со своим собратом по подвигу Владимиром Шарпатовым (надеюсь, что такая встреча состоялась!), но сам Владимир Ильич признавался, что веру в успех придавал им именно побег Девятаева из Пенемюнде.

Командиру корабля Владимиру Шарпатову и второму пилоту Газинову Хайруллину без особых проволочек (им не пришлось ждать 13 лет, как Девятаеву) было присвоено звание Героев России. А все остальные члены экипажа были награждены орденами Мужества. Такой вот счастливый финал. Не зря говорят, что история любит повторяться.

А вот в условиях специальной военной операции на Украине эпизод с угоном боевого самолета не повторился. Как ни соблазняли украинские спецслужбы российского летчика, какие горы денег и прочего обывательского «счастья» ни сулили ему за угон своего истребителя, летчик остался верен присяге.

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

Гвардии старший лейтенант Михаил Девятаев вышел из своего невольного затенения в середине 1950-х годов. Сегодня редкий человек не знает о его подвиге, о невероятной силе воли этого летчика, героя почти былинного. О нем немало написано, сняты документальные ленты и художественный фильм. Из всего снятого о нем самое лучшее — документальный фильм «Догнать и уничтожить» (телекомпания «Народное кино», режиссер Константин Орозалиев)... Там Девятаев — живой! Там он сам рассказывает о своем подвиге. И еще великий артист Василий Лановой — с придыханием в голосе.

Вот уж недаром говорят: Бог троицу любит. На Узедом, в Пенемюнде, на свой «звездный аэродром» Девятаев вернулся в третий и в последний раз — в 2002 году. Вернулся как герой документального фильма, чтобы лично рассказать и показать, как все было... Кинодокументалисты снимали фильм о его подвиге, о его судьбе.

Перед тем, в Казани, режиссер спросил Девятаева:

— Наши немецкие коллеги приглашают вас в Пенемюнде, чтобы продолжить съемки там. Вы готовы лететь вместе с нами в Германию?

Девятаев ответил не сразу. Режиссер все понял:

— И супругу вашу тоже приглашаем. Отдохнете немного. Ногу подлечите. На острове Узедом сейчас один из самых популярных в Германии курортов.

Но не это волновало летчика. Уж очень не хотелось беречь память о страшном месте. И все же он согласился:

— Летим!

Вот он, клятый остров Узедом. А вот и обещанный спа-салон. Кто бы мог подумать тогда, что этот остров мук и смерти обладает целебной силой?! Девятаеву накладывают лечебную грязь на раненую ногу. Фаине Хайрулловне делают обертывание с водорослями. Она удивлялась:

— Даже представить себе не могла, что мы с тобой когда-нибудь будем так отдыхать! Какое чудесное место!

— Да... Рай в бывшем аду.

А потом начались съемки документальных эпизодов. Вот Девятаев, прихрамывая, идет по полосе, с которой взлетал 48 лет тому назад. Снимают сохранившийся капонир, из которого группа беглецов вышла на захват самолета.

— Да, отсюда мы вышли на захват «хейнкеля». Это был наш последний шанс. Иначе нас все равно бы здесь всех расстреляли.

Кинорежиссер дает знак, и в кадре совершенно неожиданно для Девятаева появляется немец весьма преклонных лет. Он церемонно представляется:

— Обер-лейтенант Гюнтер Хобом. Я должен был вас сбивать в небе, когда вы улететь. Слава богу, — говорит он ошеломленному летчику, — что мне не удалось это сделать.

И вот они сидят в маленьком гаштете — два бывших летчика, два бывших врага — за накрытым столом. Их встречу, их беседу снимают на пленку.

— Выпьем за мир, — предлагает Девятаев. — Чтобы никто никого не сбивал. Чтобы небо всегда было голубым, как сегодня.

— Да, да! — поддерживает тост Гюнтер Хобом. — Чистое небо и видимость миллион на миллион.

Потом, рассказывая об этой встрече, Девятаев хитро улыбался: «И все-таки я его сделал! Сломался немец на пятом тосте!»

Обратно летели рейсовым аэрофлотовским самолетом. За иллюминаторами лайнера — голубое почти чистое небо с редкими облачками. Девятаев сидел в парадной авиационной тужурке с золотыми погонами и «Золотой Звездой» на груди. К нему подошла стюардесса:

— Вы господин Девятаев? Командир корабля просит вас пройти в пилотскую кабину.

— Да какой из меня «господин»?! — усмехается именитый пассажир. — «Товарищ» я. Был «товарищем», «товарищем» и остался.

Девятаев охотно проследовал за стюардессой в пилотскую кабину. Правый пилот тут же уступил ему свое кресло. Забытая упругая сила штурвала снова в руках Девятаева. Лицо его молодеет.

«Выдра», «Выдра», я — «Мордвин»!

«Ахтунг, ахтунг! В воздухе Девятаев!»

А вокруг — небесная синь и видимость «миллион на миллион». А в самолете изменилось все: и приборная панель, и интерьер, и тип двигателей. Неизменными остались только облака за остеклением. Они — вечные, как и все самое эфемерное — цветы или снежинки...

Всего он сбил девять самолетов. Друзья шутили: был бы Десятаевым, сбил бы десять. Однако десятым можно считать угнанный и угробленный при жесткой посадке «Хейнкель-111». Как бы там ни было, но гвардии старший лейтенант Девятаев уменьшил силы люфтваффе на целую эскадрилью. Жаль, что никто сегодня не оценит в полной мере, какой ущерб нанес он ракетостроению Третьего рейха, лишив его летающей лаборатории.

Фаина родила ему двух сыновей и дочь. Сыновья, Алексей и Александр, стали медиками, а дочь Нэлли после окончания Казанской консерватории преподавала музыку в театральном училище.

Говорят, дети, рожденные в любви, вырастают красивыми. В это легко поверить, взглядываясь в лица Алексея, Александра, Нэлли...

На исходе жизни Фаине Харулловне пришлось пересест в инвалидную коляску: больные ноги стали отказывать... Коляску с обездвиженной женой возил Михаил Петрович. Его ладони, знававшие штурвал самолета и корабля, легли теперь на рукояти инвалидного кресла. И, как всегда, он оказался хорошим водителем, вывозя Фаину в большой мир, к Волге, в парки...

Им посчастливилось отпраздновать золотую свадьбу. Не каждой супружеской паре такое дано...

Михаил Петрович Девятаев закончил свой жизненный путь на 85-м году — 24 ноября 2002 года. В тот самый год, когда он в последний раз побывал на проклятом острове, в Пенемюнде. Так распорядилась Судьба, которая не выпускала его из поля зрения всю жизнь, хранила отважного человека и посылала на новые подвиги.

Тысячу раз прав французский летчик-писатель Антуан де Сент-Экзюпери: «Про летчиков говорят, что они не умирают, а просто не возвращаются из полета». Истребитель вражеских самолетов Михаил Девятаев не вернулся из полета. Исчез в бездонной синеве неба, оставив белоснежный инверсионный след — память о себе...

Гвардии старший лейтенант в отставке Девятаев погребен на самом главном кладбище столицы Татарстана — Арском. В Пантеоне Памяти парка Победы в его честь установлена мемориальная доска.

На малой родине, в Торбеево, открыт музей легендарного летчика. Именем Девятаева названы несколько речных судов Волжского пароходства.

Памятники «Побег из ада» установлены в Вологде, Саранске, Полтаве, Оренбурге и в самом Пенемюнде... Поэты воспели полет Девятаева в стихах и поэмах... Такое ощущение, что чем дальше уходит в прошлое эта история, тем ярче высвечивается подвиг Девятаева, его личность... Но самое главное: его помнят и чтут.

Владимир Высоцкий наверняка слышал имя Михаила Девятаева. Не знаю, состоялось ли у них личное знакомство, но песня «Воздушный бой», одна из самых лучших (на мой взгляд, так самая лучшая!) песен о летчиках, была написана так, будто сам Девятаев рассказал поэту о своих воздушных боях.

Их восемь — нас двое, — расклад перед боем
Не наш, но мы будем играть!
Сереза, держись! Нам не светит с тобою,
Но козыри надо равнять.

Мне довелось видеть, как Михаил Петрович Девятаев слушал эту песню, как играли желваки на его скулах, а пальцы сами собой сжимали невидимый штурвал.

Я этот небесный квадрат не покину —
Мне цифры сейчас не важны:
Сегодня мой друг защищает мне спину,
А значит — и шансы равны...

Это же все оттуда: «“Мордвин”, прикрой! Атакую!». И он прикрывал, и сам шел в атаку...

Мне в хвост вышел «мессер», но вот задымил он,
Надсадно завывли винты, —
Им даже не надо крестов на могилы —
Сойдут и на крыльях кресты!

Историческая справка

Михаил Петрович Девятаев свыше тридцати лет безупречно проработал в Казанском речном порту. Здесь ему доверили испытание первого в мире быстроходного катера на подводных крыльях «Ракета». Он и стал первым его капитаном. Спустя несколько лет Девятаев уже водил по Волге быстроходные «Метеоры». После ухода на пенсию Михаил Петрович активно занимался общественной работой: участвовал в ветеранском движении (в течение многих лет являясь членом общества «Герои Татарстана» Президиума республиканского комитета ветеранов войны и военной службы и Республиканского Совета организации ветеранов и пенсионеров), создал «Фонд Девятаева», оказывал помощь тем, кто в этом особо нуждался. Часто встречался со студентами, школьниками и воинами Казанского военного гарнизона. Как и в юные годы, он увлекался литературой об авиации, о подвигах отечественных летчиков. За большие заслуги в деле военно-патриотического воспитания молодежи Михаилу Девятаеву было присвоено звание «Заслуженный работник культуры ТАССР».

Михаил Петрович Девятаев — почетный гражданин Республики Мордовия, городов Казани, Вольгаста и Циновичи (Германия). В Мордовии, в его родном поселке

Торбеево, в его честь названа одна из центральных улиц. При въезде в город установлен монумент в память о его подвиге. Кроме того, традиционными стали ежегодные спортивные турниры в честь Михаила Девятаева, которые служат патриотическому воспитанию молодежи.

Я не раз пытался понять код фантасмагорической судьбы Михаила Девятаева. И всю цепь великого множества счастливых случайностей, из которых состоял его воздушный побег с Пенемюнде, могу объяснить только одним — молитвами его матери, Акулины Дмитриевны. А материнская молитва, как известно, обладает особой силой... Только она и могла спасти своего «тринадцатенького» от злых превратностей судьбы. И спасла.

Горжусь, что однажды пожал Девятаеву руку. Я успел это сделать.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

Участники группы Девятаева

Иван Кривоногов — уроженец села Красная Слобода Борского района Нижегородской области. Воевал в пехоте, лейтенант. Участвовал в сражениях на границе. Попал в плен 6 июля 1941 года. В плену находился под именем Иван Корж, выдавал себя за украинца. При подготовке побега убил лагерного полицая и был отправлен в концлагерь Натцивиллер под Страсбургом; в конце 1943 года переведен на остров Узедом; в 1944 году вместе с группой единомышленников пытался организовать побег с острова на лодке, но реализовать этот план не удалось.

Владимир Соколов — уроженец Вологодской области, артиллерист, в плен попал в начале 1942 года, два раза пытался бежать, за попытку побега был отправлен в концлагерь, где познакомился с Кривоноговым, вместе они были направлены на Узедом и вместе планировали побег с острова на лодке.

Владимир Немченко — белорус, после попытки побега немцы выбили ему один глаз и отправили на остров Узедом.

Федор Адамов — уроженец села Белая Калитва Ростовской области.

Иван Олейник — уроженец кубанской станицы Анастасиевская, начало войны встретил на Украине в звании сержанта. Его взвод попал в окружение и не смог пробиться к своим. Из военнослужащих своего взвода организовал партизанский отряд. В столкновении с немецкими силами охраны порядка попал в плен, был отправлен на работы в Германию.

Михаил Емец — уроженец села Борки Гадячского района Полтавской области. Политрук, старший лейтенант. Попал в плен в июне 1942 года.

Петр Кутергин — родился в 1921 году на станции Чернушка Свердловской области (в настоящее время станция находится на территории Пермского края).

Николай Урбанович — уроженец села под Бобруйском, попал в плен мальчиком и был угнан в Германию во время

наступления немецких войск в 1941 году. После двух попыток побега был отправлен в концлагерь, в 1943 году переведен на Узедом. Познакомился с Девятаевым во время работы в бригаде, через него Девятаев установил контакт с группой Кривоногова — Соколова.

Тимофей Сердюков (в воспоминаниях Девятаева упоминается как Дмитрий) — познакомился с Девятаевым в Заксенхаузене, после того как тот избежал смерти, укрывшись под фамилией Никитенко. Сердюков был соседом Девятаева по нарам и вместе с ним был направлен на Узедом. По воспоминаниям Девятаева и Кривоногова, имел весьма беспокойный характер и, зная о тайне Девятаева, а затем и о плане побега, доставлял им немало беспокойства.

Приложение 2

Проект «Аллея российской славы»

В честь очередной годовщины Победы нашего народа в Великой Отечественной войне и в память о легендарном побеге из концлагеря «Пенемюнде» десяти советских военнопленных на бомбардировщике «Хейнкель-111» возникла замечательная идея установить памятные знаки в десяти городах, где жили участники побега. Памятные знаки должны быть сооружены в рамках проекта «Аллея российской славы». При открытии каждый памятный знак должен быть отмечен словами: «Во имя России». Вот эти города:

Белая Калитва, Ростовская область
Вологда
Гадяч, Полтавская область, Украина
Гомель, Республика Беларусь
Гулькевичи, Краснодарский край
Донецк, Украина
Нижний Новгород
Новокузнецк
Саранск, Республика Мордовия
Славянск-на-Кубани

Нэлли Михайловна Девятаева об отце

«Когда я была маленькой, люди всегда высказывали мне свое восхищение папой-героем, а мне он казался вполне обыкновенным. Повзрослев, я стала открывать в отце незаурядные черты. Мне кажется, что он обладал особым талантом — делиться с людьми всем хорошим, чем только мог, помогая и поддерживая тех, кто в этом нуждался. Несмотря на тяжкие испытания, выпавшие на его долю, папа оставался личностью, излучавшей добро. Чувствуя в нем душу хорошего человека, люди оказывали ему поддержку в поворотные моменты его жизни. Это и первая учительница Елена Афанасьевна, которая стала для него второй матерью, это и директор речного техникума Маратхузин, принявший отца без документов в студенты и обеспечивший его питанием и жильем, это и неизвестный узник, поместивший бирку смертника Девятаева на бирку Никитенко... А сколько случаев мне неизвестно!

Я самая младшая из детей. Родилась за три недели до присвоения папе звания Героя Советского Союза после двенадцати тяжелых лет, когда ко всем бывшим военнопленным относились с недоверием.

У меня два брата. Старший — Алексей — родился в 1946 году, но, к сожалению, его не стало в 2004-м, работал врачом. Второй брат Александр, 1951 года рождения, профессор мединститута, увлекся темой изучения жизни отца, погрузился в историю, ищет документы, изучает архивы.

Папа запомнился человеком необычайной доброты. Я, мои дети, внуки никогда не слышали слова «нет». Лет в десять, когда мне мечталось посмотреть на восход солнца, разбудил пораньше, и мы с ним пошли встречать рассвет. Потом мне ужасно захотелось увидеть, что такое ледоход, и он повез меня в ту часть речного порта, где находились базы. С детства безумно любила театр, мы ездили в Москву, ходили на спектакли. С юных лет мечтала учиться музыке, это у меня от мамы такая тяга. А пианино было дефицитом. Когда директор музыкальной школы позвонил маме и сказал, что пришли пять чешских инструментов PETROF, папа сразу же поехал и приобрел мне один. Этот дорогой сердцу подарок у меня со второго класса и до сих пор со мной. Папа брал меня с собой везде. Например, на

армейскую встречу в 1974 году, когда я увидела всех его товарищей и восхищалась тогда братством летчиков. Это совершенно невероятные мужчины, от которых исходит дух смелости, реактивности, бесшабашности. Еще мы ездили в Крым (в Симферополь. — *Н. Ч.*), где останавливались у его однополчанина, Героя Советского Союза, командира эскадрильи истребительского авиационного полка Александра Вильямсона¹. Папа никогда не отказывал тем, кто к нему обратился. В 1990-е годы многие ветераны войны стали жить хуже, остались одинокими. Он очень сокрушался по этому поводу и предложил создать благотворительный фонд. Сам обращался к спонсорам, а потом лично шел и раздавал деньги и продукты, навещая больных и нуждающихся.

Когда отца взвесили после побега из фашистского плена, весы показали 38 кг. К сожалению, тех, кто помнит военное время и папу лично, остается все меньше.

Для него семья всегда стояла на первом месте. С мамой они прожили 60 лет. Папа ждал юбилейную дату в ноябре 2002-го, но в самом начале месяца его отвезли в больницу с инфарктом, и 24 ноября его не стало. Незадолго до его смерти по заказу правительства Москвы снят фильм “Догнать и уничтожить”, небольшая, 26-минутная кинолента. Когда авторы узнали, что такой герой живет в Казани, не смогли обойти стороной его невероятную судьбу. Прекрасный фильм, в нем показана судьба двух людей — моих мамы и папы, как они через всю жизнь пронесли свою любовь, несмотря на все сложности, военное время.

Сама мама из Казани, до 1937 года они просто дружили, отсюда папа уехал поступать в летное училище. Так и сказал подруге: “До свидания, Фая, уезжаю в Оренбург учиться на летчика”. А в 1942-м, после тяжелого ранения в ногу, отцу запретили летать и отправили на учебу в Казань. Они с мамой начали встречаться. Кстати, были прекрасной танцевальной парой, и я помню, как легко и непринужденно они двигались в вальсе и фокстроте. Мама всю войну ра-

---

¹ *Александр Александрович Вильямсон* (1918—1986) — Герой Советского Союза, командир эскадрильи 104-го гвардейского истребительного авиационного полка (9-я гвардейская истребительная авиационная дивизия, 6-й гвардейский истребительный авиационный корпус, 2-я Воздушная армия, 1-й Украинский фронт), гвардии капитан. В Симферополе часть Степной улицы Железнодорожного района переименована в улицу Вильямсона.

ботала лаборантом в казанском Институте эпидемиологии и микробиологии, часто приходила на танцы, не раз повторяла: “Выйду замуж за того, кто хорошо танцует”. Папа это знал, поэтому, несмотря на то что приехал он в город на костылях, в первый же день пошел на танцы с надеждой встретить там ее. Здесь, в Казани, они и поженились, храню их фото, сделанное на Баумана сразу после регистрации в загсе, его мне мама передала еще при жизни.

Папа притягивал людей. Человек он был общительный, но не болтливый, очень сдержанный. Обладал железными нервами — сами понимаете, выдержать то, что он пережил, не каждому под силу. Каждый год 8 февраля — дата побега из фашистского плена — в нашей семье отмечался второй день рождения отца. И всегда приходили гости, родственники — в основном по маминой линии. И соседи. Конечно, всегда устраивалось застолье с пирогами. В нашу квартиру на улице Сеченова всегда приходило много знаменитых личностей. Люди чувствовали его сильный характер, великодушные, доброту, открытость. Потрясающего деда помнят и все его внуки, папа их всех застал при жизни, даже первую правнучку увидел. Все шесть внуков души не чаяли в дедушке. Во время домашнего застолья он мог просто увлечь ребят, пойти с ними на прогулку просто потому, что ему это самому доставляло радость. Внуков он считал главным счастьем, а семью — самым ценным, что у него есть.

Его любовь проявлялась через поступки. Вплоть до бытовых вопросов: в детстве мы еще спим на даче, а он нам свежие ягоды несет, взрослые заняты, а он детей увлек шахматами. Причем делал все не как должное, а с радостью, ощущением вкуса к жизни. Мы тогда еще не понимали такого счастья, воспринимали как норму, осознали всю ценность, когда папы не стало.

...И еще: он великолепно шил, мог все починить. Как и где он всему научился? Мы и сами всегда этому поражались. У отца были золотые руки, он все умел делать: клал печи, делал ремонт, великолепно шил (из-под его рук вышло мамино пальто, бабушкины ичиги, многие вещи братьев), умел починить абсолютно все, что ломалось. Отлично готовил, увлекался кулинарией. Любил сажать деревья: у нас во дворе все березы посажены папой, он привозил каштаны и листовницы. И это помимо дачи, где практически все делалось его руками. Даже когда уже стал болеть, с трудом передвигался, все равно старался оставаться активным:

читал много книг, практических, в том числе о садоводстве. Уважал людей, которые умеют руками что-то создавать.

Удивительно, откуда у него было столько умений! Он ведь из нищей семьи, тринадцатый ребенок, мама его поднимала детей без мужа.

Первый раз папа попробовал торт курсантом авиационного училища, когда купил его на свою первую стипендию и съел целиком. Видимо, всем навыкам жизнь его учила, а он все впитывал. Еще мы всегда восхищались, как папа, выросший в деревне, умел лаконично и с достоинством выражать свои мысли, выступать перед большим количеством людей, произносить речь так, что каждое слово проникало в сердце.

У всех нас навсегда останется его жизненный пример. Отец учил нас относиться к людям с добротой и вниманием. И мы стараемся следовать его примеру, храня светлую память обо всех поступках, которые он совершал ежедневно.

Перед смертью папа не мог оставаться в четырех стенах, рвался к людям, а сил-то уже не было. Только огромная воля еще двигала им. Но до самого конца он не утратил любознательности, щедрого интереса к жизни.

В нашей семье, как уже говорилось, не было принято произносить высокопарных слов, но я всегда, каждую минуту чувствовала любовь родителей, она давала ощущение опоры, незыблемости.

Перед смертью папа долго-долго смотрел на меня, потом громко сказал: «Я люблю тебя». Потом поняла, что это было прощание. Есть песня на слова Рабиндраната Тагора, которая ассоциируется у меня с именем папы. Там есть такая строчка: «Свет, побеждающий вечный закон, это любовь моя!»

Это я знаю и буду помнить всегда».

Приложение 4

«НЕБО МОЯ ОБИТЕЛЬ...»

Кое-что о судьбах пилотов военного неба

«Небо моя обитель...» Я всегда с глубочайшим уважением относился к фронтовым летчикам. Как и все юнцы своего времени, любил самолеты, небо, полеты... Несколько долей диоптрий, которых не хватило до единицы идеального

зрения, преградили путь в летное училище непреодолимым барьером. Зато потом, став специальным корреспондентом «Красной звезды», отвел душу.

Здоровье и статус военного корреспондента позволяли летать на всех типах военных самолетов, кроме сверхзвуковых истребителей-перехватчиков. Были полеты и на бомбометание, и на дальнюю воздушную разведку, и на выброс десанта. Летал военными бортами над Памиром и Арктикой, над Алтаем и тундрой, над водой и льдами...

Перебирая старые блокноты, нашел записи бесед с асами минувшей войны — семью нашими, двумя японскими и одним немецким. Впрочем, одного из них к асам никак не отнесешь. Просто не успел он стать асом.

В нашем подъезде жил бывший летчик-истребитель, потерявший зрение после третьего боевого вылета, звали его Валентин Гаврилович. К стыду своему, фамилию не записал, звал его только по имени-отчеству, и в телефонной книжке помечен он был как Вал. Гавр. Он был членом московской коллегии адвокатов и членом Всероссийского общества слепых, и, разумеется, инвалидом Великой Отечественной войны. У него были хороший магнитофон и много записей Владимира Высоцкого. На этой почве мы с ним и подружились.

Любимой песней Валентина Гавриловича, конечно же, была «Я — “Як”, истребитель, мотор мой звенит, небо — моя обитель, но тот, который во мне сидит, считает, что он — истребитель». Он тоже летал на «яках».

При случае я заглядывал к нему в гости, мы обменивались записями, иногда беседовали о войне. Тему эту он не любил, считал, что почти и не воевал, чувствовал себя военным неудачником.

— Всего три боевых вылета, и — финиш. Уж лучше бы я в плен попал, — сетовал он с горьким юмором. — Все больше врагу вреда принес, чем всю войну инвалидом провести, государственный корм впустую переводить.

Воевал он на Калининском фронте. В истребительный полк пришел мальчишкой сержантом после ускоренного обучения летному делу. Как и большинство его сверстников-коллег обладал минимальным налетом и еще меньшим пилотажным умением: взлет-коробочка по периметру аэродрома — посадка. В боевые вылеты уходил, естествен-

но, ведомым — прикрывать хвост ведущего. В последнем, третьем, вылете был сбит. И последнее, что он видел, что сохранили его глаза: стремительно надвигающаяся черная птица вражеского самолета...

Потом лицо, обожженное нестерпимой болью, темень, хлещущий поток воздуха сквозь разбитый фонарь и ощущение падающей машины. Понял, что сбит, сил хватило, чтобы вывалиться из кабины и рвануть кольцо парашюта. Землю не видел — в глазах темень, и с той минуты — вечная.

— Преме́рзкое ощущение — лететь к земле, не видя ее. Я не успел сгруппироваться, не успел, как учили, напряжинить ноги. Удар — и новая боль. Обе голени оказались сломанными. Потерял сознание. Парашют проволол меня еще метров сто, но, слава богу, по своей земле. Точнее, ничейной. Какие-то крестьянки притащили меня в деревню. Немцев там не было, но и наших тоже. Омыли лицо, как смогли, примотали к доскам ноги. А потом лазарет. Зрение спасти не удалось. И меня комиссовали. Ну, остальное неинтересно. Выучил азбуку Брайля, обрел возможность читать. Поступил на юридический. Стал адвокатом. Награды? Медаль «За победу над Германией». Ну и красная нашивка за ранение. Жизнь — вот главная награда. Небо потерял, зрение потерял, но ведь дышу, птиц слышу, песни пою...

Когда Валентина Гавриловича не стало, я был в далеких морях. Детей у него не было, близких родственников тоже. Так он и остался для меня безымянным, нет — бесфамильным летчиком Великой Отечественной, одним из тех, которые держали на своих плечах суровое небо войны.

* * *

С первым настоящим воздушным асом судьба свела меня на Скаковой улице, где размещался штаб авиации ВМФ. Я пришел на прием к командующему морской авиацией СССР Герою Советского Союза генерал-полковнику авиации Александру Алексеевичу Мироненко. Пришел к этому высокому начальнику, заслуженному военному летчику СССР, слегка робея. Но командующий весьма снисходительно отнесся к моим погонам старшего лейтенанта, принял по-дружески, а самое главное, разрешил то, ради чего я, корреспондент «Красной звезды», к нему и пришел, — полет на боевую службу в составе экипажа самолета дальней морской разведки. Разумеется, мое появление

было предварено звонком главного редактора «Красной звезды» генерал-лейтенанта Николая Ивановича Макеева, но по правилам воинского этикета я должен был лично предстать перед военачальником, который брал на себя ответственность за допуск к важному государственному делу офицера со стороны. Боевая служба есть боевая служба, она приравнивается к боевым действиям, и корреспондентов на борту самолетов-разведчиков не очень-то жаловали. Возможно, я был первым, кому удалось получить «добро» на полет в Атлантику на самую что ни на есть настоящую разведку: поиск американского авианосца в районе островов Зеленого Мыса. Мироненко направил меня в 392-й ОДРАП — отдельный дальнеразведывательный авиаполк, который базировался тогда под Вологдой. О том незабываемом почти 18-часовом полете я написал повесть «Полет на полный радиус». Она вошла в самую первую мою книгу «Соль на погонах», и генерал-полковник Мироненко, помимо всех своих замечательных титулов еще и кандидат военно-морских наук, написал к ней предисловие.

О военных делах летчика Мироненко я узнал много позже. Сам же Александр Алексеевич рассказывал о себе весьма скупко. По комсомольскому набору поступил в Ейское военно-морское авиационное училище имени Сталина. С 1940 года служил летчиком в 5-м истребительном авиаполку Краснознаменного Балтийского флота. Войну начал с первых же ее дней, прикрывая небо над Таллином и уход наших кораблей в Кронштадт. Сопровождал самолеты, эвакуировавшие детей из блокадного Ленинграда. В день — по семь-восемь боевых вылетов.

Задача особого назначения — прикрывать с воздуха «Дорогу жизни». Прикрывал, не щадя своей машины и своей жизни.

В ту самую жестокую блокадную зиму Александр Мироненко вместе с еще пятью летчиками отогнал от автоколонны с продовольствием 18 самолетов противника. На каждого нашего — по три немецких самолета. И ведь отогнали, да еще два «мессершмитта» сбили.

За полтора боевых года Мироненко прошел путь от командира звена до командира истребительного полка. Полк под его командованием помогал прорывать ленинградскую блокаду, а потом гнать врага на запад. Под крыльями мироненковских истребителей проплывали крыши домов при-

балтийских столиц в облачках взрывов зенитных снарядов. Особо отличились они при штурме Мемеля (Клайпеды). МIRONENKO лично вел своих воздушных бойцов в огненное небо Кёнигсберга и Пиллау. Его 14-й гвардейский Краснознаменный истребительный полк был награжден вторым орденом Красного Знамени, а потом еще и орденом Ушакова. К слову сказать, точно такие же ордена были и на гимнастерке командира полка майора МIRONENKO, только в еще большем количестве. Да еще «Золотая Звезда» Героя Советского Союза, которую ему вручили в самый разгар боев за освобождение Белоруссии и Прибалтики — в июле 1944 года. В летной книжке аса были записаны 700 боевых вылетов. Он сбил лично 16 самолетов противника и пять — в групповых воздушных боях. Вот так ему достались его воинские чины и почести.

Сегодня воздушные волки морского неба вспоминают командующего морской авиацией ВМФ СССР генерал-полковника Александра Алексеевича МIRONENKO добрым словом.

* * *

Павел Степанович Кутахов... Еще один из когорты, точнее — из эскадрильи отчаянной храбрости фронтовых летчиков. Было время, когда слава о нем гремела по всему Карельскому фронту. Из самого крутого перехлеста пулеметных трасс он всегда выходил живым и невредимым. Летал над зеленым морем тайги, над болотами, над Балтийским и Баренцевым морями — в безориентирном пространстве и всегда безошибочно находил путь к победе в воздушном бою, путь к родному аэродрому.

В 1944 году его, крестьянского парня, британский король Георг IV наградил высшим военным орденом Британской империи. Эту награду он получил за прикрытие полярных конвоев в арктических морях.

Кутахов был тем летчиком, за бронеспинкой кресла которого лежал маршалский жезл. Он его получил в 1972 году, став Главным маршалом авиации.

Впервые я увидел главкома ВВС в редакции «Красной звезды», куда он приехал на ежегодную декабрьскую встречу с военными журналистами. Меня поразила его манера держаться на трибуне как в кабине истребителя, держа в

обзоре всех и каждого в отдельности, его хитроватая улыбка, его несвойственное высокому чину озорство и живость общения с непростой аудиторией. Он блестяще, толково, но и с юмором рассказал о главных задачах ВВС страны, перспективах их развития. Ответил на множество вопросов и стремительно исчез из зала. Во второй визит главкома ВВС я не упустил шанса подойти к нему с просьбой. Шла война в Анголе, туда летали наши военные самолеты с грузами мин, снарядов, продовольствия, и я попросился в такой полет. Просьба ему понравилась.

— Насчет Луанды это ты к Пакилеву обратись, командующему ВТА. Скажи, что я разрешил.

Командующего военно-транспортной авиацией генерал-полковника Георгия Николаевича Пакилева я разыскал в его штабе, размещавшемся не столь далеко от моего дома — в здании старинной казармы в Сокольниках. Так в мою жизнь вошел еще один ветеран Великой Воздушной Отечественной... Правда, в боях, как ни рвался на фронт двадцатилетний летчик, он не участвовал. Вот не надо было оканчивать летное училище с отличием! Теперь его как великолепного пилота не отпускало начальство. Надо было готовить новых летчиков взамен погибавших «стариков». И старший лейтенант Пакилев скрепя сердце обучал желторотых пилотов подниматься в небо, ставил их на крыло в Вознесенском авиационном училище летчиков (ВАУЛ), что дислоцировалось под тогдашним Молотовым (Пермью).

Сотни пилотов, прошедших пакилевскую летную выучку, воевали на всех фронтах Великой Отечественной. Все самолеты, сбитые пакилевскими учениками, наверное, можно зачислять на боевой счет учителя, ну хотя бы половину их.

После войны ВАУЛ расформировали. А Пакилев свободно расправил свои подрезанные училищным регламентом крылья. После восьми лет службы на Сахалине был переведен в Белорусский военный округ — командиром бомбардировочного полка. Потом новая воздушная стезя — военно-транспортная авиация. А это особая песня! «Военный Аэрофлот» летал во все горячие точки планеты — будь то региональные войны или стихийные бедствия, техногенные катастрофы или миротворческие операции.

Как отмечено в анналах нашей военной истории, «12 лет генерал-полковник авиации Г. Н. Пакилев командовал военно-транспортной авиацией СССР. За этот период ВТА перешла на самолеты третьего поколения — Ан-22 и Ил-76, превратилась в мощное оперативно-стратегическое объединение, накоплен богатейший опыт по эксплуатации новой авиационной техники, выполнению задач по ликвидации последствий экологических и технологических катастроф, осуществлению миротворческих операций. Именно Георгий Пакилев был председателем макетной и Государственной комиссии по самолету Ил-76 и сыграл немалую роль в создании и становлении одного из лучших ильюшинских самолетов с двигателями разработки пермского конструкторского бюро».

На испытания Ил-76 в десантном варианте и взял меня с собой Пакилев. Он сам, несмотря на свою высокую генеральскую должность, пилотировал самолет. Меня определил в кресло правого пилота — так было удобнее общаться в полете. Полетели в Витебск, где стояла десантная дивизия. А оттуда на полигон, где впервые в практике ВДВ десантники выбрасывались с парашютами из ИЛ-76 в четыре потока. Это было зрелище! Да к тому же еще и историческое — ведь впервые же!

Геorgia Николаевича не стало в 2008 году. В его честь один из самолетов 708-го гвардейского Керченского военно-транспортного авиационного полка (сегодня это гвардейская Керченская Краснознаменная авиационная база № 6958) был назван — «Георгий Пакилев».

* * *

В кабинетах Мироненко, Берегового, Пакилева, Кутахова я чувствовал себя Гулливером в стране великанов. Но великаны были великодушны. Прошедшие огненное горнило войны, они сумели преобразовать опалившее их пламя в тепло души...

С Героем Советского Союза майором Яковом Антоновым я никогда не встречался, да и встретиться не мог. Полет воздушного аса раз и навсегда оборвался в 1942 году под Моздоком. Но я знаком с обеими его дочерьми, вместе с

которыми мы пытаемся выяснить загадочную судьбу их отца. Дело в том, что в пришедшей в 42-м году похоронке сказано, что «майор Антонов пал смертью храбрых в воздушном бою». Нашелся очевидец, который своими глазами видел, как горел самолет командира полка.

А потом, правда спустя уже много лет, Алла Яковлевна увидела отца на трофейных фотографиях: израненный, он стоял в плотном окружении немецких летчиков, и те с большим вниманием слушали советского аса.

О том, как сложилась судьба Якова Антонова, существует несколько версий. По одной из них, сбитый летчик угодил в лагерь военнопленных под Мариуполем. А оттуда ему помогли бежать местные подпольщики, имевшие связь с разведотделом Черноморского флота. Флотские разведчики находились в оперативном подчинении разведотдела 56-й армии Южного фронта, стоявшей на Миусе. Предполагают, что после побега из лагеря Яков Антонов скрывался в доме санитарки больницы Матрены Дмитриевны Кузнецовой, где действовала подпольная группа врача Гнилицкого. Через некоторое время его переправили в город Ейск, где следы Якова Ивановича теряются...

Как бы там ни было, Герой Советского Союза майор Яков Антонов внес свой вклад в Победу: его полк прославился в тяжелейших боях за Кавказ.

* * *

...С бывшим фронтовым летчиком, командиром эскадрильи 671-го штурмового авиационного полка Георгием Тимофеевичем Береговым я познакомился в ту пору, когда он уже был дважды Героем Советского Союза, начальником Центра подготовки космонавтов, генерал-лейтенантом авиации. И познакомился там, где и полагается знакомиться с космонавтом, — на космодроме Байконур. Дело в том, что в 1984 году я получил «госзаказ» на роман о космонавтах. В отделе культуры ЦК КПСС мне сказали: «Хватит писать о подводниках, надо отдать должное и покорителям космоса». И я отправился на Байконур. По воинским законам, прежде чем начинать работу в «хозяйстве» того или иного военачальника, надо представиться главе этого «хозяйства». Вот я и был представлен начальнику Центра по

всей положенной форме. Несмотря на обилие своих громких титулов и званий, Георгий Тимофеевич Береговой отнесся ко мне великодушно, правда, с долей иронии.

— А здоровье-то позволит роман написать? — спросил он с усмешкой. — Вам же придется весь цикл пройти. А там и в космос слетать. А иначе как вы про нашу жизнь напишите?

— Когда проходить комиссию?

После знакомства с этим замечательным человеком я решил сделать его, космонавта номер 12, прообразом главного героя романа. Однако по целому ряду причин в космос я не полетел и роман не написал. Но в блокноте осталось немало записей бесед с Георгием Береговым, заметки о его фронтовой биографии. О себе он говорил так:

«Я был не из тех редких удачников и счастливцев, кто, рано угадав свою цель, упорно и уверенно шел к ней, делая вместе с тем и собственную судьбу. Мне удалось не петлять в поисках легких путей и решений, не размениваться по мелочам. В этом заключается мой способ жизни, мой “угол атаки”, и он меня не подвел».

На фронт гвардии капитан Береговой прибыл в августе 1942-го. Воевал на самолетах Р-5, АНТ-40 (скоростной бомбардировщик), Ил-2. Летал на штурмовку танковых колонн, бомбил железнодорожные узлы, мосты, понтонные переправы, артиллерийские позиции. 186 боевых вылетов. Трижды Берегового сбивали, и он выбрасывался на парашюте, трижды горел в самолете. Но кто-то за него горячо молился — всегда возвращался в строй.

Особенно отличился во время Львовско-Сандомирской операции, которую проводил 1-й Украинский фронт. 19 июля 1944 года летчики 4-го и 6-го авиакорпусов с разных направлений нанесли мощный удар по Львовскому железнодорожному узлу. Противник надолго лишился возможности подвозить резервы. Принимал участие Береговой и в «звездном» — с разных сторон — налете на большой немецкий аэродром под Львовом. За бои на Сандомирском плацдарме Георгий Береговой получил свою первую «Золотую Звезду» Героя Советского Союза. Вторую — спустя 24 года: за четырехсуточный космический полет на корабле «Союз-3». Фактически это был испытательный полет, испытывался космический корабль нового типа. И испытывал его 47-летний летчик-ветеран. Говорят, совершив свой полет, Георгий Тимофеевич стал старейшим землянином,

который побывал в космосе. Так-то оно так, но для меня он был в первую очередь геройским фронтовым летчиком. Знали бы немецкие асы, которые пытались уничтожить штурмовик Берегового, что за его штурвалом сидит будущий космонавт планеты Земля... Той самой, о которой поется в военной песне: «Горит и кружится планета, над нашей родиной дым...». Хороший сюжетный ход для романа! Жаль, что руки до него так и не дошли...

* * *

Как быстро они покидали эту землю, то ровную, как посадочная полоса, то ощерившуюся зенитным огнем, переселяясь туда, где им было привычнее — на небеса...

В 1984 году Москва хоронила Главного маршала авиации Павла Кутахова.

Генерал-лейтенант авиации Георгий Береговой скончался в 1995 году, упокоен на Новодевичьем кладбище в Москве.

Генерал-полковник авиации Александр Мироненко умер в 1999 году.

В 2008 году не стало и генерал-полковника авиации Георгия Пакилева.

В роду у меня не было летчиков. Но летчики, о которых я рассказал, стали для меня родными. В той или иной степени. В степени братьев отца, который вел свою роту на Запад под их воздушным прикрытием.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ М. П. ДЕВЯТАЕВА

- 1917, 8 июля* — родился в селе Торбеево Спасского уезда Тамбовской губернии (ныне Республика Мордовия).
- 1933* — окончил семилетнюю школу села Торбеево.
- 1934—1938* — учился в Казанском речном техникуме, одновременно занимался в аэроклубе. Работал помощником капитана баркаса на Волге.
- 1938* — Свердловским РВК города Казани призван в Красную армию.
- 1939—1940* — служил в 163-м резервном авиационном истребительном полку в Торжке.
- 1940* — окончил Первое Чкаловское военное авиационное училище летчиков им. К. Е. Ворошилова, получил звание младшего лейтенанта.
- 1940—1941* — командир звена 163-го авиационного истребительного полка в Могилеве.
- 1941, 22 июня* — в действующей армии. Боевой счет открыл 24 июня, сбив под Минском немецкий пикирующий бомбардировщик «Юнкерс-87». Всего за период с 23 июня по 16 сентября 1941 года произвел 180 боевых вылетов, в которых лично сбил девять самолетов противника. Награжден орденом Красного Знамени.
- 16 сентября* — во время выполнения боевого задания был ранен в правую ногу. Направлен в госпиталь.
- 1942, 11 января* — выписан из госпиталя, направлен в Казань в Высшую школу Красной армии.
- 29 ноября* — регистрация брака в Казани с Фаузией (Фаиной) Хайрулловой.
- 20 декабря* — не окончив школы, поступил в распоряжение Московского военного округа. После госпиталя врачебной комиссией определен в тихоходную авиацию. Служил в 714-м запасном ночном бомбардировочном полку на У-2, затем в санитарной авиации.
- 1943, начало года* — служил в 714-м отдельном авиаполку связи.
- Сентябрь* — командир звена 1001-го отдельного санитарного авиаполка.
- 1944, май* — вернулся в истребительную авиацию, командир звена 104-го гвардейского истребительного авиационного полка (9-я гвардейская истребительная авиационная дивизия, которой командовал Александр Покрышкин, 2-я воздушная армия, 1-й Украинский фронт).
- 13 июля* — сбит в воздушном бою в районе Львова, по-

пал в плен, после продолжительных допросов отправлен в Польшу, в лагерь для военнопленных

13 августа — с несколькими заключенными совершил попытку побега из Лодзинского лагеря военнопленных. Беглецы были схвачены, затем отправлены в лагерь смерти Заксенхаузен. Затем направлен на немецкий остров Узедом для работы на аэродроме Пенемюнде.

1945, 8 февраля — вместе с группой из десяти советских военнопленных захватил немецкий бомбардировщик Хейнкель-111 и совершил на нем побег.

Сентябрь — отправлен на остров Узедом для работы с Сергеем Королевым на ракетной базе в Пенемюнде.

Ноябрь — уволен в запас в звании младшего лейтенанта.

1946 — родился первый сын Алексей. Он выбрал медицину, работал в глазной клинике врачом-анестезиологом, позднее стал кандидатом медицинских наук.

1951 — родился второй сын — Александр. Он также выбрал медицину, занимался научной деятельностью, стал кандидатом медицинских наук.

1957 — родилась дочь Нэлли. Она окончила Казанскую консерваторию, преподавала музыку в театральном училище.

15 августа — по ходатайству С. П. Королева присвоено звание Героя Советского Союза.

1950-е — проводил испытания «Ракеты» — одного из первых советских судов на подводных крыльях; долгие годы работал капитаном речных судов, стал первым капитаном теплохода «Метеор».

2002, 24 ноября — скончался в Казани на 86-м году жизни. Похоронен в Казани на Арском кладбище, где расположен мемориальный комплекс воинов Великой Отечественной войны.

Награды

Ордена:

«Золотая Звезда» Героя Советского Союза (1957); два ордена Ленина; два ордена Красного Знамени; орден Отечественной войны I и II степени; «За заслуги перед Отечеством» II степени в серебре (ГДР).

Медали:

«За доблестный труд» («В ознаменование 100-летия со дня рождения Владимира Ильича Ленина»); «За оборону Москвы»; «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.»; «Ветеран труда»; медаль Жукова.

Почетный гражданин Республики Мордовия, а также города Казани и немецких городов Вольгаста и Цинновица.

ЛИТЕРАТУРА

Девятаев М. Полет к солнцу. М., 1972.

Девятаев М. Побег из ада. Казань, 1988.

Кривоногов И. Родина зовет: Записки офицера Советской Армии / Лит. запись И. Сидоровой. Горький, 1963.

Михаил Девятаев: Воспоминания, отклики, публицистика, хроника / Сост. А. Девятаев, Н. Девятаева, Ю. Юшкин. Саранск, 2007.

Моисеев В. Подвиг Михаила Девятаева // Советские летчики в боях за Родину. М., 1958.

СОДЕРЖАНИЕ

Вступление.....	5
Часть первая. СУДЬБА С ГОЛУБЫМИ ПЕТЛИЦАМИ ..	8
<i>Глава первая.</i> В небе скрылась точка.....	8
<i>Глава вторая.</i> В рубашке из красного флага.....	12
<i>Глава третья.</i> Год тысяча девятьсот тридцать седьмой ..	19
<i>Глава четвертая.</i> ОРАКУЛ	26
<i>Глава пятая.</i> Младший летчик лейтенант Девятаев ...	45
<i>Глава шестая.</i> «“Мордвин”», атакую! Прикрой!»	50
<i>Глава седьмая.</i> Небесный тихоход.....	62
<i>Глава восьмая.</i> «Я — “Выдра”!»	76
Часть вторая. СБИТЫЙ ЛЕТЧИК	86
<i>Глава первая.</i> Наметчина	86
<i>Глава вторая.</i> Заксенхаузен.....	110
Часть третья. ВЗЛЕТ С КРОМКИ БЕЗДНЫ.....	119
<i>Глава первая.</i> Дюны в тумане.....	119
<i>Глава вторая.</i> Угнать самолет!.....	124
<i>Глава третья.</i> Солдаты не ангелы	144
<i>Глава четвертая.</i> И пробил час!	149
<i>Глава пятая.</i> «Наведите меня на восток!»	166
<i>Глава шестая.</i> Жесткая посадка	176
<i>Глава седьмая.</i> Абвер здесь ни при чем.....	185
<i>Глава восьмая.</i> Следствие ведут знатоки.....	195
Часть четвертая. РАЗБОР ПОЛЕТОВ.....	203
<i>Глава первая.</i> Жизнь с нуля	203
<i>Глава вторая.</i> «С неба упала шальная звезда...»	210
<i>Глава третья.</i> «Где же вы теперь, друзья-однополчане?...» ..	214
<i>Глава четвертая.</i> Пролетая над гнездом кукушки.....	222
<i>Глава шестая.</i> Разбор полетов.....	230
Вместо послесловия	235
Приложения	
<i>Приложение 1.</i> Участники группы Девятаева	241
<i>Приложение 2.</i> Проект «Аллея российской славы»	242
<i>Приложение 3.</i> Нэлли Михайловна Девятаева об отце ...	243
<i>Приложение 4.</i> «Небо моя обитель...». Кое-что о судьбах пилотов военного неба.....	246
Основные даты жизни М. П. Девятаева	256
Литература	258

Черкашин Н. А.

Ч-48 Михаил Девятаев / Николай Черкашин. — М.: Молодая гвардия, 2023. — 259[13] с.: ил. — (Жизнь замечательных людей: сер. биогр.; вып. 1945).

ISBN 978-5-235-05013-6

Книга посвящена подвигу и судьбе легендарного советского летчика, которому удалось невероятное — совершить побег из концлагеря, угнав с немецкого аэродрома самолет. Автор был лично знаком со своим героем, побывал во многих местах, связанных с его жизнью, в том числе на немецком острове Узедом, с которого и совершил свой дерзкий полет пленный летчик. С каждым годом возрастает интерес к личности Девятаева. В сознании людей новейшего поколения, не знавшего войны, не укладывается тот пасьянс из роковых обстоятельств и счастливых случайностей, который выпал на долю, казалось бы, рядового летчика. Тем не менее назвать его рядовым никак нельзя: Девятаев из тех, кого называют незаурядным, выдающимся. И все выпавшие на его долю военные, воздушные и житейские перипетии происходили на самом деле, а не придуманы фантастом.

УДК 358.422(092)(047)

ББК 68.520.11(2Рос)

знак информационной
продукции

16+

Черкашин Николай Андреевич
МИХАИЛ ДЕВЯТАЕВ

Редактор **Е. В. Смирнова**
Художественный редактор **К. В. Забусик**
Технический редактор **М. П. Качурина**
Корректор **Е. Ю. Толкачева**

Сдано в набор 08.09.2022. Подписано в печать 28.09.2022. Формат 84x108/32. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная. Гарнитура «Newton». Усл. печ. л. 14,28+0,84 вкл. Тираж 2000 экз. Заказ 405.

Издательство АО «Молодая гвардия». Адрес издательства: 127055, Москва, Сушевская ул., 21. Internet: <http://gvardiya.ru>. E-mail: dsel@gvardiya.ru

Отпечатано с готовых файлов заказчика
в АО «Первая Образцовая типография»,
филиал «УЛЬЯНОВСКИЙ ДОМ ПЕЧАТИ»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

ISBN 978-5-235-05013-6

ИНТЕРНЕТ-МАГАЗИН

издательства

«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

Оформить заказ
можно на нашем сайте:

<http://gvardiya.ru/shop/>

или по телефону:

+7 (495) 787-95-59

(с 10-00 до 17-30 в будние дни)

Заказанные книги

можно получить по адресу:

г. Москва, ул. Сущевская, д.21, подъезд 1

или воспользоваться курьерской

и почтовой службой доставки

Наши книги
доступны всем регионам России!

СЕРИЯ «ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ»

ВЫШЛА В СВЕТ КНИГА:

Н. А. Карташов ВАСИЛИЙ ЧУЙКОВ

Дважды Герой Советского Союза маршал Советского Союза Василий Иванович Чуйков принадлежит к славной когорте блестящих военачальников и полководцев Великой Отечественной войны. В дни Сталинградской битвы, особенно при защите Сталинграда, имя Чуйкова и бойцов его 62-й армии стало символом несокрушимого русского духа, свидетельством стойкости, мужества, героизма и силы нашего народа. Для гитлеровских стратег истоки такого явления так и остались неразгаданными. А Чуйков со своей армией, выстояв, пошел дальше, освобождая Донбасс, Украину, Польшу от фашистской нечисти, и дошел до Берлина. В послевоенные и последующие годы Василий Иванович отдал всего себя без остатка служению Отечеству, патриотом которого он оставался до конца своей жизни.

Отзывы, творческие и коммерческие предложения
ждем по адресу:

127055, Москва, Сушевская ул., 21

Телефон: 8(495) 787-63-85 Факс: 8(499) 978-12-86

Телефоны для оптовых покупателей:

8(495) 787-63-75; 8(495) 787-63-64; 8(499) 787-62-92

Адрес АО «Молодая гвардия» в Internet:

<http://gvardiya.ru> E-mail: dsel@gvardiya.ru

СЕРИЯ «ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ»

ВЫШЛА В СВЕТ КНИГА:

С. Е. Михеенков ПИСАТЕЛЬСКАЯ РОТА

Писатели, поэты, драматурги, пожалуй, как никто из людей искусства, по-мужски решительно и по-солдатски храбро шагнули в войну. Из студенческих аудиторий, из редакций журналов и издательств, из московских квартир и глухих деревень, с заводов и из колхозов — поодиночке, отделениями, взводами, ротами — на фронт, в пекло. Среди них были уже сложившиеся мастера слова, такие как Константин Симонов и Алексей Сурков, были и малоизвестные, публиковавшиеся разве что в дивизионных малотиражках и армейских газетах, такие как Сергей Орлов и Василий Субботин, были и совсем неизвестные, кто напишет свои шедевры спустя годы, такие как Юрий Белаш. Такой книги еще не было. Уникальность «Писательской роты» еще и в том, что ее можно без конца дописывать и пополнять.

Отзывы, творческие и коммерческие предложения
ждем по адресу:

127055, Москва, Сушевская ул., 21

Телефон: 8(495) 787-63-85 Факс: 8(499) 978-12-86

Телефоны для оптовых покупателей:

8(495) 787-63-75; 8(495) 787-63-64; 8(499) 787-62-92

Адрес АО «Молодая гвардия» в Internet:

<http://gvardiya.ru> E-mail: dsel@gvardiya.ru

СЕРИЯ «ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ»

ВЫШЛА В СВЕТ КНИГА:

М. А. Кильдяшов ФЛОРЕНСКИЙ

Священник Русской Православной церкви Павел Александрович Флоренский (1882—1937) — человек-университет, человек-эпоха, человек-вселенная. Обращаясь к биографии и ключевым работам отца Павла, понимаешь, что нет ни одной области знаний, в которой Флоренский не оставил бы след: богословие и философия, искусствоведение и лингвистика, этнография и антропология, минералогия и инженерия... И в этом не только гений человеческого ума или неутолимая жажда познания. В этом прежде всего — стремление к Истине. А Истина не терпит разделения, она открывается только в единстве и единении. Современному обществу, считает автор, необходима такая личность, необходим пример такого объединительного дара, цельного мировоззрения, неустанного стремления к Истине. Мученическая кончина Павла Флоренского, его Голгофское восхождение стали торжеством Православия. И свет его духовного подвига продолжает сиять всем нам. Именно это и вдохновило автора на написание книги.

Отзывы, творческие и коммерческие предложения
ждем по адресу:

127055, Москва, Сушевская ул., 21

Телефон: 8(495) 787-63-85 Факс: 8(499) 978-12-86

Телефоны для оптовых покупателей:

8(495) 787-63-75; 8(495) 787-63-64; 8(499) 787-62-92

Адрес АО «Молодая гвардия» в Internet:

<http://gvardiya.ru> E-mail: dsel@gvardiya.ru

СЕРИЯ «ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ»

ВЫШЛА В СВЕТ КНИГА:

Н. В. Иртенина ЛИКИ РУССКОЙ СВЯТОСТИ

Россия фантастически богата святыми. На каждый день календарного года приходится хотя бы один, а чаще несколько святых, «в земле Российской просиявших». Писатель и публицист Наталья Иртенина стремится все эпохи в жизни России и Русской Церкви, включая век минувший, представить через призму святости. Летописец Нестор и Владимир Мономах, Сергей Радонежский и Андрей Рублев, Тихон Калужский и Трифон Печенгский, Феодорит Кольский и Варлаам Керетский, Серафим Саровский и патриарх Тихон, святая новомученица Татьяна Гримблит и многие другие стали героями книги. В их биографиях явственно звучит тема живейшего участия святых в складывании русской истории, в развитии культуры, просвещения, искусства. Православие и христианская святость показаны как русская национальная идея, а святые — как воспитатели, просветители и попечители русского народа.

Отзывы, творческие и коммерческие предложения
ждем по адресу:

127055, Москва, Сушевская ул., 21

Телефон: 8(495) 787-63-85 Факс: 8(499) 978-12-86

Телефоны для оптовых покупателей:

8(495) 787-63-75; 8(495) 787-63-64; 8(499) 787-62-92

Адрес АО «Молодая гвардия» в Internet:

<http://gvardiya.ru> E-mail: dsel@gvardiya.ru

СЕРИЯ «ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ»

ВЫШЛА В СВЕТ КНИГА:

А. М. Максимов ПЕСТАЛОЦЦИ

Иоганн Генрих Песталоцци (1746—1827) — великий швейцарский педагог, философ, писатель. Созданные им педагогические системы не просто актуальны для нашего времени, но опережают его. Песталоцци — создатель методов, которые сегодня каждый родитель может использовать в воспитании своего ребенка. Автор книги Андрей Максимов постарался рассказать не только о системе, но о совершенно невероятной, авантюрной, полной падений и взлетов жизни швейцарского гения.

Отзывы, творческие и коммерческие предложения
ждем по адресу:

127055, Москва, Сушевская ул., 21

Телефон: 8(495) 787-63-85 Факс: 8(499) 978-12-86

Телефоны для оптовых покупателей:

8(495) 787-63-75; 8(495) 787-63-64; 8(499) 787-62-92

Адрес АО «Молодая гвардия» в Internet:

<http://gvardiya.ru> E-mail: dsel@gvardiya.ru

СЕРИЯ «ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ»

ВЫШЛА В СВЕТ КНИГА:

**Ф. Ю. Константинов
СТЕФАН ЦВЕЙГ**

Стефан Цвейг (1881—1942) — выдающийся австрийский писатель, выступавший также как поэт, эссеист, критик, драматург, автор исторических биографий. Суммарный тираж его произведений только при жизни составил 60 миллионов экземпляров. Тем не менее о частной жизни «великого европейца», его характере, увлечениях, неосуществленных замыслах, о причинах его самоубийства в далекой Бразилии широкому кругу читателей, в том числе в России, известно очень мало. Автор книги Федор Константинов, используя все доступные российские и зарубежные источники, постарался не только выстроить собранные факты в хронологическую цепочку, но и превратить потускневший от времени портрет Цвейга в многоцветную галерею его окружения и эпохи.

Отзывы, творческие и коммерческие предложения
ждем по адресу:

127055, Москва, Сушевская ул., 21

Телефон: 8(495) 787-63-85 Факс: 8(499) 978-12-86

Телефоны для оптовых покупателей:

8(495) 787-63-75; 8(495) 787-63-64; 8(499) 787-62-92

Адрес АО «Молодая гвардия» в Internet:

<http://gvardiya.ru> E-mail: dsel@gvardiya.ru

СЕРИЯ «ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ»

ВЫШЛА В СВЕТ КНИГА:

Д. М. Володихин ПОЛКОВОДЦЫ СВЯТОЙ РУСИ

Русь Владимирская существовала два столетия: со второй половины XII века, от княжения Андрея Боголюбского, до второй половины XIV века, эпохи Дмитрия Донского. Она была исторически единой областью с общей столицей — Владимиром, который был символом единства Северо-Восточной Руси. В начале XIV века она оказалась в отчаянном положении. Разоренная, раздробленная, обезлюдевшая под гнетом Орды, она, казалось, уже никогда не обретет прежнего величия. Но именно она стала ядром будущей России, почвой, на которой поднялось единое Русское государство. Она стала горнилом, из пламени которого вышла Святая Русь — страна монахов-подвижников, просвещавших верой Христовой колоссальные пространства Севера. Наконец, она сохранила опыт византийской автократии, государственного строя истинной Империи. Четырём выдающимся правителям и полководцам Владимирской Руси посвящена эта книга.

Отзывы, творческие и коммерческие предложения
ждем по адресу:

127055, Москва, Сушевская ул., 21

Телефон: 8(495) 787-63-85 Факс: 8(499) 978-12-86

Телефоны для оптовых покупателей:

8(495) 787-63-75; 8(495) 787-63-64; 8(499) 787-62-92

Адрес АО «Молодая гвардия» в Internet:

<http://gvardiya.ru> E-mail: dsel@gvardiya.ru

СЕРИЯ «ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ»

ВЫШЛА В СВЕТ КНИГА:

В. Н. Козляков «БЛИЖНИЕ ЛЮДИ» ПЕРВЫХ РОМАНОВЫХ

Люди, приближенные к царствующим особам, временщики и фавориты имелись во все эпохи, независимо от того, как назывался правитель: король, царь или император. Именно они зачастую творили политику, стоя за спиной монарха или обсуждая с ним с глазу на глаз самые злободневные государственные вопросы. На Руси их называли «ближними людьми». О трех таких «ближних людях» XVII столетия рассказывает в своей новой книге известный историк Вячеслав Николаевич Козляков. Героями книги стали «первый боярин» царя Михаила Федоровича князь Иван Борисович Черкасский, воспитатель царя Алексея Михайловича боярин Борис Иванович Морозов и «великий канцлер», «русский Ришелье» Артамон Сергеевич Матвеев.

Отзывы, творческие и коммерческие предложения
ждем по адресу:

127055, Москва, Сушевская ул., 21

Телефон: 8(495) 787-63-85 Факс: 8(499) 978-12-86

Телефоны для оптовых покупателей:

8(495) 787-63-75; 8(495) 787-63-64; 8(499) 787-62-92

Адрес АО «Молодая гвардия» в Internet:

<http://gvardiya.ru> E-mail: dsel@gvardiya.ru

СТАРЕЙШАЯ РОССИЙСКАЯ КНИЖНАЯ СЕРИЯ

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Уже изданы и готовятся к печати:

Н. Карташов
«ВАСИЛИЙ ЧУЙКОВ»

А. Айнбиндер
«ПЕТР ЧАЙКОВСКИЙ»

А. Бондаренко
«АЛЕКСЕЙ КОЗЛОВ»

С. Михеенков
«ПИСАТЕЛЬСКАЯ РОТА»

К. Ковалев-Случевский
«ПАНТЕЛЕИМОН ЦЕЛИТЕЛЬ»

Н. Иртенина
«ЛИКИ РУССКОЙ СВЯТОСТИ»

Телефоны для оптовых покупателей:
8(499) 787-62-92; 8(495) 787-63-75; 8(495) 787-63-64
<http://gvardiya.ru>. E-mail: dsel@gvardiya.ru

СТАРЕЙШАЯ РОССИЙСКАЯ КНИЖНАЯ СЕРИЯ

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Уже изданы и готовятся к печати:

Ф. Константинов
«СТЕФАН ЦВЕЙГ»

А. Георгиевский
«КОРИН»

В. Эрлихман
«МОНАРХИ БРИТАНИИ»

М. Бондаренко
«ГОРАЦИЙ»

А. Ранчин
«НЕСТОР ЛЕТОПИСЕЦ»

В. Толстов
«ВЛАДИМИР ДОЛГИХ»

Телефоны для оптовых покупателей:
8(499) 787-62-92; 8(495) 787-63-75; 8(495) 787-63-64
<http://gvardiya.ru>. E-mail: dsel@gvardiya.ru

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ ОПТОВЫХ ПОКУПАТЕЛЕЙ

*Склад
издательства «Молодая гвардия»
находится в центре Москвы
по адресу:
Сушевская ул., д. 21
ст. м. «Новослободская», «Менделеевская»*

**В отделе реализации действует
гибкая система скидок**

**Доставка книг по территории
Москвы и Московской области
БЕСПЛАТНО**

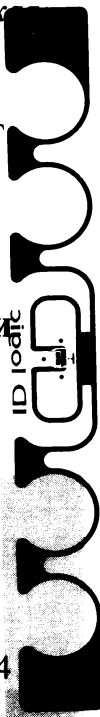
ТЕЛЕФОНЫ ОТДЕЛА РЕАЛИЗАЦИИ

8(495) 787-64-20

8(495) 787-62-92

ТЕЛЕФОНЫ СКЛАДА

8(495) 787-65-39   8(495) 787-63-64

Николай Черкашин

Известный писатель-маринист (р. 1946), член Союза писателей СССР (1983), лауреат Международной литературной премии «Золотой морской кортик» (1988), первый лауреат Международной премии «За веру и верность» (1992). Моряк-подводник, капитан 1-го ранга, служил на Северном флоте, почетный член экипажа подводной лодки С-178.

ISBN 978-5-235-05013-6

9 785235 050136 >

Книга посвящена подвигу и судьбе легендарного советского летчика, которому удалось невероятное — совершить побег из концлагеря, угнав с немецкого аэродрома самолет. Автор был лично знаком со своим героем, побывал во многих местах, связанных с его жизнью, в том числе на немецком острове Узедом, с которого и совершил свой дерзкий полет пленный летчик. С каждым годом возрастает интерес к личности Девятаева. В сознании людей новейшего поколения, не знавшего войны, не укладывается тот пасьянс из роковых обстоятельств и счастливых случайностей, который выпал на долю, казалось бы, рядового летчика. Тем не менее назвать его рядовым никак нельзя: Девятаев из тех, кого называют незаурядным, выдающимся. И все выпавшие на его долю военные, воздушные и житейские перипетии происходили на самом деле, а не придуманы фантастом.

Н. Черкашин

МИХАИЛ ДЕВЯТАЕВ

ЖЗЛ

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ